

С
М
И
Н
У
С
О
М
Е
Д
И
Н
Ц
А
И
г
о
р
ь
Х
О
Л
И
Н

С МИНУСОМ ЕДИНИЦА

Игорь ХОЛИН

.....

БИБЛИОТЕКА
МОСКОВСКОГО КОНЦЕПТУАЛИЗМА
ГЕРМАНА ТИТОВА

малая серия

.....

Игорь ХОЛИН

С МИНУСОМ ЕДИНИЦА

ПОВЕСТЬ
ДНЕВНИК
ЗАПИСКИ

Вологда 2020

Подготовка текстов И. Ахметьева.

В оформлении обложки использована фотография
В.А. Лебедева

© И.С. Холин, наследники, 2020

© Е.Л. Кропивницкий, наследники, 2020

© М. Сумнина, макет, 2020

© А. Монастырский, обложка, 2020

© Библиотека Московского Концептуализма, 2020

С МИНУСОМ ЕДИНИЦА

ЛИОНСКИЙ ВОКЗАЛ

Поезд международный экспресс «Красная стрела» приблизился к изрытому ухабами перрону.

Сутолока

Паника

Топот ног

Вопли о помощи

Люди бегут и падают. Натыкаются на телеграфные столбы. Сбивают друг друга. Прыгают с подножек

Объятия

Поцелуи

Возгласы приветствий

У кого-то вырвали из рук авоську с картошкой. Кто-то тянет за волосы молодую женщину. Женщина падает под колеса. Голова катится по шпалам, как головка голландского сыра.

Наших трое.

Художник Тетерин, художник Бардулин и поэтесса Венера Губарева.

По мешкам, по чьим-то спинам они с трудом выбираются на крышу. И уже оттуда спрыгивают на перрон.

Ура!

Кажется, целы и невредимы.

Совещаются, куда теперь податься.

Тетерин пытается растолковать приятелям, что лучше всего рвануть на Мырмо́тр, где обитают собратья-художники.

Может, встретим кого из знакомых? Выпьем с ними в первую очередь по маленькой, чем поят лошадей. У Бардулина в голове другое, переть туда, где бабы, а где они, он ни ухом, ни рылом не чуёт. Нужно спросить у какого-нибудь разьебаного в доску француза.

Договорились переть, как выразился Тетерин, на Хуйметр.

– Эй, проходимец (голос Тетерина), как на Хуйметр попать, слышишь, пиздюк?

– Чаво? – голос француза.

– Не чавокай, а говори дело!

– Какое дело?

– Такое дело!

БАРДУЛИН. Хули ждешь, бей по пачке. Он же по-русски ни хера не понимает. Видишь, зенками остекленелыми вращает, как жерновами.

ТЕТЕРИН. Говори, сучёнок, как на Мыртветр? У нас там, понимаешь, мандавошка вшивая, друзья живут, художники, как мы. Рисуют, понимаешь?

– Понимаю, понимаю, – закивал понимающе француз. – Я вас, господа, отлично понимаю.

Мой бедный матушка был в вашей замечательной стране. Он учился в Омский университет. Бедный матушка. Мне жаль мой бедный матушка. Он не вернулся домой во Францию. Он умер в России от ужасный холод!

ТЕТЕРИН. Короче!

ФРАНЦУЗ. Зачем короче?

ТЕТЕРИН. Говори, гаденыш несчастный, где ваш Хуйбздетр?

ФРАНЦУЗ. Пожалуйста. Я вам сейчас все разьясню наилучшим образом. Другие объяснят неправильно, а я объясню правильно.

ТЕТЕРИН. Блядь бестолковая!

ФРАНЦУЗ. Что вы сказали?

ТЕТЕРИН. Мандавошка!

ФРАНЦУЗ. Если я вас правильно понял, вы спрашиваете, как пройти на Монмартр?

ТЕТЕРИН. Правильно, пиздюк-пиздович!

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Покажи ему хуй!

ФРАНЦУЗ. Что сказала ваша замечательная подруга?

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. А ты французик настоящий?

ФРАНЦУЗ. Самый настоящий. Настоящей не бывает.

БАРДУЛИН. Заткни ебальник, Венера. Говори, падла. Где ваш Мыртхетр?

ФРАНЦУЗ. О, пойдете прямо вперед, а потом прямо назад, а потом вперед, а потом назад.

БАРДУЛИН. Правильно мудозвон все объяснил. Я и сам думал, что сначала надо вперед, а потом назад, а потом опять, еб твою переебать!

ТЕТЕРИН. Хуй с ним, с Мырхуетром. Водка кончилась. Башка, бля, трещать начинает. Что делать? Водку ведь в этом сто раз разьебаном Париже не найдешь. А без нее, как кролик, пропадешь!

БАРДУЛИН. Не пизди. Дойдем до ближайшего продмага, купим пару бутылок. Тут продмаги на каждом углу.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Погодите, мальчики, я на всякий случай французика закадрю.

ТЕТЕРИН. Молчи, жопа, в рот мы ебали твоего француза. Муде нужно приклеить к его бороде.

БАРДУЛИН. Не расстраивайся, Венерочка, тут этих французов, хуй мне в спину, полно. Кадри любого. Только у них изьяны, на жопе раны, и все они обосраны!

ТЕТЕРИН. А у китайцев синие яйца, потому что они китайцы.

БАРДУЛИН. А эскимосы все ебутся, как хуесосы.
ТЕТЕРИН. Летят под откосы.
БАРДУЛИН. Курят папиросы.
ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Я сейчас тоже к слову китайцы рифму подбираю.
ТЕТЕРИН. Самая лучшая рифма – яйца!
ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Заткни ебальник паяльником, мудозвон, я один раз три недели подбирала рифму к слову перекося.
БАРДУЛИН. Понос!
ТЕТЕРИН. Кровосос!
ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. А вот нет, насос, и отъебитесь!
БАРДУЛИН. Оригинально.
ТЕТЕРИН. Ты у нас, Венерочка гений, бля!

Вокзал по-прежнему

Орал

Блевал

Ржал

Рожал

Кого-то поезда, озверев, разорвали на части, кого-то обворовали, кому-то оторвали муда.

И действительно, прав оказался француз. Пришлось нашим в общем потоке переть вперед, а потом назад, а потом снова вперед.

ТЕТЕРИН. Мешочники проклятые, из-за них натуральным туристам, каковыми являемся мы, нет на свете житья! Куда это годится, прут и толкаются, как в Рязани!

БАРДУЛИН. Меня какой-то чемоданщик двинул углом в бок, чуть ребро, поносник, не сломал.

Перли они, перли, и опять к своему вагону приперли.

Тетерин, увидев родной вагон, высказал мысль, которая

удачно совпала с пожеланиями остальных спутников, что нужно скоренько уебывать обратно в Москву, пока руки и ноги целы, пока хуесосовы французы не перетерли порядочных людей в порошок, что при такой давке вполне возможно. БАРДУЛИН. Иначе, хуи-муи, с этого вокзала ни в жисть не выбраться. Пришел нам пиздекс, пора отваливать.

Но такому шагу самым решительным образом воспрепятствовал автор, который сказал твердо, что в Москву теперь ехать нельзя, что действие повести должно происходить в Париже, что иначе пропадет весь смысл написанного.

Наши, выслушав возражения автора, с ним согласились, добавив, что в конце концов один хуй, что Москва, что Париж, если ты в дугу пьян.

Неизвестно чем бы все это кончилось, выручила Венера Губарева. Она рассердилась, и поперла на оторопевших французов своей могучей грудью. Толпа расступилась. Впереди кирпичный забор. Венера прет на забор. Забор не выдержал, рухнул, как карточный домик.

Наши ринулись в пролом. За ними стадо восхищенных французов.

Француз с остекленевшим гляделками оказался тут. Он шел впереди толпы и нес огромный красный флаг.

На другой день все парижские газеты писали, что русским удалось организовать на Лионском вокзале диверсию. Была брошена водородная или иная, не менее разрушительная бомба, которая разнесла в щепки почти новый кирпичный забор. Человеческих жертв, по чистой случайности, не оказалось.

ЗАБАСТОВКА

На привокзальной площади кутерьма почище, чем на вокзале.

Посредине, несколько в стороне, возле какого-то исторического здания, трибуна, обитая красным кумачом.

Мимо, стройными колоннами, проходят совершенно голые женщины. Похоже, что в городе происходит какой-то малоизвестный парад.

Бабы, стоящие на трибуне, отдают воинскую честь проходящим внизу. У одной лярвы сиськи свешиваются до самого пола. Иногда она ими встряхивает, и машет, как крыльями, приветствуя проходящих.

В дальнейшем выяснилось, что это не парад, а мирная демонстрация.

В это злополучное время, как нашим приехать в Париж, там разразилась, в буквальном смысле, катастрофа.

Бабы объявили бабскую забастовку, требуя от мужиков повышения нежности.

– Мужики охамели! Пора призвать их к порядку. В их руках находится армия и флот, милиция и суды, и остальные важные и неважные госучреждения. Нам остается одно, бастовать и баста! Пусть двуногие с отростками между ног проживут без ебли. Посмотрим, что из этого выйдет. Только так мы можем добиться повышения нежности.

Бабы, будьте мужественны!

Выше сиськи!

Великолепная наша троица, выскочив из пролома, угодила в самую гущу бастующих голых тел.

Ряды расступились.

Бардулин, воспользовавшись кратковременным замешательством, вытащил из порток свою порядком поистершуюся пипирку, и попробовал, лучше бы он этого не пробовал, пристроиться сзади к одной средних лет смазливой дамочке.

Дамочка эта на вид хоть и была миниатюрна и слаба, но врезала Бардулину с такой силой, что он пролетел по мостовой метра три и врезался в живот одной в это время беременной особы. Особа тотчас родила младенца с агитплакатом в руке. Среди всеобщего гвалта громче всех вопил новорожденный, требуя особого внимания к своей персоне.

Счастливая женщина сидела на бульжниках и облизывала ребенка.

Бардулин тотчас был окружен плотным кольцом ничего хорошего не сулящих женщин.

Бардулин стоял, держась одной рукой за пипирку, а другой отчаянно жестикулируя, давая понять, что о забастовке он не имел ни малейшего представления, что если бабы ходят по улицам голыми, то их нужно ебать, что он не виноват, что у него не стоит, что он только что приехал в этот миллион раз распиздовый Париж, что не успел еще акклиматизироваться, что если бы у себя в Москве, тогда бы он... Посмотрели бы тогда, на что он способен, а теперь, конечно... Да что там говорить!

Женщины не дали ему высказаться до конца, повалили на мостовую с явным намерением оторвать бардулинское муде.

Тут Венера Губарева, почуяв женским обостренным чутьем грозящую Бардулину опасность, быстренько настрочила записку в президиум, указав, что данный субъект не является французским подданным, что если марухи за такую незначительную провинность попробуют оторвать бардулинские яйца, то пусть лучше не пробуют, а если пробуют,

то сами первые пожалеют, что она, Венера Губарева, в таком случае им назло переобется со всеми ихними жлобами.

Баба с самыми длинными сиськами предложила поставить вопрос на обсуждение.

– Кто хочет выступить?

Несколько десятков сисек взметнулись вверх.

Говорили около шести часов. Еще одна баба родила, но на этот раз девочку, которая запела «Вставай проклятем заклейменный – в штанах – весь мир голодных и рабов – без штанов».

Одна ораторша, взойдя на трибуну, как на гильотину, не могла вымолвить ни слова, а показывала рукой на обнаженную грудь и пизду.

Тетка с самыми длинными сиськами, подведя итог выступлениям, сказала:

– Раз данный хуй моржовый принадлежит другой нации, то хуй с ним, пусть пока живет. На первый раз прощаем. Но больше пускай не попадает, пощады не будет, не только муде, но и хуй оторвем!

После заключительных слов ораторши Губарева и Тетерин подхватили Бардулина под ручки и подались прочь, напевая:

Здесь девочки танцуют голые,
Здесь дамы в соболях,
Лакеи носят вина,
А воры носят фрак...

БАРДУЛИН. А не податься ли нам к Дудочкину в «Яму»?
ТЕТЕРИН. Хуй милый, мы ведь не в Москве, а в Париже!

ЗАВЕДЕНИЕ

Париж весь в солнце и в цветах, в рекламах, в запахах духов фирмы «Диор», флакон 50 р.

– Сколько поллитров на эти деньги можно купить, еб иху мать! – ругается на всю улицу Тетерин.

И его можно понять, если он вместо водки частенько употребляет тройной одеколон.

– От рабочего человека должно вонять по-рабочему: деревом, картоном, холстом, красками, растворителем, как от меня, а не блядскими духами, да еще по такой несуразной для россиянина цене.

Бардулин заметил:

– Не рассуждать надо, а мани-мани на бутылочку собирать. Вытряхнули карманы, а в них одни шиши.

ТЕТЕРИН. Где это мы? Когда это мы? Вчера, кажись, было хрустов сто?

БАРДУЛИН. Были, да сплыли. В «Метрополе» просвистели.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Не в «Метрополе», а в Доме литераторов. Там вы угощали всех подряд: и Сусликова, и Пусликова, и Чудакова, и Простакова, и Лейкина, и Подливайкина, и Сайкина, и Скамейкина, и Канарейкина, и Наливайкина, и Распиздайкина!

ТЕТЕРИН. Хуй с ними, все свои!

Рубля два с копейками, вывернув карманы, наскребли. Думают, если малость не достанет, то французы должны поверить в долг, не басурманы же ведь, а свои, такие, как мы, цивилизованные люди.

Кинулись к магазинчику, что на углу, а он фигушки, закрыт на учет. Окна задвинуты дубовыми ставнями.

ТЕТЕРИН. Если не повезет, то на родной сестре триппер поймашь!

БАРДУЛИН. Это уж точно.

Но некое заведение нашлось.

Шмонались они, шмонались по улочкам-переулочкам, глядь, случайно, конечно, везет ведь, вот оно, заведение. Набрели. Радость какая. Какая радость. Слов нет.

Бросились. А перед входом француз, как из-под земли. На стуле вертится. Препградил путь. Сидит, уставившись остекленелыми зенками на стену противоположного дома.

Взгляд тверд.

ТЕТЕРИН. Не пускает, ухоеб, думает, что у нас нет монеты. Есть монета. Вот она. Тут немного недостает. Но мы тебе, блядь буду, из Москвы недостачу пришлем.

БАРДУЛИН. Сейчас я с ним поговорю. Послушай ты, хуй с редькой, дай бутылку водки, водка, водкой, о водке. Недостающие отдадим. За нами не заржавеет. Расплатимся русскими соболями. Они у нас на Северном полюсе пасутся. У нас там, хуй тебе в глаз, свой промысел. Понимаешь, мудозвон? Грудь, понимаешь, горит!

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. От этого позорника ни в жизнь толку не добьешься. Эй, хуй с Пресни, водка есть?

ТЕТЕРИН. Хули с живодристом разговаривать. Разжирел блядюга на дармовых харчах. Народ свой ограбил. Придет время, доберемся и до вас! Триперист, дристотрист, трихуист. Расселся на двух сраках.

БАРДУЛИН. Он же не фашист, а француз, французы никого не грабили!

ТЕТЕРИН. Все они хуи-муи одинаковые!

Замолчали. Стоят. Переглядываются. Что же делать?

Только француз как сидел, так и сидит. Ни один мускул не дрогнул на его ничего не выражающем лице.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Айн момент, мальчики. Я сейчас сама с ним поговорю!

Венера, плотоядно виляя соблазнительными бедрами, выставив вперед неотразимые титьки, пошла на таран.

Но француз и тут не дрогнул.

БАРДУЛИН. Ты ему пизду покажи, Венерочка, пусть посмотрит на русскую пизду. Отродясь такой, как у тебя, не выдывал. У них не бабы, а плоскодонки. Ни жоп, ни грудей, полна пазуха мудей.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Видишь грудь, пиздохуй сракожопый? Будет твоя бесплатно, без пенёз. Дам пощупать за так. У вас за показ деньги платят, а я тебе задаром покажу! Дашь бутылку на троих, и в расчете.

БАРДУЛИН. По глазам вижу – и под пизду не даст. Жмот.

ТЕТЕРИН. Нассать ему в карман.

Венера Губарева задирает юбку почти на самую голову, и орет:

– Руки вверх! Не шевелись! Буду стрелять, в драбли, пабли, кебли мать! Поджигайте, ханурики, его лавочку к хуям! Не люблю жмотов. Пусть сгорит со всем его французским дерьмом! Уррраааа!!!

ФРАНЦУЗ. Тихо, мандасука, русский я! Свой, блядь буду!

ТЕТЕРИН. Гляньте-ка, а мандович-разъебович по-нашему калякает. Ну и дела! Что же ты, падла подканавная, голову нам морочил битый час?

ФРАНЦУЗ. Говорю вам, выполняю спецзадание. Для прикрытия служит это заведение, и больше ни хуя!

БАРДУЛИН. Шпион, сука?

ФРАНЦУЗ. Не шпион, а разведчик. Улавливаете разницу?

ТЕТЕРИН. Хуй с тобой. Водка есть?

ФРАНЦУЗ. Ебанный в рот буду, нет у меня водки! Не изготов-

ляют разьебанцы французские водку. Джин, падлюки, выделяют. Водки днем с огнем не сыщешь, хоть выебись!

БАРДУЛИН. Чтоб меня разьебали в куски, чтобы мне всю оставшуюся жизнь сосать жеребчий хуй, если это не тот самый француз, который разводил поебень на вокзале!

ФРАНЦУЗ. Заходите, гости дорогие, далекие и близкие, джином угощать буду. Сижут тут, понимаешь, в этой вонючей дыре, в которой русским духом не пахнет, а пахнет французским дерьмом. Скучаю. Как хорошо, что вы, мои голубы, заглянули к вечному страннику.

ТЕТЕРИН. Не страннику, а сраннику!

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Где, паскудство, мужики ваши, французики-карапузики, подошли что ли?

– Хуже, голуба, хуже. Бабы, бля, бастуют, а мужики им назло целыми днями смотрят порнофильмы. Скоро все от физического истощения дадут дуба. Жрать ведь им, мандовичам-хувичам, бабы не дают. Бабы дуры. Не понимают простых вещей – если мужик не будет жрать, то у него и залупа не будет стоять. Кто же их будет ебать? А фильмы эти изнуряют плоть почище наркотиков. Посмотрели бы вы эти фильмы. С ума можно сойти. В одних фильмах бабы мужиков ебут, в других мужики баб, в третьих мужики мужиков, в четвертых бабы баб, в пятых мужики онанируют, а потом совокупляются с кошками и собаками, и с другим зверьем, а потом сорок разновидностей минета, а потом по-турецки, а потом по-немецки, а потом по-африкански, кубински, парагвайски, одной бутылку засунули в шагну!

ТЕТЕРИН. А заведеньце у тебя ничего.

ФРАНЦУЗ. Пришлось обставить, как у всех, чтобы не быть белой вороной. Они ведь не окончательные кретины, могут догадаться, почему я все время смотрю на стену соседнего

дома. Вся мебель в стиле Луи. Теперь такая мебель стоит больших денег, хоть она и сработана наживо. Сидеть на ней даже не пробуй, кувыркнешься на пол. Для друзей держу другую мебель, дубовую. А эта приспособлена, чтобы гость долго не задерживался. Поелозит, поелозит задницей, чтобы не брякнуться, да и домой.

БАРДУЛИН. А почему это у тебя мебель стоит на потолке?

ФРАНЦУЗ. Тоже новшество. Удобство в этом новшестве огромное. Я вам погоды все объясню.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. А он милашка!

ФРАНЦУЗ. Прежде вся мебель стояла на стенах. Квартиры новых не строят, вот и приходится изгаляться, чтобы образовалась дополнительная квадратура площади. Здесь, если хотите, у трудового человека больше половины зарплаты уходит на квартплату. ЖЭКи и ДЭЗы совершенно озверели, обдирают трудящихся, как липку. Язвы капитализма дают знать себя на каждом шагу.

ТЕТЕРИН. А как же они, собаки, ухитряются сидеть на потолке? По моему разумению, человек не блоха, ха-ха, может шкандыбнуться вниз, голову расшибить вдрызг...

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Очень просто, перед употреблением их надувают теплым воздухом.

ФРАНЦУЗ. Ошибаетесь, сударики-ебарики, рыбаки-ебари! Все происходит по-другому, не так, как вы думаете. Не старайтесь, все равно не догадаетесь. Для поддержания на потолке тела в нормальном состоянии служит приспособление, которое специально изобретено для этой цели. А именно, на лучших заводах Франции сработанный магнит. Стоит включить систему, как незаметно окажешься на потолке. Ходите себе там, как по травке-муравке, наслаждайтесь.

ТЕТЕРИН. Знаем мы всю вашу подлянку, хуй тебе в ноздрю.

Все ты, сифилитик, врешь!

ФРАНЦУЗ. А вот мы сейчас узнаем, вру я или нет. Внимание, приготовились, включаю систему!

Произошло нечто для русского человека невразумительное.

Вначале всех с пола подняла какая-то невидимая сила, потом перевернула вниз головой и потащила под потолок.

Тетерин уверял потом, что во время полета что-то тепленькое по заднице его похлопывало.

ТЕТЕРИН. Вот бля, гля, для!

БАРДУЛИН. Вот хря, фря, сря!

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Еб твою мать, еб твою мать, еб твою мать!

ФРАНЦУЗ. Как чувствуете себя, алкоголики?

БАРДУЛИН и ТЕТЕРИН хором: Как кролики!

ТЕТЕРИН. У меня в голове звон. Отчего он? Вроде из башки вытянули мозги и вставили вместо них патефон.

ФРАНЦУЗ. Нажми на кнопку полосатую. Да не на эту, пиздюк сраный! На полосатую, сказал, а ты жмешь на кнопку в шашечку! От кнопки в шашечку блевать начнешь. Вот теперь правильно. Полосатая кнопка служит для облегчения тяжести в башке и для удаления нежелательных шумов.

ТЕТЕРИН. Хуй с ним, с шумом, выпивку давай!

ФРАНЦУЗ. Все в ваших, милостивые господа, руках. Механизация жизненных процессов есть наиглавнейшая цель цивилизованных народов, ух!

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Может, хватит пиздить, пора и за дело?

ФРАНЦУЗ. Кнопки я придумал сам, для забавы посетителей. Двунogie любят на что-нибудь нажимать даже тогда, когда их об этом не просят. А вы, я вижу, не любопытствуете. Нажмите на кнопку с квадратиками, будет вам джин.

ТЕТЕРИН. А ты не наебываешь?

ФРАНЦУЗ. А для чего мне вас наебывать?

ТЕТЕРИН. А хуй тебя знает.

ФРАНЦУЗ. Ладно, будет вам. Сам первый нажму. Следите за мной внимательно, и запоминайте, как нужно нажимать. Раз, и в дамках! Бутылка джина на столе!

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ШПИОНСТВЕ

Выпили по одной. Повеселели. Тетерин поморщился, давая этим понять, что джин, который им приходится пить и который пьют одни проститутки, не пришелся ему по вкусу, что пьет он его потому, что пить больше нехуя, что ему нравится напиток, который на Руси с давних пор называется Водкой, что водки существуют разные:

Сучек

Московская

Столичная

Перцовка

Лимонная

Зубровка

Ерофеич

А если еще включить наливки: спотыкач, запеканку и другие, всего до вечера не пересказать, – любая из них намного полезней разьебанского джина.

И вообще Тетерин выразился, что джин воняет покойниками. А сказав это, поинтересовался у Француза:

– Не на покойниках ли настаивают этот собачий напиток?

Француз в свою очередь ответил:

– Не на покойниках, а на можжевеловых ягодах. Из покойников приготавливают другое пойло.

ТЕТЕРИН. Лучше подавиться говном, чем лакать такое басурманские питье. Одни французы на это способны. Жрут всякую тухлятину. В том числе глотают лягушек и прочую гадость.

Француз сказал, что джин – отличный напиток. Особенность его такова, что он благотворно действует на мужские половые органы. Увеличивает стоячку.

На что, со своей стороны, Тетерин резонно заметил, что это хуйня на постном масле, что пользительней водки на свете ничего нет, что у него, у Тетерина, и от водки хер не поднимается, что после выпитой бутылки водки у него наблюдается в кумполе некоторое покачивание и волнение мозговых извилин, или хуй его знает чего, что после выпитого джина он этого явления не наблюдает. Вот и вся еболга.

ФРАНЦУЗ. Закуски нет. Жрать в доме нечего. Дожили. Хоть бы крошка хлеба была или кусочек сыра. А все наши лярвы виноваты. Видели, что творится на улицах? Нагишом, суки, бегают.

БАРДУЛИН. Чуть яйца не оторвали.

ФРАНЦУЗ. И моя курва со всеми шляется. Отказалась готовить жратву. Третий месяц ничего не жру. Охуеть можно! Кишки от постоянной голодухи в животе слиплись. Манда сраная. Нежности дополнительной захотела, распиздяйка хуева. Не подумала, что у самой шкура от времени стала дубленая. И я должен ласкать эту шкуру? Увольте. Ладонь можно запросто окарять.

Палкой я ее луплю. И буду лупить. Теперь пусть шляется. Потом за все оплачу. Будет знать, как мужем пренебрегать. Кол в сраную жопу всажу. Я ее и теперь не больно боюсь. Пока есть джин, не пропаду. А у меня его три цистерны припасено. Пусть бастуют до охуения. Явится, халява, в джине утоплю.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Это от джина у тебя глаза остекленели? Француз. Глаза, если хотите знать, стеклянными сделались совсем по другой причине, к джину отношения не имеющей. Видите соседний дом? Вот тот, который серый? Я все время смотрю пристально на стену этого дома. Обращаю ваше внимание на то, что дом этот не безынтересен. Любопытен он до чрезвычайности. Только молчок!

ТЕТЕРИН. Съешь говна кусок.

БАРДУЛИН. Обосрешь сто досок.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Подождите, мальчики, я сейчас тоже рифму подберу: мазок, тормозок, от пизды волосок!

ФРАНЦУЗ. В этом доме помещается вражеский шпионский центр. Оттуда они засылают резидентов в развитые и мало-развитые страны. Готовят взрывателей, подрывателей и ниспровергателей под видом обывателей. Чтобы было удобней за ихними шашнями следить, я придумал состав, при помощи которого можно видеть сквозь стену. Помазал глаза, и теперь вижу сквозь любой предмет. Я выдумал состав, а они придумали контрсостав, обмазали дом изнутри. И теперь я, увя, ничего не могу разглядеть. Жду, когда кончится действие контрсостава. Обвели меня вокруг пальца, объебли. Вы только Василию Иванычу про это не говорите. Как пить дать, закатит строгача с занесением в личное дело за недосмотр. Но будьте уверены, я свое возьму. Я их в свое время так наебу, что все их хитроумные замыслы полетят к ебени фени!

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. А сквозь другие стены ты тоже видишь?

ФРАНЦУЗ. Сказал, что вижу сквозь любые предметы.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. И сквозь одежду?

ФРАНЦУЗ. Сквозь одежду я и без состава все вижу. Печенку у человека могу рассмотреть, как географическую карту.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Выходит, я для тебя голенькая?

ФРАНЦУЗ. Угадала, сучка. Родинка у вас, мадам, возле пупка имеется. А волоски на детородном месте беленькие, от частого употребления стертые слегка.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Вот помоечник. Все успел рассмотреть. Иди, я тебя за это расцелую, малофейник несчастный.

ТЕТЕРИН. Дура, как он к тебе подойдет, если намертво магнитом к потолку привинчен?

ФРАНЦУЗ. Системой все предусмотрено. Для того чтобы свободно пройти по потолку, нужно нажать на следующую за полосатой кнопку.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Спусти на пол. Хочу ссать.

ФРАНЦУЗ. Зачем спускать, дорогая? Сортир находится на потолке. Могу проводить.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Ебать не будешь?

ФРАНЦУЗ. Конечно, нет.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Тогда провожай, мандович-хувевич.

Венера Губарева и Француз исчезают.

Тетерин и Бардулин выпивают еще по одной бутылке джина, который, по их мнению, не оказывает на психику ни малейшего воздействия.

Тетерин возмущен. Хватает пустую бутылку и бросает на пол. Но бутылка, проделав невообразимое сальто-мортале, падает на потолок.

Тетерин удивляется.

Бутылка разбивается о голову Бардулина. Бутылка вдрызг. Голова цела.

ТЕТЕРИН. Надоело, хуй им в ляжку, торчать в Париже. Вот бы смыться теперь!

БАРДУЛИН. А Француз нашу Венерочку в нужнике ебет. Слышишь, как унитаз скрипит?

ТЕТЕРИН. Ты думаешь, он ее прямо на унитазе?

БАРДУЛИН. А почему бы нет. Сам ебу на унитазе, когда бабу удается затащить в сортир. Пусть ебет, ее хватит на весь кагал, и еще другим останется.

ТЕТЕРИН. Давай, Бардулик, пока они там, педерасты, бараются, толковищу заведем про искусство, как интеллигентные люди!

БАРДУЛИН. Если уж совсем нехуя делать, давай, хуй с тобой! А насчет джина ты прав – как конская моча. Этот джин только жопой пить.

ТЕТЕРИН. Если про искусство не желаешь, можно заняться чем-нибудь другим. Хуй подрочить.

БАРДУЛИН. Нет охоты онанизмом заниматься. Баб охота ебать и в правое, и в левое ухо. Люблю тепленькое, мокренькое, да чтобы по волосикам можно погладить.

ТЕТЕРИН. А ты кулак намывь, а по волосикам погладь меня. Будет полная иллюзия.

Но тут появилась Венера Губарева и Француз. У Венеры на щеках играет румянец. У Француза тоже глаза слегка потеплели. Венера хихикает.

БАРДУЛИН. Ты чего, проститутка?

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Да так. Не подумайте, мальчики, у меня с ним ничего не было. Не получилось.

ТЕТЕРИН. Как так?

БАРДУЛИН. Не дала, позорница?

ТЕТЕРИН. Всю нашу державу опозорила, манда засратая!

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Я, мальчики, если хотите, не виновата. У него хуй не стоит. Маленький, как сморчок.

ТЕТЕРИН. А ты бы покачала. Он бы и увеличился. Известное дело, усох. Три месяца бабу не имел. Одним джином питается. Человек ведь он, хоть и француз. Сам люблю, чтобы баба елду перед употреблением хорошенько покачала.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Заткнись, хуедрочка! Без тебя знаю, что покачать надо. Учитель мне нашелся. Качала, не помогло. Хер у него к мудям, говорю, приклеился.

ФРАНЦУЗ. Вы думаете, что шпионской работой заниматься легко? Говорю вам со всей ответственностью, тяжелей шпионской работы нет ничего на свете. Главное, что она больше всего действует на психику человека. Изнуряет и тело и ум. После такой работы ни один хуй не встанет, хоть качай целый год. Каждый день впадаешь в депрессию. Хоть бы одну неделю пожить по-человечески. Если разоблачат, башку снесут. Это понимать надо, хуи моржовые. Если бы отдохнуть, а теперь, факт: полез на Венеру, а он не то что не стоит, а и намека на то, что будет стоять, ни малейшего. Вам смех, а мне не до смеха. И знаете, почему?

Приехал я в Париж еще несмышленишем малым. Получил задание, во-первых, вжиться, врасти в Париж, во-вторых, организовать шпионскую организацию, в-третьих, заняться сбором необходимой информации, в-четвертых, вербовка новых членов. Дали липовую ксиву, сто руб. денег, и катись на все стороны. А вы сами прекрасно знаете, на Западе с шпионами не церемонятся. Отрубают башку при помощи гильотины, которую изобрел один французский мудака.

Шмонаюсь по Парижу. Деньги давно кончились. Одежонку с себя, которая была, продал. Получился из меня натуральный люмпен, по-русски, босьяк!

Ночью болтаюсь по городу. Высматриваю, подглядываю, что тут и как. Днем отсыпаюсь.

Иногда на Блошиный рынок загляну, где торговки, как блохи. Зазевается такая блоха, а я у нее антик цапну. Да ей же потом за трояк и продам. Антик этот, может, несколько сотен стоит. Получив желаемое, тороплюсь к продмагу, чтобы с кем-нибудь

сообразить на троих. Выпив, похожу, помечтаю, и опять в подземку, отсыпаться. Выгонят, перейду на другую линию.

Живу, думаю, в Париж вжился. Тут меня от парижского клошара, как клопа от клопа, не отличишь. А вот как организацию сварганить, как выполнить второй пункт задания, не знаю.

Повстречалась мне однажды возле respectableной помойки одна представительная, в кошачьих соболях разодетая дамочка. А короче, такая же сучка, как и я.

– Вижу, – говорит, – юноша ты славный, красавчик. И жаль по этой причине мне тебя очень. Вот уже целый месяц наблюдаю, как ты страдаешь, как по городу мыкаешься. Не удастся тебе одному создать шпионский центр.

– А вы откуда знаете про мою тайну?

– Знаю, красавчик, знаю. Все знаю. И пароль твой тоже: «Не найдется ли сигаретки, свои дома забыл?» Твой пароль? Могу тебе помочь от чистой доброты душевной. Из сострадания к твоей красоте. Больно ты мне пондравился. Слушай, что я тебе скажу, не послушаешься доброго совета, пропадешь ни за грош.

– Не бывать этому никогда! Не встану, – говорю, – на путь измены родине. Лучше сдохну тут. Что Василий Иванович скажет, если я окажусь изменником?

– Чудак ты этакий, дурья твоя голова, что ты за шпион, если работаешь на одну державу? Один ничего не сможешь. Один ты представляешь из себя ноль без палочки. Любой уважающий себя шпион работает не менее чем на пять государств. Денежки загребает лопатой. Если хочешь знать, у нас имеется межотраслевой профсоюз, свое шпионское объединение. Все мы друг другу способствуем в работе. Помогаем. Дела идут отлично. Дело наше процветает.

Поломался я больше для видимости. Для меня подобный случай в инструкции предусмотрен. Я им фальшивую информацию, а они мне тоже черт-те-что.

Повела она меня переулками глухотными. В таких переулках удобно грабить даже в дневное время, а о ночном и говорить нечего. Могут девушку или подростка запросто изнасиловать. А то просто кокнут неудобного человека.

Подошли к дому по наружности крайне невзрачному. У нас такие дома называются хибарами. Скособочен он и в землю врос по самую задницу.

– Вот, – говорит дамочка, – звонок под нижней ступенькой. Сунь руку в дырку. Позвони четыре раза по четыре коротких звонка.

Позвонил. Двери халупы распахнулись. На пороге бородастый хмырь в русской поддевке, из-под которой выглядывает автомат «Калашникова».

ПОДДЕВКА. Это ты, Настюшка. Я тебя по звоночкам безошибочно распознаю.

– Не ври. Не я звонила.

ПОДДЕВКА. Что я вижу, ты опять, графинюшка, цыпленочка приволокла? Славный цыпленочек, словно красная девица. А может, это и впрямь девушка? Для министра безопасности предназначим его, как ты думаешь?

НАСТЮШКА. Нет, не для министра, а для Самого. Сам желторотых любит больше всего на свете. Скушает, да губы облизет.

Позеленел я и думаю:

Попал к людоедам в гости. Котлеты, видимо, стряпают из человечины, да на рынке продают. Стукнут сейчас топором по башке, и будь здоров! Чтобы этому Самому костью подавиться! Заманили, гады!

ПОДДЕВКА. Ты всегда, графинюшка, права. Для Самого он подходит в самый раз. А я опростоволосился грешным делом. Ты уж, графинюшка, не продавай меня с потрохами. Сам ведь если про мою ошибку узнает, загонит за Можай! А я в свою очередь тоже тебе службишку удружу.

НАСТЮШКА. Сколько раз тебе, Филистрат Аполлонович, говорила, что я не графинюшка, а княжна. Урожденная княгиня Щипоковская-Шпаковская. За графом Степаном была вторым браком. И длился он всего две недели. Помнишь ведь, как красные его поставили к стенке? И третий муж был князь. Забыла, как его фамилия, уже.

ПОДДЕВКА. Больно уж грязен цыпленочек. На помойке он, что ли, валялся? Не иначе, как на помойке. Все они сквозь это проходят.

НАСТЮШКА. А ты его в баньку. Да попарь хорошенько. Да помой. Спинку мочалкой потри, чтобы тело у него зарозовелось. Да смотри, чтобы Гаврила не испортил товар. Он ведь у нас скор на эти штучки. Сам такие гнусности не переносит. Может рассердиться.

Повели меня вновь какими-то длинными, извилистыми переходами, которые в конце концов вывели на зады, в огороды. Банька рубленая к кирпичному забору одним боком притиснулась. Стоит сироткой между нависших над ней многоэтажных домин. Окошком подслеповатым по сторонам посматривает.

А из окошка пар, пар. Из дверей пар, пар. Баня натоплена до нужной кондиции. Полати. Бочка с холодной водой в сторонке, из которой воду черпают огромным ковшом, да на раскаленные камни выплескивают.

Посреди бани волосатое чучело, татарин Гаврила.

Схватил меня Гаврила за заднюю ногу, да на лавку. И давай хлопать по спине, по бокам волосатыми лапами.

ГАВРИЛА. Эх, ма! Твоя мая не понимает. Глазенки черненькие. Грязен уж очень. Да ничего. Грязен не будешь. А жопка, какая жопка, да за такую жопку можно всю Вселенную отдать. Такого грязненького на тысячу чистеньких не переменяю.

Поддевка, глядя на эту картину, оскалил волчьи клыки и рявкнул:

– Смотри у меня, бегемот! Шкуру спушу!

ГАВРИЛА. Да я ничего. Я же только поговорить. Ай, и этого нельзя? Насчет того, чтобы отведать, я и в мыслях не держу. Сколько уже лет вашему благородию верой и правдой служу. Попробую потом, опосля всех. От него, чай, не убудет?

Спрашиваю у Гаврилы, осмелев уже:

– Для чего меня заманили? Скажи, Гаврила, что это за птица Сам, которого все так боятся?

ГАВРИЛА. Молчи! Говорю тебе, Сам – это сила. Такая сила, что мы все, как мухи, как блохи и тараканы. Да от одного евонного слова у людей начинают мандражировать поджилки.

– Гаврилушка, должность, должность какую он занимает? Скажи про должность хоть словечко!

ГАВРИЛА. Про Юлия Цезаря слышал? Так вот. Эта Юлия перед ним, как комашка. Фью – и нет! Про Ёсифа Сталина слышал? В сравнении с Самим ваш Ёсиф пустой звук.

– И я должен с ним?..

ГАВРИЛА. Великая честь!

– Не нужна мне честь. А нужны шпионские сведения. Полгода живу в Париже, а передать для Василия Иванычча нечего. Проклятую рацию, которая весит целый пуд, как веригу на себе таскаю.

ГАВРИЛА. Не волнуйся, малец, всему свое время.

Не переживай. Самому о шпионских сведениях не заикайся.

Вот когда тебя под других начнут подкладывать, тогда действуй. Не зевай. Ничего не бойся. Будешь информацию лопатой загребать.

Как и говорил Гаврила, после Самого я попал к министру внутренних дел. Сведения сами в карман потекли. Сколько я добра имел от этого лопухого министра, не счесть. Болтливый был старикашка.

Скажу честно, за это время я всю подноготную капиталистического мира узнал. Что у них в супермаркетах всего полно – фикция, сплошной обман. Надувательство и издевательство. Вместо настоящих тамбовских окороков лежат муляжи. Откуда у них могут взяться окорока, если они давно сожрали последних лягушек.

И в политической жизни сплошное скудоумие.

В газетах прославляют свою хваленную демократию, а на улицах грабежи и убийства. И так окрутили собственный народ, что людям кажется, что они другого президента выбирают. А на самом деле, при ближайшем рассмотрении, президент тот же самый.

Быстренько старенького в новенького перелицовывают при помощи пластической операции. Так перелицуют, что и родная мама не узнает.

Для этой цели из КНР привозятся опытные хирурги, которые из слона черепаху запросто могут сварганить.

Иногда вместо живых делами управляют покойники.

ТЕТЕРИН. Как так?

ФРАНЦУЗ. А так. Дала дуба видная шишка, а с должности ее не увольняют, зарплату за нее получают.

После первой бордели я в другую попал, где обслуживают сраных баб, жен высокопоставленных бездельников.

От этих мокрых куриц больше всего добывал информации.

Они такое наговорят, что ни одному нормальному человеку не придет в голову. Волосы встают дыбом. И самое смешное, проверяю, все оказывается правдой. Чудеса в решете. Одна паршивая бабенка до того договорилась, что вроде в США ни одной живой души не осталось. Всех подменили роботами, сработанными в Японии.

Первым делом, как полагается, на меня напустили жену Самого. Препротивная мандавошка. Такая противная, что у меня волосы на голове стали выпадать от омерзения. А ебать нужно. Жилы у нее на ногах, как корабельные канаты. Живот свешивается до самого пола. Про сиськи нечего говорить, у нее и в лучшие годы их не было. Одни морщины вместо сисек.

На пизде три волосинки.

Уж ей, по правде сказать, мужик не нужен. Ебется из одной прихоти, ради разврата.

Эти три уцелевшие волосинки она и заставляла разглаживать.

– Ты их разгладь, разгладь, поросеночек, хорошенько разгладь, в особенности ту, которая посредине!

А я уже в этих борделях окончательно обнаглевши. Отвечаю этой противной особе:

– Разглаживание, бля, в сферу обслуживания не входит. Нет в прејскуранте такой детали, понятно, секелюха несчастная?

– А я тебе за разглаживание дополнительно заплачу, куреночек. Ублажи, ублажи! Я, придет время, тоже ублажу. По тысяче долларов за волосок не пожалею!

– Пошла, шлюха, на хуй! В гробу я видел твои волосинки!

И платила. Сколько потребую, столько и платила.

Все делал. И волоски разглаживал, и мудищами по губищам водил. А когда стало невтерпеж, себе же назло вырвал

волосинки эти к ебени матери! Представьте, она на жопе еще одну разыскала. И эту разглаживать заставила.

Цельх пять лет пришлось еть подлых старух. У этих барок ни стыда, ни совести!

Вот по этой причине моя пипирка и приросла к мудям. А у вас бы не приросла?

Ты, Венерочка, не обижайся.

ВЕНЕРА. Чего мне обижаться. У меня своих ебарей хватает. Про французов я и прежде слыхала, что все они импотенты.

ФРАНЦУЗ. Так что нелегкая у меня сложилась шпионская судьбина.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЖИЗНИ ХУДОЖНИКА

ТЕТЕРИН:

Хуесос.

Мудотряс.

Ебобздун.

Пиздовонь.

Ты думаешь, что у художника жизнь легче, чем у твоих пиздосранных шпионов? Если ты так думаешь, хуй тебе в мозговую извилину!

БАРДУЛИН. Трахни его, Тетеря, залупой по калгану!

ТЕТЕРИН. Когда я стал художником, то меня из училища имени 1905 года выперли. А я не виноват, хоть ебнись! Ты, говорят, сучий потрох, не то рисуешь, что нужно рисовать, а рисуешь, что не нужно, не как полагается, а как не полагается. Они требуют, чтобы я рисовал по их заданию. Глупые шутки. Меня на эти шутки не купишь. Я рисую так, как устроена

моя душа. Душа у меня поет. Требуется своего выражения.
Я этот пламень даже водкой не в силах загасить.

Не могу рисовать, как велят.

Вот мы и расстались.

В первую очередь они велели рисовать головы колхозников.

Говорю:

– На хуя мне ваши колхозники?

Они отвечают:

– Эта работа развивает эстетическое мировоззрение.

А на ебени-фени мне сдалось их эстетическое мировоззрение, если я и так все знаю.

Плевал я на их гнусную эстетику! Я из-за их ебанных гипсов должен страдать, растрчивать талант?

– От вас, товарищ Тетерин, луком и водкой воняет. Про-воняли весь класс. Студентам благородного воспитания нет сил находиться с вами рядом. На вас поступило пять жалоб к директору училища.

– Ебал я всех ваших студентов благородного воспитания. И тебя вместе с ними. Заткнись, старый мерзопакостник. Душа от твоего моралите совершенно усохла. Простора нет! Покоя нет!

И загремел я из училища.

Мать шипит:

– Кормила, поила идола, а он в двадцать пять своих годов, выгнанный из училища, опять на мою шею сел. Слез моих нет. Шестьдесят ведь всего рубликов получаю. Как теперь жить? Зарабатывал бы, ирод проклятый, хоть сотню!

Кроме матери у меня опоры нет, одна она, потаскуха старая, осталась.

Все несчастья на мою голову сразу.

Из училища выставили, в котором учился три года. Жена выгнала, имею от нее троих детей. И другая, от которой двое, тоже выгнала. Старуха Посеева, которую люблю и буду любить вечно, тоже выставила за дверь, блядь старая. Не пускает. Говорит, чтобы бросил пить. В пьяном виде чтобы не являлся перед ее лицом. А если я всегда пьян, как тогда быть?

Об этом старая пиздосранка не подумала.

Я старательный. Могу за один день нарисовать сто картин.

Рисую картинки.

Отношу на выставки.

А их там хуи-муи хуевы не выставляют. Не подходят.

– Твари вы все, позорники!

А они свое:

– Сам мудозвон! Если не уберешься, то милицию натравим.

Они, шибздодристы, думают, что я не понимаю, что такое настоящее искусство. Они думают, что я придурок.

Я хоть и шиз, в этом они правы, но рисованию это не мешает.

Они думают, что если я онанизмом всю сознательную жизнь занимаюсь, то у меня усохли мозги. А у меня усохли не мозги, а душа, и не от онанизма, а от их хуйни! Я онанизмом занимаюсь по той простой причине, что бабу искать хлопотно. Лучше я за это время нарисую десятка два картинок.

Да и денег на баб уходит тьма, а где их взять?

В МОСХ подавал, не приняли. Думал, если примут, то вспомоществование кое-какое будут оказывать. А они хуй!

В МОСХ не приняли. Картинки не выставили. С лестницы спустили.

Вот итог моей многолетней деятельности на ниве чистого искусства. О котором московские поносники не имеют ни малейшего представления.

К друзьям, как к человекам, придешь в гости, а они двери на задвижку. На улицу чуть ли не в шею выставляют. Говорят, что не моюсь, что протух, что рубашки не меняю по шесть месяцев, что квартиру всю прованиваю.

Та же песня, что и в училище.

Халява Пепельникова, которая была жена, кажется, первая, и та не пускает. А Валька Горобец дал в рыло. Что я ему сделал? Говорит, что к евонной жене залез под юбку. Клянусь, она сама спровоцировала. Ноги, подлюга, выше головы задирала.

Кричит, что руки у меня грязные, а пизда у его жены чистая, что лапать за манду благородных женщин не полагается. Нашел благородную.

Да она со всеми художниками в Москве переспала.

Я ему сказал, чтобы он не пиздил, распиздайт-пиздович. А он в рыло. Где же тут справедливость. Знал же, сука, что я импотент, что трахнуть его мандавошку не могу, что это все так, по привычке, хочется за пизду ухватиться, пальцем поковырять, что в основном дрочу. Знал, а избил!

Дикарь!

Все они подонки. От Рубиловского выперли. Хлебных крошек на дорогой импортный ковер накрошил. Жалею, что не насрал! К Сосиновским тоже не пускают, говорят, что я у них кран в ванной комнате отвинтил, да в окошко выкинул. А как я это мог сделать, если у них и ванной в квартире нет?

И от Тяпова гонят. Уверяют, что я у них искарябал икону шестнадцатого века ножом или другим каким остро режущим предметом.

Икону мог искарябать кот, а не я, или Персиков, который влюблен в жену его. Мог ведь он, хуй ему в рыло, назло попортить это ценное произведение древнего искусства?

Хорошо, что на этот раз я искарябал, но не ножом или острым предметом, а ножницами, которые подвернулись под руку в ту минуту. И не искарябал вовсе, а начертал на ней гениальный рисунок.

Глупый человек этот Тяпов.

И от Цивицких поперли. Соседку ихнюю обложил матом, назвал мандавошкой. Разве это ругательство?

Цивицкий собирался уже врезать в рожу, да, увидев, что она у меня и так вся расквашена, передумал. Соседку я обругал для их же пользы. Пусть харю из дверей не выставляет.

И от Мисина того-сего, жене хозяина рожа моя показалась подозрительной. Стукачом обозвала. И от Трапивницких аля-улю, побоялись, что сломаю их старинные мебели. Сидеть у них на этих мебелих не полагается, а полагается смотреть.

Пошли они все к ебени матери, суки!

Забыл сказать, со старухой Посеевой помирился. Простила и допустила.

Люблю ведь ее, пиздорванку!

ИДЕМ К ФРИКАССО

Бардулин. Ты, сучье твое отродье, все рассказал правильно, забыл только, что и от Тановича собакой травил, когда пришли занимать трояк для похмелки, и от Пусанова тоже, и от Лавсанова, и от Керосинова, и от Макасинова, Тараторкина, Мордобойникова, и от Морковича, и от Бобовича, и от Пыжикова, и от Рыжикова, и от Лукошкина, и от Картошкина, от Смирдякина, и от Собакина, от Поносова и от Подносова, от Плешникова и от Вешникова.

Всех их теперь при одном упоминании наших фамилий хватает кондрашка. А что мы сделали такого, бля? Пусть будут довольны, что не подожгли их проститутские дома.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Идея, мальчики! Как вернемся, нужно хоть одного поджечь.

ТЕТЕРИН. Первого Вешникова, а потом Плешникова, а потом Рубиловского, а потом Осмоловского. Погреем руки у народного костра.

БАРДУЛИН. Встречаю вчера Рубиловского на Кузнецком. Дай, говорю, сука, падла, рупь? Я тебе его в следующем году не отдам. А он рыло в сторону. А Плешникову, слышали, я на плешь насрал? А его женой жопу подтер.

ТЕТЕРИН. А я Подносову в кастрюлю нассал.

БАРДУЛИН. А я Поносову лягушку засунул в карман.

ТЕТЕРИН. А я у Дробоебова подсвечник ебнул.

БАРДУЛИН. А я у Сукоплясова икону ебнул.

ТЕТЕРИН. А я Подметалкину в суп керосину нафигачил.

БАРДУЛИН. Все суки они!

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Нет в Москве чувака, с которым я не поеблась. Поэта Лошадь знаете? Хуй у него, как оглобля, достает до самого горла! Ни одна баба, кроме меня, не выдерживает. Один раз у Таньки Самотуровой меня всем кагалом барали. Заеблась в доску. Стихи писать некогда. Ебут, а благодарности никакой. Тебя же обзывают проституткой.

Я всем даю потому, что мужиков жалко. Одних директоров и редакторов издательств сколько!

И каждому дай.

Одно спасение, больше половины из них импотенты, вроде тебя, Тетеря, поковыряют в манде пальцем, да спать. А мне отдохновение.

Ебут они меня часто, а стихи печатают редко!

ФРАНЦУЗ. Мадам, я полюбил вас с первого взгляда.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Пошел в сраку!

ТЕТЕРИН. Ты вот что скажи, француз, у тебя, кроме джина, другой выпивон есть?

ФРАНЦУЗ. Никак нет.

ТЕТЕРИН. В харю твою позорную надо дать за это!

ФРАНЦУЗ. Как так?

ТЕТЕРИН. А очень просто. Подойду сейчас и заеду в рожу.

ФРАНЦУЗ. А вот хуй подойдешь. Теперь вы все в моей власти. Что захочу, то с вами и сделаю. Захочу, будете, как пауки, век свой доживать на потолке. Магнит, господа, вещь! Я же нарочно заманил вас, мудил, на потолок, чтобы проверить, что вы из себя представляете. А представляете вы из себя хуйню на постном масле. С точки зрения государства – вы есть деклассированный элемент, подлежащий уничтожению. У вас же с туняядцами поступают как? Отправляют на Колыму. А там долго не покукарекаешь.

Так что все было запланировано и продумано, утверждено и подписано. Я за вами присматривал, когда вы еще в поезде передвигались в сторону Парижа. Да что там в поезде, в Москве.

У нас, у шпионов, не как у вас. У вас три раза кистью махнул, и картиночка готова. Гоните денежки, господа!

Думаешь, Тетерин, что я не знаю, как ты картинки пишешь, лежа на боку? Распрекрасно знаю. Прочитал недавно книжечку одну под названием «Мышки и Кошки», там все написано распрекрасно. Так вот, Тетерин, про тебя там указывается, что жены за тебя картинки пишут. Читал?

ТЕТЕРИН. Ты что, вонючка, шутишь? Да я за всю сознательную жизнь ни одной книжки не прочитал!

ФРАНЦУЗ. А Бардулин краску погуще наляпает на холст, да

походит, обутый в резиновые сапоги, вот и картина готова. А к другой картинке приклеит листик березовый или кленовый, или срисует крокодила из школьного учебника.

Согласитесь, для этого большого ума не надо.

Нашу шпионскую работу не сравнишь с вашей. У нас все нужно знать, быть в курсе событий. Я и картинки умею рисовать. Не такие халтурные, а настоящие. Приходится иногда прикидываться художником. И стихи умею писать, и ремонтировать иномарки, умею водить океанские корабли. А раз три дня был президентом одной африканской республики. Зрительную память имею, как у фотоаппарата. Образ врага надо запечатлеть точно и реалистично, а не так, как мой друг Фрикассо, – нарисует портрет человека, и ухо у него оказывается на брюхе, а губы на затылке.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Ты, какашкин, с Фрикассиком знаком? ФРАНЦУЗ. Знаком, что тут такого. Состоим в одной организации.

ТЕТЕРИН. Стукачи?

ФРАНЦУЗ. Фрикассо птица высокого полета, не смотрите, что он прикидывается художником.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Пошли к Фрикассо!

ДО ФРИКАССО ДОЙТИ НЕЛЕГКО

ФРАНЦУЗ. А хули у него делать, он ведь картинки теперь не малюет?

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. А правда, что у него восемьдесят пять жен, из которых пятнадцать штук он слопал живьем?

ФРАНЦУЗ. Поклеп! Скушали они всего четырнадцать особ.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. А еще по Москве ходили слухи, будто

от одного киноактера, который (фамилия – хуй с ней) играет Фантомаса, Фрикассо родил мальчика. Когда этот мальчик стал большим, у него на верзухе вырос рог.

ФРАНЦУЗ. Родил он двойню. А выросли у них, как вы выразились, на жопе, не рога, а зажигалки. Удобно, выгодно, надежно. Через этих детей он и разбогател. Одного продал афганскому или иранскому шаху за энное количество зелененьких, другого выдал замуж за богатого писателя, который пишет дефективные романы.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Говорят, что Фрикассо, опившись шампанским «Клико», нассал целую бочку и утонул в ней?

ФРАНЦУЗ. Не сам утонул, а утопил одного из министров, с которым пьянствовал целую неделю. Скоро сами убедитесь, что это за тип.

ТЕТЕРИН. Идти к Фрикассо нет охоты. Он ведь живет черт-те где, у себя в родной Африке?

ФРАНЦУЗ. Да что ты, он живет тут совсем рядом. Дом, за которым я слежу, помните? За ним другой, а за тем еще один, недавно построенный. Вот в этом новом доме Фрикассо и обретается со всем своим кагалом. На первом этаже секретари и секретарши, со второго по восемьдесят шестой бывшие жены, с восемьдесят шестого по девяностый теперешние, на девяносто первом кошки сиамские, на девяносто втором кошки рыжие, на девяносто третьем кошки серые. На девяносто четвертом коты сиамские, на девяносто пятом коты рыжие, на девяносто шестом коты серые, на девяносто седьмом леопарды, на девяносто восьмом гепарды, на девяносто девятом тигры. Сотый этаж сдается внаем. В нем ресторан «Тигровый глаз».

Случается, что тигры по черному ходу пробираются в ресторан и съедают зазевавшегося посетителя. За последнее

время они настолько обнаглели, что сожрали любимца публики шеф-повара. Через месяц кассирша подняла тревогу, что шеф не явился получать зарплату. Ну, натурально, бросились разыскивать. На лестничной клетке обнаружили кусок, объединенный кошками, щеки и часть подбородка. Тут все поняли, что шефа слопали бессовестные тигры.

ТЕТЕРИН. Во, бля, дают. А где же, хуй ему в замочную скважину, сам Фрикассо живет?

БАРДУЛИН. Снимает комнатуху рублей за сорок, как мы с тобой.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Вы что, падалы, чокнулись, он же миллиардер!

ФРАНЦУЗ. Заткнитесь, свистожопы! Он живет в собственном доме под землей.

ТЕТЕРИН. Что он, курвотряс, нарочно под землю залез, чтобы людей смешить? Жил бы, ебанный в стамеску, на верхнем этаже. Оттуда хорошо видна его родная Африка!

БАРДУЛИН. Врешь, хуев потрох, он не в Африке родился, а на острове Гваделупа, поэтому у него такая огромная залупа!

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Не угадали. Фрикассо малаец.

ТЕТЕРИН. Кореец.

БАРДУЛИН. Индей!

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Погодите, мальчики, я сейчас к слову Фрикассо рифму подберу.

ТЕТЕРИН. Мясо. Хули тут думать.

БАРДУЛИН. Лампасы!

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Не перебивайте, бздуны!

ФРАНЦУЗ. Лоботрясы!

ТЕТЕРИН. Это ты о нас?

ФРАНЦУЗ. Да что вы, кролики-алкоголики. Подбираю рифму. Я вас люблю любовью брата, а может быть еще сильнее.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Не мешайте, хуи-муи, рифму я и без вас подберу: Фрикассо – еблася!

ФРАНЦУЗ. Ново! Bravo, мадам, вы гений!

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Пошел в сральницу!

БАРДУЛИН. Брысь!

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Хочу отдаться Фрикассику. Пошли к нему!

ТЕТЕРИН. Пошли. Бутылочку выставит, педераст?

БАРДУЛИН. А я пойду только в том случае, если будет кого еть!

ТЕТЕРИН. Восемьдесят пять бывших жен, еби любую.

ФРАНЦУЗ. Правильное решение. А то вот-вот явится моя плоскодонка, встреча с которой весьма нежелательна.

– Теперь внимание! Опускаю всех на пол. Как только окажетесь внизу, постарайтесь крепче держаться на ногах.

ТЕТЕРИН. За кого ты нас принимаешь. Думаешь, что после твоего хуевого джина мы охуели? Ошибаешься, если так думаешь. У меня после выпитого ни в одном глазу.

ФРАНЦУЗ. Это вам кажется, господин Тетерин, на самом деле вы пьяны в усрачку. Алкоголь на потолке действует с ослабленной силой, всего на 50%, и в основном на жопу.

Француз нажал на одну из кнопок. Потолок уехал куда-то из-под ног. И все кубарем полетели вниз. Тетерин угодил боком в какого-то Людовика, кресло в щепки.

ФРАНЦУЗ. Мой Людовик! Предупреждал ведь: поосторожней.

Бардулин ебнулся башкой о какого-то Буя. Бюро в щепки.

ФРАНЦУЗ. Мой Буль!

Венера Губарева, совершив в воздухе необыкновенное сальто, оказалась в тазу с прокисшими щами, которые французы называют луковым супом. Таз превратился в лепешку, Венера цела.

Подхватили ее за руки и за ноги, потащили в ванную, а там из крана вместо воды течет джин.

Кое-как обмыли поэтессу.

И на улицу.

Идут.

Лыка не вяжут.

Тетерин споткнулся, на мостовой растянулся. Бардулин о Тетерина споткнулся, на мостовой растянулся. Венера Губарева споткнулась, тоже растянулась. Один Француз не споткнулся, на мостовой не растянулся.

Юбка у Венеры Губаревой задралась до самых сисек, жопа на солнце сверкает.

Тут демонстрация голых баб подоспела.

Бабы чертыхаются, о наших спотыкаются. Так что образовалась куча мала. Одна голая баба взобралась на самый верх кучи и толкнула соответствующую данному моменту речь. Француз. Моя речь толкает. Надо сматываться. Спасайтесь, кто может! Пока она разводит треп, короткими перебежками вперед!

Недолет!

Перелет!

Противник из всех дустволок бьет. Злятся потаскушки. Нам бы добраться вон до той опушки, будут не страшны пушки!

Выше залупы!

Шире шаг!

Впереди враг!

Позади брак!

Хуй тебе в барак!

ТЕТЕРИН. Ты хуяка, маляка, пиздоляка, куда заманил? Сам говорил, что до Фрикасулика рукой подать, а мы уже на брюхе исползали пол Парижа, охуеть можно!

ФРАНЦУЗ. Ничего не поделаешь. Все входы и выходы перекрыты. Если бабы нас поймают, муде поотрывают. Теперь нам нужно пробираться на Пикадиль, а оттуда уже прямым ходом к Фрикассо.

ТЕТЕРИН. Ну и влипли, чтобы мне хуем жеребьячим подавиться! А все ты, Бардулик, виноват, малялякнул, хуелякнул, пиздалякнул – поехали в Париж, поехали в Париж. Там, бля, выпивка, там, бля, бабы. Где, хуй тебе в срачку, выпивка, где, залупу тебе в ноздрю, бабы? Один ебанный джин, а к бабам хуй подступишь, тебе же яйца чуть не оторвали. Ползай теперь на карачках по этому разьебанному Парижу! Колени уже до самой кости протер. Брюхо от постоянного трения раскалилось.

ФРАНЦУЗ. До войны у нас все было по-другому, а теперь смешались шашки и полезли из щелей разные букашки. Все пошло наоборот, хуй тебе в рот!

ТЕТЕРИН. Ебали мы твое наоборот!

ФРАНЦУЗ. Какая теперь пошла карусель. Привезут в заведение джин, посмотришь, а в цистерне, извиняюсь, дамские ссаки. Приходится торговать этими ссаками. Бутерброды с говном придумал сам. Французы прут толпами. Ссаки пьют. Бутербродами с говном закусывают. Таким вот образом я и разбогател. Теперь шпионской работой не нужно заниматься. Но занимаюсь. Привык. Тянет. Без нее не могу. Скука одолевает.

По работе шпионской тоскую.

Люблю ее, как мать родную.

Бабы взбунтовались. Думают, что это им поможет. Хуй им величиной с дышло, чтобы из горла вышло!

Посмотрим, что это блядво будет делать, когда у мужиков хуи поотсыхают?

Тетерин. Вот этот ручеек, вдоль которого мы пробираемся, как он называется?

Француз. Хуй милый, это же знаменитая на весь мир река Сена!

Тетерин. Не пизди! Какая это Сена, говно, а не Сена, тухлятиной от нее воняет.

Француз. Ты прав, старик, теперь Сена не та, которая была прежде. В ней вместо сена плавают галстуки.

Тетерин. А у нас в Москва-реке огурцы плавают величиной с овцу.

Француз. А у нас в Сене вместо воды рога.

Тетерин. А у нас вместо воды борода.

Француз. А у нас вместо воды автопокрышки.

Тетерин. А у нас вилки.

Француз. А у нас мотовилки на затылке.

Тетерин. Послушай, француз, а что это у вас за шалаш возле Сены скособочился?

Француз. Который?

Тетерин. Который, который. Ослеп, мудило?

Француз. А, понятно. Это собор Парижской Богоматери.

Бардулин. Похилее нашего Исакия будет.

Тетерин. А что это за кустики вокруг растут?

Француз. Парк Тюильри, ослеп?

Бардулин. Ебитская сила!

Тетерин. Ты чего?

Бардулин. Во, бля, номер!

Тетерин. Поясни.

Бардулин. Чего тут пояснять, Венерочку французы ебут!

Тетерин. Да что ты?

Бардулин. Смотри сам.

Тетерин. Ничего не вижу.

Бардулин. Смотри прямо, чего ты башкой во все стороны вертишь!

Тетерин. Когда это они успели?

Бардулин. А тогда, когда мы с тобой толковищу с французом разводили, тогда и уебли!

На центральной площади, черт ее знает как она называется, творилось нечто невообразимое.

На голой брусчатке лежит распростертая, как на кресте, Венера Губарева. Со всех сторон к этому месту валят толпы до крайности возбужденных французов. В узких переулках образовались пробки. Мужики лезут и давят друг друга, как на похоронах И.В. Сталина. По газонам и клумбам с ревом носятся полицейские мотоциклетки. Пожарные в медных касках поливают толпу из брандспойтов.

Французы на Венеру Губареву вскакивали. От восторга до самого неба подсакивали. И улетали в направлении Средиземного моря.

Француз. Теперь они ее заебут.

Тетерин. Пиздекс!

Бардулин. Ни хуя не будет. Ебля для нее вместо прогулки. Она и не такое выдерживала.

Француз. Погодите, я сейчас постараюсь все уладить. Господин комиссар, я сын атомной электростанции. Дочь водородной бомбы и подводной лодки, брат Эйфелевой башни. Прекратите наконец это безобразие! Наведите порядок!

Комиссар. Какой порядок?

Француз. Почему автомобили разъезжают по городу вверх колесами?

Комиссар. Я им блядям сейчас покажу. Они у меня попляшут.

Огонь!

Огонь!

Огонь!

Так была спасена от великой погибели наша великая поэтесса Венера Губарева. Так был взят с боем дом художника Фрикассо.

А французы до сего времени целуют клочок мостовой, на котором лежало непревзойденное тело Венеры.

Памятник собирались установить, да, как у нас водится, забыли.

У ФРИКАССО

Мастерская художника, как и говорил Француз, оказалась глубоко под землей. Ехали на скоростном лифте минут двадцать пять. Отсчитывали километр за километром. И вот изумленному взору наших распиздяев предстала комната, похожая на пустыню Сахара.

В центре на песке голый Фрикассо. На спине нарисована огромная, как хомут, пиздища.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. У него на спине изображена моя пизда. Даже родинка запечатлена.

ФРАНЦУЗ. Государственный герб Фрикассо.

ФРИКАССО. Заходите, друзья мои, заползайте к одинокому страннику, заходите в мою скромную обитель. Располагайтесь, как дома. Жду вас тысячу лет. О, Француз, ты настоящий друг. Ты совершил дорогой подвиг. Представляю тебя к ордену «Обезьяний хвост». Жаль, что среди нас нет наших друзей:

Эль Греко

Леонардо

Пьеро дела Франческа

Боттичелли

Рафаэля

А также русского поэта А.С. Пушкина

Все они погибли во время Второй мировой войны.

А я живу на радость грядущим поколениям. Один остался, как перст, из великих на этом свете.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Какой прекрасный ящик.

ТЕТЕРИН. Который?

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. На котором ты сидишь.

ТЕТЕРИН. Ящик из-под снарядов. Сохранился с войны. У одного моего знакомого на улице Щепкина точно такой. Он в него складывает отработанные гондоны.

ФРИКАССО (*нараспев*). Это вовсе не ящик. Это моя теперешняя жена. Она мне не нужна. Я с ней буду разводиться. Я хочу жениться на превосходной Венере Губаревой, которую переоб весь Париж.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. А ты, срака, откуда знаешь?

ФРИКАССО. Передавали по телику.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Вот бляди. Когда это они успели?

ФРИКАССО. Какая женщина!

Тетерин обнюхивает ящик, который теперешняя жена Фрикассо. Француз смотрит на Фрикассо, который нажимает пальцем правой ноги на педаль звонка. Стена раздвигается. Обнажается бесконечная даль.

Пески

Пески

Пески

Через пустыню, утопая по колени в песке, движется отряд лакеев во фраках и лакированных туфлях, с подносами под мышкой. Впереди джаз-оркестр с знаменами и бунчуками. У

старшего на груди орден величиной со столовую тарелку. СТАРШИЙ ЛАКЕЙ. Докладываю Вашему Художеству о прибытии. Что прикажете? Если хотите перекачать воды Черного моря в Средиземное, мы готовы! Всегда готовы, даже когда едим и спим, и тогда овы, ховы, ровы! Можем стереть с лика Земли Гималаи и Алтай!

ФРИКАССО. Ничего этого, голубчики мои, делать не следует. Не пробил час. А сейчас уберите-ка отсюда мою теперешнюю жену. Что-то она стала слегка протухать.

ТЕТЕРИН. А я думаю, от кого это исходит вонь, может кто обосрался?

ФРИКАССО. Я люблю женщину другую, без нее тоскую. Венера, жизнь моя!

ТЕТЕРИН. И чего это он нашел завлекательного в нашей мандавошке? Охуел от своей долговечности. У нее вместо пизды рог!

БАРДУЛИН. В животе утюг!

ТЕТЕРИН. Вместо жопы эмалированное ведро!

БАРДУЛИН. На лытках вместо волос растут гвозди!

ТЕТЕРИН. Она черепаха!

БАРДУЛИН. Швейная машинка!

ТЕТЕРИН. Она носорог!

БАРДУЛИН. Зубной порошок!

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Хватит, пиздуны. Попрошу Фрикасси-ка, он из вас самих сделает зубной порошок!

ФРИКАССО. Мы с тобой, Венера, как два голубка, неразлучны на века!

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Пошел в жопу!

ФРИКАССО. Не уносите пока мою теперешнюю жену, она может пригодиться.

СТАРШИЙ ЛАКЕЙ. Слухаюсь, Ваше Художество!

ФРИКАССО. Не покидай меня без нужды!

СТАРШИЙ ЛАКЕЙ. Это вы мне?

ФРИКАССО. Оружие из рук не выпускать. За противником наблюдать! Еб вашу мать! В одной латинской стране готовится военный переворот, хуй им в живот! Пока не решил, кого поддерживать, белых или красных. Подумать надеть на досуге.

Декор не меняется. Та же зала. Вдоль стены стоят лакеи. Вместо подносов у каждого в рукаве автомат Калашникова. Фрикассо в той же позе. Венера Губарева рядом. Несколько в стороне Француз и Бардулин. Тетерин продолжает обнюхивать ящик.

ФРИКАССО. Вы говорите о художнике Сезанне, я о нем ничего не могу сказать. Он не художник, он кондитер.

ТЕТЕРИН. Жопу паклей вытер.

ФРИКАССО. Бедный Сезанн.

БАРДУЛИН. Он сазан.

ФРИКАССО. Он выпекает лучшие в мире сапоги и шляпы.

ТЕТЕРИН. Чего ты, бля, зубы нам заговариваешь!

ФРИКАССО. О чем речь?

ТЕТЕРИН. О том речь, что все твои Хуевичи-Мандевичи не стоят одного мизинца нашего Малевича, вот о чем речь!

БАРДУЛИН. В мире теперь всего два художника: ты, Тетеря, да я!

ФРИКАССО. Да у нас таких, как вы, до Москвы раком не переставишь!

ТЕТЕРИН. А таких, как ты, до Луны не переставишь!

ФРИКАССО. А такие, как вы, у нас на помойке валяются.

БАРДУЛИН. А у нас такие, как ты, в говне кувыркаются.

Фрикассо после этих обидных слов впал в какой-то транс, забормотав:

– Мыши, опять кругом мыши. Так они сожрут всех моих кошек и котов.

Небольшая справка

Вся сознательная жизнь художника Фрикассо является доказательством того, что человек мог произойти только от обезьяны. И вот, живя на дереве, взял он как-то в руки кисть и что-то намалевал на листе банана. Рисунок этот попался на глаза одному французскому пиздюку, и тот привез дикаря в Париж. Через некоторое время Фрикассо прославился, как необыкновенный новатор, и сделался знаменит на весь мир.

ФРАНЦУЗ НАЧИНАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ

В это время Француз, воспользовавшись некоторым замешательством действующих лиц, достал из каблука левого ботинка передатчик:

– Роза, Роза, я Астра, я Астра, прием!

В ответ:

– Астра, Астра, я Роза, слышу тебя хорошо.

– Василий Иванович, это я, Петька.

Докладываю.

Нахожусь в мастерской художника Фрикассо. В самом сердце, в логове, так сказать, врага. Если что узнаю, доложу. **ВАСИЛИЙ ИВАНЫЧ**. Давай, Петька, дави их, гадов, роздыха не давай, сабли наголо!

Я этого шибздрика Фрикассо давно подозревал. У него шайка головорезов. Так что будь начеку, не своди с него глаз! **ФРИКАССО**. Хуй моржовый твой Василий Иванович. Думает,

что не знаю, что он затеял. Пусть затекает. Мы ему сюрприз преподнесем. Передай, что мои уже там.

Француз. А наши на подходе.

Фрикассо. Где, когда, как?

– Мы их запустили на воздушных шариках.

– Когда?

– Во время олимпиады. Ветер как раз дул в нужном направлении.

Фрикассо. Люди, ко мне!

Старший лакей. Я тут!

Старший лакей выпрыгивает из спины Фрикассо. Достает из кармана портсигар, открывает – в нем маленькая атомная пушечка.

Фрикассо. Спрячь пушечку, кретин! Когда собратья по искусству разговаривают, пушки молчат! Переворот, запланированный на сегодня, отменяется! В этой разьебанной стране жителей всего восемнадцать человек, из которых половину ухлопали мои люди.

Старший лакей. Жаль бросать так удачно начатое дело. Да и денег в это вложили уйму, миллиарда два.

Фрикассо. Молчи, хуеглот, не твои деньги. Правильная стратегия прежде всего!

Старший лакей. Мы им сыпем доллары, а они ими стены в хижинах обклеивают.

Фрикассо. Надоел. Сгинь!

Старший лакей. Исчезаю, исчезаю, исчезаю!

Фрикассо. Вы говорите о художнике Руссо? Он мой друг. Он был художник. Но я не знаю такого художника. И знать, между прочим, не желаю. Скажу по секрету, все его картины куплены на базаре у теток. А для теток малевал картинку я.

Картины Руссо, малевал Фрикассо.

ВЫПИТЬ ХОТЦА СИЛ НЕТ

ТЕТЕРИН. Хуй с ним, с Руссо. Ты вот что скажи, педераст, ты меня уважаешь?

ФРИКАССО. Уважаю.

ТЕТЕРИН. Нет, позорник, ты меня не уважаешь.

ФРИКАССО. Ебать меня в поясницу, если не уважаю.

– А моего друга Бардулю уважаешь?

– И твоего друга Бардулю уважаю.

– А нашу подругу Венерочку-пизделочку уважаешь?

ФРИКАССО. И вашу, бля, подругу, бля, тоже уважаю. И даже более того.

ТЕТЕРИН. Так чего же ты, мандюк засратый, пиздишь...

ФРИКАССО. Я пиздю?

ТЕТЕРИН. Ты пиздишь.

ФРИКАССО. Прошу справедливых разъяснений.

ТЕТЕРИН. Хули-мули тут разъяснять. Как по твоему, люди перед тобой?

ФРИКАССО. О чем разговор?

– А о том разговор, чего ты, бля, выебываешься.

– Я выебываюсь?

– А то кто.

ФРИКАССО. Не может быть!

Француз, отойдя подальше, снова достал передатчик из кабеля.

ПЕРЕДАТЧИК. Тчк тричека двачека!

ФРАНЦУЗ. Тише ты, опять эта губастая обезьяна услышит!

ФРИКАССО. Зачем тише? Дорогого Василия Иваныча вызываешь?

ФРАНЦУЗ. Вызываю. От тоски можно окочуриться тут с вами. По родной хате скучаю. Отзовись, Василий Иваныч!

ВАСИЛИЙ ИВАНЫЧ. Что тебе, Петька?

– Возьми меня отсюда. Душа от этих засранцев ноет.

ВАСИЛИЙ ИВАНЫЧ. Терпи, Петька, терпи, друг. Еще немного осталось до всемирной революции. Заставим их плясать под нашу революционную дудку.

ТЕТЕРИН. Опять вместо настоящего дела принялись разводиться поебень.

ФРИКАССО. Какую такую, мистер Тетерин, мы разводим поебень? Как ваши незаслуженные слова понимать прикажете?

ТЕТЕРИН. Выпивку не приказываешь подать, а душа у меня скорбит от переутомления.

ФРИКАССО. Ха-ха-ха, уморил ты меня, совсем уморил. Сразу бы так и сказал. А то я неизвестно что предположил. Думал, картиночки мои не понравились.

ТЕТЕРИН. О картинках поговорим потом. А теперь, может, прикажешь водочки московской подать? Душа от ебанного джина омертвела. Распорядись, век тебя не забудем. Правильно я говорю, Бардулик?

БАРДУЛИН. Само собой.

ФРИКАССО. Милые мои жопники. Родные, любезные минетчики, триперистики распиздяевы!

Эй, подать спиртное!

Как из-под земли возникает, вытирая окровавленные губы, тигр с подносом.

ТИГР. Прибыл по вашему высокохудожественному приказанию.

ФРИКАССО. Не кровь ли я вижу у тебя на нижней губе?

ТИГР. Окарябал о травку-муравку.

ФРИКАССО. Не ври, сожрал кого?

ТИГР. Да так, сущий пустяк. Идем, а они с неба падают.

– Откуда в наших краях появились двуногие твари?

ТИГР. Прилетели на воздушных шариках, которые от жары полопались. А нам дармовая закуска для поддержания равновесия в мире.

ФРИКАССО. Ладно. Заткнись. Больно смел стал.

ТИГР. Слушаюсь.

ФРИКАССО. А теперь вот что. Принеси нам что-нибудь такое для успокоения души, чтобы моветон.

ТИГР. Классическое шабли.

ТЕТЕРИН. Шабли мы ваше ебли!

ТИГР. Есть бордо.

БАРДУЛИН. Сам могу насрать целое ведро.

ТИГР. Клико.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Клико – от козла молоко.

ФРИКАССО. Тащи шампань.

ТЕТЕРИН. Не нужна задаром такая дрянь.

ФРИКАССО. Чем же ублажить вас?

ХОР. Водочкой!

ФРИКАССО. Принято.

ХОР. Благодарствуем!

Тигр бросается выполнять приказ шефа. И через минуту является с чекушкой водки.

Француз продолжает ковыряться со своим передатчиком, который плюется и заикается.

Тетерин смотрит на четвертинку.

– Это и все?

ТИГР. Мало?

ТЕТЕРИН. Охуеть можно. Ты, вонючая тварь, смеяться вздумал над честными тружениками? Да я тебя, бля, за такое дело!

ТИГР. Ррр!

ТЕТЕРИН. Не буду, не буду. Брысь, кошечка! Давай лучше

поговорим по-хорошему? Я один не менее двух бутылок выпиваю, да Бардуля две, о Венерочке-пизделочке не говорю. Она одна всех нас перепьет. А ты, падла, хочешь четвертинкой удовлетворить? Имей человеческую совесть, хуесос!

ТИГР. Каждая капля из этой бутылочки заменяет стакан водки.

ТЕТЕРИН. Обманываешь, блядво?

ТИГР. Клянусь.

ТЕТЕРИН. Посмотрим. Попробуем.

Тетерин принимает из лап тигра бутылочку. И не задумываясь, одним махом выливает содержимое в свое хавло. У тигра один глаз вывалился из орбиты и оказался на спине. Фрикассо затаил дыхание. Из рта Тетерина валит дым. Француз втянул голову в плечи так, что ее не видно совсем.

Тетерин похлопал себя по брюху и вытер рукавом губы, давая этим понять, что на нормального человека, каким является он, такая мизерная доза подействовать не может, что нужно еще этих четвертинок штук десять, что может в этой посудине была не водка, а квас?

БАРДУЛИН. Хотя бы один глоточек оставил?

ТЕТЕРИН. Чего тут оставлять. Сам видел, какая эфиопская доза!

БАРДУЛИН. Разбирает?

ТЕТЕРИН. Ты что, охуел.

БАРДУЛИН. Тигр, сука, говорил, что она как водородная бомба.

ТЕТЕРИН. Соврал. Говорю тебе, ни в одном глазу, слабее нашей раз в десять.

Фрикассо пришел в себя. Глаз тигра вернулся на свое место.

ТИГР. Клянусь собственной шкурой, ничего подобного в жизни не встречал. Ведь я, признаюсь, для пущей важности,

стронция в нее нахучил и других реактивных веществ, которые не только человека, но и слона разнесут влуп.

ФРИКАССО. Давай (*это он тигру*) тащи еще пару ящичков, да поживей!

ТЕТЕРИН. Вот теперь порядок.

Достает из ящичка бутылку и протягивает Фрикассо:

– Пей за наше здоровье, а мы выпьем за твое.

ФРИКАССО. Не могу. Имею язву желудка. А недавно обнаружили рак, инфаркт, инсульт, инвалид войны второй группы.

ТЕТЕРИН. Так ты, собачий хуй, нас не уважаешь?

ФРИКАССО. Уважаю, но пить категорически не могу. Не переношу запаха. Недавно вышел из больницы. Могу показать справку.

ТЕТЕРИН. Иди в манду со своей справкой! Сам могу показать справку.

ФРИКАССО. Имею с малых лет ревматизм.

ТЕТЕРИН. Не ревматизм, а маразматизм. Не хочешь, хуй с тобой. Нам больше достанется. Правильно я говорю, Бардулик?

БАРДУЛИН. Ты всегда, залупа, правильно говоришь.

ТЕТЕРИН. Пей, тигр, за наше здоровье!

ТИГР. Не могу. В рот не беру.

ФРИКАССО. Пей, если тебе такие люди предлагают.

ТИГР. Благодарствую.

После нескольких глотков выпитой водки тигр взрывается и превращается в облако, которое поднимается в небо, а на землю проливается благодатный тигровый дождь.

Француз наконец наладил передатчик, стукнув им о какой-то твердый предмет.

ПЕРЕДАТЧИК. Тричека, сричека, дричека.

ФРАНЦУЗ. Заработал, пиздорванец.

ПЕРЕДАТЧИК. Полный порядок.

ФРАНЦУЗ. Василий Иваныч, тут такое творится. Тигры, сучий их рот, сожрали весь наш десант.

ВАСИЛИЙ ИВАНЫЧ. Чего орешь. Тут я. Видишь, на люстре сижу. Догадался, что твой говенный передатчик вышел из строя, взял загранкомандировку и сюда, опля! Теперь самолично буду руководить.

ФРАНЦУЗ. Теперь можно будет вздохнуть посвободней.

ВАСИЛИЙ ИВАНЫЧ. Вот что. Закупай еще партию шариков. Один десант тигры сожрали, а мы пошлем другой.

БАРДУЛИН. Хватит, надоели ваши ебанные разговорчики. Баб нет. Ебать некого. Надоел ваш Париж, блевать при одном упоминании о нем хочется. Хочу домой к Плешникову, хочу к Вешникову!

ТЕТЕРИН. Подожди, Бардулик, сейчас я этого Фрикассо вдрызг разнесу. А потом поедем к Плешникову или Вешникову.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Хочу жить в Париже.

БАРДУЛИН. Живи, хуй с тобой. К Дежникову и Жопешникову пойдем одни.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Ни к Жопешникову, ни к Переебешникову не ходите без меня!

ТЕТЕРИН СТАВИТ ОЦЕНКИ

ТЕТЕРИН. Теперь перед нами стоит ответственная задача. Разберем и оценим полотна хуёжника Фрикассо, которые висят на стенах этой мастерской. Что мы видим? Вот холст, который называется композиция 245-312. Что из себя представляет эта так называемая композиция, что на ней изобра-

жено? По сероватому грунту художник слегка прошелся голубоватой краской. В правом верхнем углу черная точка.

Всё.

ФРИКАССО. Это не точка, разуй глаза, мудака, это Филипп Матвеевич, идущий на свидание к своей возлюбленной Даше. Даша на холсте не изображена по той простой причине, что ее на холсте и не должно быть. Она теперь в другом месте. Она стоит у метро и, поглядывая на часы, ждет когда появится Савелий Карпыч, который тоже на холсте не изображен. К этому же метро стремится Харитон Петрович. О том, что Харитон Петрович спешит, мы можем догадаться по вибрации голубого цвета.

ТЕТЕРИН. Ну вот, напиздил достаточно. Разве в этом дело. Напиздить напиздил, а холста порядочного не создал. Оценка с минусом единица.

БАРДУЛИН. Поставь тройку, мы же у него в гостях. Обозлится, гад! От него можно чего угодно ожидать.

ТЕТЕРИН. Не могу. Душа бунтует против этих безобразий. Весь мир ему поклоны бьет, а я хуй положил на его засратые картинки. Я имею свое мнение!

БАРДУЛИН. Но ты пойми, секель сраный. Может у него кроме тигров крокодилы припасены.

ТЕТЕРИН. Ладно, минус уберу. Пусть пользуется моей добротой.

БАРДУЛИН. Не любишь ты меня, кривосрач.

ТЕТЕРИН. Люблю и уважаю. Но принципами не поступлю. Тебе всегда ставлю пятерки. Если уж ты настаиваешь, плюс вместо минуса пририсую. Больше не могу.

БАРДУЛИН. Может, к бабам сводит?

ТЕТЕРИН. Вот за это я ему плюс и приплюсовываю.

ФРАНЦУЗ. У моей жены такие длинные сиськи, что она пеленает меня ими, как младенца.

ТЕТЕРИН. Заткнись. Продолжаю ставить оценки. Вот картиночка, которая висит над той картиночкой, которую мы только что разбирали. Размер два метра на три. На ней другой сюжет: Мария Ивановна стирает белье. Но присмотритесь хорошенько: эту Марию Ивановну можно свободно спутать с китайцем, который намалеван на другом полотне. Хоть бы надписи для ясности делал.

БАРДУЛИН. Жопа, он же по-русски не умеет писать.

ТЕТЕРИН. Ставлю двойку.

БАРДУЛИН. Креста на тебе нет, эфиоп. Посмотри на его рожу. От твоих оценок она окончательно перекосилась. Позеленел весь. Будет мстить. Нужно оценочки ставить постепенно, а ты его огорчил. Бабахнул, как ломом по башке. Сначала надо вякнуть, что картиночки не без таланта, что есть в них что-то такое, этакое, еле уловимое, загадочное. Художники уважают такие неопределенные отзывы. А потом раскручивай помаленьку, что фон, бля, подгулял, что фигуры, бля, не удались, что рисунок ни в жопу, что художник, курва, мастерством своим не владеет, картинки писать не умеет, что бездарь, пиздюк и мандюк, что ему не картины писать, а сраки у настоящих художников лизать. Но все это, бля, хуйня. Если баб поставит, то мы его научим, как надо по-настоящему работать. Не ставь ему единицы, а ставь хорошие оценки.

ТЕТЕРИН. Добавлю еще одну единицу. Хуй с ним, пусть пользуется.

БАРДУЛИН. Да ты пойми, голова, у него одних бывших целый кагал. А у дикарей правило, если ты гость, то хозяин одну или две бабы выделяет для тебя.

ТЕТЕРИН. Не прибавляю. Бабы мне не нужны. Всю сознательную жизнь, ты же знаешь, занимаюсь хуедрочкой.

БАРДУЛИН. Я хуедрочкой не занимаюсь. Люблю еблю натуральную.

ТЕТЕРИН. Скажу без излишнего пиздежа свое мнение. Марью Ивановну, которая стирает белье, нужно перевести на картину к Филиппу Матвейчу. Пусть они там гоняют чай или ебутся.

А на свидание с Дашей я бы послал мужика, который возит воду на своей дохлой коняге. Признаюсь, я бы этой Марье Ивановне покрасил задницу серебрянкой, поэтому ее вообще лучше пусть не рисует, а рисует морковку или репку.

БАРДУЛИН. Ты не знаешь случайно человека по кличке Хуй-Мудевич?

ТЕТЕРИН. Первый раз слышу.

БАРДУЛИН. Ты и есть этот самый Хуй-Мудевич. Тебе толкуют: с этим Фрикассо нужно поосторожней. Он тебя так хуякнет по мозгам, что от них останутся одни извилины. А тебе хуй по деревне. Ни хуя ты в жизни не хуячишь. А нам с Венерочкой обидно. Мы желаем с этим мудаком жить в дружбе.

ТЕТЕРИН. Перехожу к другому произведению. Вместо холста хуйня какая-то, а вернее, человеческая кожа.

БАРДУЛИН. Что я тебе говорил, хуй ишачий. И наши шкуры натянет на подрамники.

ФРИКАССО. Шкуры добыл в джунглях. Охотился на англичан.

ТЕТЕРИН. В середине холста нарисован крюк, на котором должен повеситься Филипп Матвейч, а может быть, Даша или еще кто. Крюк выглядит трагически. Марья Ивановна стоит рядом с удушенником. Ей его жалко. Она горько рыдает. Удушенник уговаривает ее, чтобы она шла домой и приготовила к его приходу кастрюлю борща.

Мужик, который подъехал к ним на водовозной бочке, предлагает свои услуги. Готов за плату со скидкой на пятьдесят процентов отвезти покойника в морг. Даша выражает сочув-

ствии умершему и готова идти с ним хоть на край света. Но покойнику Даша ни на хуй не нужна, а нужна Марья Ивановна. Картина сработана не без таланта, но фон подгулял. И все остальное говорит о том, что художник бездарь, бя. Хуй ему в пятку. Но хуй с ним. По просьбе Бардулика ставлю ему пять.

БАРДУЛИН. Ура. Оценил правильно!
ФРИКАССО. Хуй с вами, бабы будут. Знаю одно потайное местечко. Притончик. Работает круглосуточно без перерыва на обед. Без меня не пустят. Поговорю с кем надо, и ладушки-аладушки.

ПОДЗЕМНЫЙ ХОД

ФРАНЦУЗ. Василий Иванович, вот какие получаются дела. Теперь доберемся до самой сути, до самого осинового гнезда.
ВАСИЛИЙ ИВАНЫЧ. Вижу, Петька, все отлично вижу и внимаю. И ты внимай.

ФРАНЦУЗ. Понял, Василий Иванович.

ФРИКАССО. Ну что, тронулись в путь?

ХОР. Тронулись.

Фрикассо нащупывает очередную кнопку, нажимает на нее. Шкаф отодвигается. За ним вход в подземный ход, из которого пахло могильной сыростью.

ФРИКАССО. Ход этот сработан еще рабами древнего Рима. Вперед, за мной!

ТЕТЕРИН. Темно, как у цыгана в жопе.

БАРДУЛИН. Эти хуесосы римляне не могли повесить фонари. Вляпался в какое-то дерьмо.

ТЕТЕРИН. Я тоже.

ФРИКАССО. Говно древних римлян.

ТЕТЕРИН. Ну и вонь. Околеть можно. Что их, пиздюков, одной соломой кормили?

ФРИКАССО. Возьмемся за руки, друзья!

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Мудоебы. Передовыми людьми считаются. Небоскребов понастроили. А бедная женщина должна по этой клоаке в темноте передвигаться!

ФРИКАССО. На вот тебе колечко.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Золотое?

ФРИКАССО. Медное.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Заткни его к себе в жопу!

ФРИКАССО. Колечко не простое. Лучше золотого. Как фонарик. Путь будет тебе освещать.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Давай. А за сиськи не лапай. Они у меня не казенные, чтобы на дармовщину.

БАРДУЛИН. Скоро конец этой кишке?

ФРИКАССО. Тише.

БАРДУЛИН. Для чего тише?

ФРИКАССО. Услышат мыши.

БАРДУЛИН. Какие мыши?

ФРИКАССО. В этом подземелье проживает четыреста тысяч мышей.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Теперь они нас сожрут?

ФРИКАССО. Не сожрут. Они заняты делом. Строят круговую оборону. Мои коты и кошки за ними следят.

ТЕТЕРИН. Куда же ты нас завел, блядво?

ФРИКАССО. Осторожней. Начинается спуск. Там вода. Держитесь крепче.

ТЕТЕРИН. Какого хуя, это же не вода, а говно вперемежку с мочой!

ФРИКАССО. Видимо, прорвало канализационную трубу. Терпите.

БАРДУЛИН. Говорил ведь, мстить будет, засранец. Пятерки надо было ставить сразу, а не тянуть резину.

ФРАНЦУЗ. Я в говне по самые муде.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Я по пизду. Не знаю, как иду.

БАРДУЛИН. Говно течет по моей бороде, где мы, где?

ФРИКАССО. Сейчас все кончится. Ударят морозы и говно замерзнет.

ТЕТЕРИН. При чем тут морозы?

ФРИКАССО. Проходим под Северным полюсом.

ФРАНЦУЗ. Слышишь, Василий Иванович?

– Слышу, Петька. Теперь понятно, каким образом они получали информацию со всех континентов. Мы по воздуху, а они по подземному ходу.

ФРАНЦУЗ. Говно мешает наблюдать. Лезет и в рот и в уши.

ВАСИЛИЙ ИВАНЫЧ. Терпи. Родина требует. Мужайся. Ты же солдат революции. Когда вернемся, представлю тебя к ордену.

ФРИКАССО. Спуск продолжается. Пройдя под Ледовитым океаном, мы оказались в районе Панамского канала. Скоро достигнем Индокитая.

ТЕТЕРИН. Что там за грохот наверху?

ФРИКАССО. Американские бомбардировщики Б-52 охотятся во вьетнамских джунглях на обезьян.

– Ой, бля, кто-то схватил меня за пятку.

ФРИКАССО. Краб. Мы уже под Средиземным морем.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Какой педераст строил этот ход? Грудь не проходит.

ФРИКАССО. Поднажми, пиздюля. Мы почти уже у цели, мы под Парижем. Вы, господа, совершили беспосадочный переход вокруг земного шара. Нация вас не позабудет.

ТЕТЕРИН. Нужна нам ваша хренация. Выводи скорей на воздух!

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Теперь на земле ночь. Я вижу звезды. Они голубые.

БАРДУЛИН. Я вижу помойку номер восемь. Ее нарисовал русский художник.

ФРАНЦУЗ. Я вижу тьму кошек.

ФРИКАССО. Мои кошки. Они готовят генеральное наступление на мышей. Однако, мы проскочили выход. Теперь нужно мотать в другой ход.

ФРАНЦУЗ. Есть и другой ход?

ФРИКАССО. У нас как в Греции, все есть. Этот ход запасной, через Скандинавию, СССР и Германию.

ФРАНЦУЗ. Василий Иванович, вот это номер, про этот запасной ход мы ничего не знали.

ВАСИЛИЙ ИВАНЫЧ. Догадывался.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Идите все в пизду сраную. Я больше под землю не полезу. Говна наглоталась на сто лет вперед.

ФРИКАССО. Есть еще один способ добраться до цели, нужно расчистить путь от мышей.

ВОЙНА КОШЕК И МЫШЕЙ

Мыши под командованием хромой мыши заняли круговую оборону на близлежащих высотах, с которых идеально просматривалась вся близлежащая местность. Оборонительные сооружения состояли из двенадцати рядов колючей проволоки, через которую пропустили электроток высокого напряжения. Минные поля, дзоты и надолбы дополняли эту картину и делали оборону мышей неприступной.

Кот Рыжий, командующий котами и кошками, приказал завязать на аванпостах правого фланга мелкие стычки. Сам

же, проделав отвлекающий маневр на левом фланге мышей, отступил, вынуждая этим противника сойти с самой сильно укрепленной высоты. И принудил закрепиться на неудобном для ведения боя плоскогорье.

К началу наступления армия Рыжего насчитывала триста пятьдесят тысяч боевых когтей, имея в наличии шестьсот мощных мышеловок. Основные его силы располагались в засаде недалеко от плоскогорья.

Вот диспозиция Рыжего на наступление, доведенная до всех высших офицеров армии, во всей ее полноте:

В то время как его фланг, отодвинутый к углу квартала, на который возможна атака мышей, будет стойко держаться, в центре, на вершине плоскогорья, где армия неприятеля растянулась влево, подставляя под удар свой растянувшейся фронт, нанести удар основными силами.

Благодаря этому второму маневру, неприятельские фланги окажутся отрезанными друг от друга. Тогда один из них, отрезанный с фронта и расстроенный победой в центре, вынужден будет отступить. Между тем как другой, слишком выдвинутый вперед, обойденный, парализованный той же победой в центре и запертый среди находящихся там же прудов, попадет в ловушку, так ловко расставленную главнокомандующим.

Все произошло в точности, как и предполагал главком Рыжий.

Ровно в три часа, в предрассветном тумане, мыши двинулись на котов. Коты несколько попятнулись, а потом двинули на мышей мышеловки и камнеметательные машины, при помощи которых метали в противника головками голландского сыра. Привлеченные приятным запахом мыши бросились на встречу верной гибели.

Атака мышиною конницы была отражена храбростью и находчивостью кошачьей пехоты.

Коты дрались стойко. Выставляя вперед когти, они разили мышей и вблизи, и на расстоянии.

Через несколько часов боя все пространство, разделяющее воюющие стороны, было усеяно трупами мышей.

Мыши вынуждены были отступить к реке. Лед на ней был тонкий. Мыши в панике тонули вместе с повозками и снаряжением.

К вечеру от огромной армии мышей в живых остались крохи, взятые кошками в плен.

Коты сидели прямо на земле, облизывая когти и губы.

ПОДПОЛЬНЫЙ КАБАК

ФРИКАССО. Путь свободен. Вперед!

Фрикассо въезжает в залу на коте Рыжем. За ним

Венера Губарева

Тетерин

Бардулин

Француз

И тень Василия Иваныча.

Возгласы со всех сторон:

– Фрикастик!

– Хуефрасик!

– Пиздофрасик!

Один за столиком:

– Чего это он так оброс шерстью, вроде гамадрила?

Второй:

– Волосы не настоящие, накладные. Теперь пошла такая мода у французского народа.

Третий:

– А с ним толпа народа.

– Покайфуюем сегодня от души.

ВОЗГЛАСЫ ВОЗМУЩЕНИЯ:

– Среди них баба! Кто позволил привести бабу?

Венера Губарева подумала, что опять будут ебать всем скопом.

ПЕРВЫЙ:

– Такого не случилось с 1902 года.

ВТОРОЙ. Устав гласит, что бабу нужно зажарить живьем и съесть.

ТРЕТИЙ. Так чего же мы ждем?

Вслед за этим раздался звонок председателя, и в дверях появился наш старый знакомец татарин Гаврила. На нем замусоленный кожаный передник со следами запекшейся крови. В правой руке топор. Под мышкой дубовая колода.

Вслед за Гаврилой вносят жаровню, шампуры и три керосинки.

ГАВРИЛА. Прошу, мадам, на сцену!

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Вы что, кролики, охуели малость? Я же советская гражданка!

ГАВРИЛА. А баба ничего себе, видная. Сиськи весом в пуд, не то, что у ваших.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Молчи, Гаврила, делай свое дело!

Гаврила волосатой лапой хватает Венеру Губареву, как котенка, и бросает на колени возле колоды.

Тетерин и Бардулин бросаются на помощь своей подружке, но Гаврила могучей дланью отпихивает их в сторону. Венера отчаянно кусает Гаврилу за палец.

ГАВРИЛА. Дура, чего кусаешься? Я же свой, агент Василия Иваныча. Спасать буду. Кричи, что ты не баба!

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА:

Я не баба!

Я не баба!

Я не баба!

Я Венерий Губарев!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тихо. Мы не в Америке, где расовая дискриминация, мы французская нация.

Либерите!

Ингалите!

Ебарите!

Жертва заявила протест. Пусть Гаврила обследует!

Гаврила запустил руку Венере под юбку и долго там ковырялся, причмокивая от удовольствия.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Ой, подохну, щекотно же. Хи-хи-хи.

ГАВРИЛА. Нащупал два яйца и колбаску. Небольшая хуевинка, а есть. Сейчас потискаю, может она увеличится.

ВЕНЕРА. Хи-хи-хи!

ГАВРИЛА. Не каждому хую удастся иметь такую.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Представление продолжается.

Сказав это, председатель набрасывается на стоящего рядом Фрикассо, стаскивает с него штаны.

– Фрикассолик. Тюли-люли. Волосулик. Как люблю я тебя, как благотворю я тебя. Сегодня ты мой!

ФРИКАССО. А ты мой!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Так давай же наслаждаться, ебаться, кувыраться!

ТЕТЕРИН. По-моему этот бегемот сейчас начнет ебать Фрикассо.

БАРДУЛИН. Некоторые жопашники посматривают на нас.

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Нужно поскорей уебывать, пока не съели.

ТЕТЕРИН. Не получится. На окнах чугунные решетки, а в дверях Гаврила с топором.

КОТ РЫЖИЙ. Господин Тетерин, обратите на меня внимание. Я не кот Рыжий. Я Француз, ваш друг до гробовой доски. Пришлось замаскироваться под кота.

Француз, он же кот Рыжий, вынул из уха передатчик и пошел строчить.

ВАСИЛИЙ ИВАНЫЧ. Что тебе, Петька?

Француз. Где ты, Василий Иваныч?

– Тут я, Петька. Я – топор у Гаврилы в руке.

Француз. Докладываю, у них тут под видом шпионского центра гомосексуалистская бордель.

ВАСИЛИЙ ИВАНЫЧ. Ты вот что, Петька, спасай наших, а я останусь на боевом посту. Встретимся потом.

– Слушаюсь, Василий Иваныч, выполняю все, как велите.

Француз, он же кот Рыжий, подкрадывается к Тетерину и тянет его за рукав.

ТЕТЕРИН. Кошечка, что тебе нужно, кошечка?

БАРДУЛИН. Дай ей под зад пинка.

Француз. Сам себе дай. За такие слова могу выцарапать глаза.

БАРДУЛИН. Кошечка-то говорящая.

Француз. Я не кот. Я ваш друг Француз. Замаскировался.

ТЕТЕРИН. Ну и дела, бля.

БАРДУЛИН. Знаем мы этих кошек. На живодерню нужно отвезти.

ТЕТЕРИН. Да ты погоди. Может он правду бает?

Француз. Говорю вам русским языком, смываться надо, да побыстрей!

БАРДУЛИН. Трехмуд, как же мы смоемся, если в дверях Гаврилы с топором?

Француз. Гаврила свой в доску. За Гаврилу ручаюсь. Гаврила человек что надо. Двадцать лет вместе служим у Василия

Иваныча. Такого Гаврилу поискать. Гаврила предан своему делу, как точило. А сейчас быстро на брюхо ложись! Дуйте к Гавриле. Пока они Фрикассо ебут, не заметят. Остальное беру на себя.

ТЕТЕРИН. Опять ползти на брюхе. Не хочу ползти.

ФРАНЦУЗ. Как хочешь. Пропустите момент, они вас слопают. Appetit у них тигровый. Они же все переодетые тигры.

ТЕТЕРИН. А Фрикассо?

– Тоже тигр.

И поползли наши по полу.

Тетерин лается. Попал рукой в соплю.

ТЕТЕРИН. Грязь у них, как у эскимосов.

БАРДУЛИН. Дешево отделались. Могло быть похуже.

ГАВРИЛА. Давай, пролезай между ног. Не знаю, когда теперь свидимся. Придется подыхать на чужбине. Эх, жизнь каторжная. Хоть бы одним глазом узреть березки и осинки родные. Как там моя старуха поживает? С другими, видать, ебется. Да хрен с ней, со старухой. Дай вам счастья, сыночки.

ФРАНЦУЗ. Ну, вот мы и на свободе. Хорошо вдыхать тебя, ночной зефир. Вырвались из вертепа. А Василий Иваныч остался. Если что случится, жалко будет его. Теперь вот что, будет погоня. Они не оставят это дело так.

Приказываю:

Ни слова!

Дорога каждая минута.

Промедление смерти подобно.

Садитесь на трамвай.

Ах, черт, трамваи уже не ходят.

Давайте на своих двоих.

Дуйте прямо. Реку увидите, прите влево.

И вниз!

Вниз!

Вниз!

Там уж до Лионского рукой подать.

Вот билеты на международный Лион – Москва. Тот самый. Он теперь на запасном пути. Его легко узнать по обшарпанности. И еще примечайте, откуда вонюю посылнее несет.

Утро.

Щебет птиц.

Солнце лениво поднимается, раззолочивая крыши домов.

Запахи трав,

Древесной коры.

Первый пешеход.

Первый троллейбус.

Дворники шаркают метлами по асфальту.

На скамейке трое:

Тетерин

Бардулин

И поэтесса Венера Губарева.

Спят.

У Тетерина голова свесилась под скамейку.

Бардулин лежит, уткнувшись носом промеж ног Венеры Губаревой.

МИЛИЦИОНЕР. Проснитесь же, наконец, грачи, утро уже.

ТЕТЕРИН:

Москва

Париж

Лондон

Вашингтон.

БАРДУЛИН. Француз, кажется, был?

ВЕНЕРА ГУБАРЕВА. Какой Француз?

ДНЕВНИК 1966

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

КНИЖКА № 1
АВГУСТ – СЕНТЯБРЬ

Август 1966

6. Сегодня день рождения у Иодковского. Разный народ. Несимпатичный: Урин, Клабуков, Шленский и др.

Выпивки много. Иодковский напился первым. Разъехались около двенадцати часов. Читали дурацкие стихи. Надоело мне все это.

Днем еще договорился с Иодковским переехать жить в его дом на Икше.

Плата символическая – 10 р., которые *он* мне должен.

7. ВОСКРЕСЕНЬЕ. Ездил в Икшу. Я, Кира Гур<евич> и Фрединский. В электричке жара. Разморило. Приехали, хлынул дождь. Едва успели добраться. Поели, легли спать. Проснулись. Поехали в Москву.

Халупа у Эдика – развалюха, но жить можно. Генрих Сап-гир приехал. Встретились вечером. Он написал отличный стих. Прыжок с балкона. Говорили об искусстве. У одних поэтов форма превалирует над духом. Лучше, когда наоборот. Действительность для поэта не такая, какой она является, а такая, какой он ее ощущает.

Были у Ал. Дав. Гуревича. Он весел и бодр. Завидно в его-то возрасте. Жена измождена, чем – неизвестно.

В Икшу перееду. Хорошо бы продать стол, кровать и кресло. Будет легче при переезде. У провинциала все подчеркнуто, кроме ума.

8. Удивительно ровный день. Ничего не делал. Ходил в кино – «В джазе только девушки» – Америка. Неплохо. Звонил Кире Гуревич. Говорил с Генрихом, который у нее оказался. Звонил Киму Мешкову. Хотел попросить его, чтобы он отвез мои вещи на Икшу. Он уехал на юг. Читал Записные книжки Блока. Так себе.

Читал журнал «Наука и техника». Малоинтересный журнал. Из себя за день не выдавил ни одной мысли, понедельник.

9. Отвез мебель – кровать, стол и кресло – в комиссионный магазин. Оценили очень дешево. Впечатление, что работают в магазине прожженные жулики.

Вечером звонил Олегу Трипольскому.

Затем читал Карамзина:

Что наша жизнь? Роман. – Кто автор? Аноним.

Читаем по складам, смеемся, плачем, спим.

Гениальные строчки. Прекрасное стихотворение «Исправление».

Короткие стихи и чётки, и выразительны. Длинные вялы и скучны.

День прошел спокойно. Дай Бог!

10. Сегодня не мой день рождения. Однако и мне скоро 47 лет. Старость? Да!

Только тогда, когда взглянет на тебя девушка лет 18, становишься молодым на минуту. Вскидываешь голову кверху,

как молодой человек, проходишь мимо нее. Лирика? Лирика!
Глупо? Глупо!

Таким образом прожито 6 августа. Да еще был с Фрединским в парке Горького. Съели два отвратительных шашлыка в ресторане «Кавказский», да еще моя дочь приезжала, да еще читали у Генриха переводы стихов Гёте в 6 номере «Нового мира» Заходера. Халтура. Заходер бездарен, как тысяча чертей.

В том же журнале раздел «Без комментариев». Фирсов и Первенцев – страшно. Федоров – дурак.

И только после Омара Хайяма стало светло на душе.

В половине первого дома. Завтра уезжаю в добровольное изгнание в Икшу. Комнату в Москве снимать дорого. Там бесплатно.

Да здравствует Иодковский.

11. Икша. Деревня Игнатьево. Со мной Сапгир и Фрединский. Коньяк. Свиная тушенка. Купались в канале. Свежий, чистый воздух. Выпивали. Когда Генрих и Володя уехали, я принялся за уборку, помыл полы и посуду.

Грязь несусветная. Сырость. Думаю, вскоре все просохнет.

12. В деревне дни однообразны. Встал в девятом часу. Сварил пшеничную кашу на завтрак. Заправил ее постным маслом и сахаром.

В деревенской лавке нет ни картошки, ни капусты, ни молока – ничего.

Ездил в Икшу, вернее, ходил пешком. Принес 6 кило картошки и кочан капусты. Договорился брать молоко и яйца у частников в деревне. Искупался в канале. Написал стихотворение Изменчивое лето.

Ночью гроза была исключительная. Гремело без перерыва. Я проснулся и подумал, что бомбят Москву. Потом услышал – дождь за окном.

Начал работу по приведению в порядок детских стихов.

13. День прожит. Деревня все такая, как миллион лет назад. Удивительно, как уживается дикость с цивилизацией. Люди живут по большей части в бедности и грязи. Детишек масса – плодятся, как кролики. Есть и богатые жители. Спесивы до крайности. Сосед по дому – пьянчужка. Вечером зашел ко мне. Что-то бормотал невнятное. Старался, но ничего не понял. Слава Богу! Он скоро уезжает. Ходил утром в лес за грибами. Грибов не набрал. Написал стихотворение «Мы посеяли муку».

Игры у детишек в деревне не такие, как в городе – все про сельское хозяйство. Я проходил мимо и услышал отрывок. Одна девочка говорит другой:

– Иди в хлев!

Сосед в доме рядом тоже пьяница. Он работает на лошади, возит продукты в палатку. Напился так, что ни рукой, ни ногой. Лошадь сама привезла его домой.

14. Не успел сделать запись. Пишу 15 августа. Приехал Сапгир с Кирой. В деревне особо рад друзьям. С собой они привезли бутылку коньяку. Сосиски, огурцы и помидоры. Кира сразу принялась за еду. Удивительно невоспитанная женщина. Когда она ест, на нее неприятно смотреть. Яйца она запихивает в рот целиком. Все хватает руками, разумеется, грязными. Из рук все у нее валится. Ничего-то она не умеет. Капусту нарезала такими кусками, что и в рот не всунешь.

Написал детское стихотворение «Мой сосед». Вечером мы с Генрихом читали Рильке, прекрасный поэт и отвратительные переводы. Два перевода Пастернака в предисловии отличные. Остальное перевела некто Сильман, а может, это он. Бездарность.

Еще читали книжку экономиста Терещенко «Из американских опытов управления». Все здорово. У нас сплошное свинство. Но то, что для Америк хорошо, для России не годится. Это как дважды два.

В двенадцать легли спать. Кира уехала, Генрих остался.

15. Приятная погода. Тепло, солнечно. Дремотно. Генрих спал долго, я встал в восемь часов. Ходили в лес. Набрали грибов. Вечером их пожарим.

Написали по стихотворению.

Я – детское «Спасибо машине». Генрих – взрослое. Отличное стихотворение. Читали Ключевского.

Размышляли о сути бытия. Мы живем. В нас живут микробы. Мы поедаем живое (траву, скот). Микробы поедают нас. Живое под ними, над ними.

16. Генрих уехал в Москву. Я проводил его на станцию и посадил в электричку. Потом пошел в магазин. Купил десять литров керосину, три кило морковки, две банки рыбных консервов «камбала». Дома завалился спать. Проснулся в третьем часу дня. Приготовил обед. Пожарил картошку с салом и разогрел вчерашний борщ. После обеда написал детское стихотворение «Большой и Меньшой». Вечером ходил на мельницу, которая в церкви. Мельник – мой сосед Егорович. Получает 2 р. за тонну. Пастухи получают копейку за литр (не точно).

Читал до двенадцати часов Достоевского «Бесы».

17. Я помню, что в детстве я был особенно чувствителен к оскорблениям словом.

Мне кажется, что стихи должны отвечать трем правилам:

- 1) Крепкие по форме.
- 2) Эмоциональны.
- 3) Интеллектуальны.

Сделать эти выводы мне помогла работа Кришнамурти.

Оба мои соседа были пьяны совершенно. Один привез друга на лошади. Обоим около 70 лет.

18. Я не люблю собственников и ничего не имею против собственности – как совместить в себе два таких понятия?

Стихи детские пишу каждый день. Вечером ходил в Икшу. Задрипанный поселок.

Вечером читал Достоевского – «Бесы». Вещь гениальная, несмотря на то, что он в ней повторяется.

19. Если я о чем-то мечтаю, значит, оно для меня существует!

Есть ли грань между реальностью и мечтой?

20. СУББОТА. Писать нечего. Божественное однообразие. Привыкаешь к определенному ритму жизни. Оказывается, ничего не нужно. Ни женщины, ни вино.

Пишу детские стихи.

21. 1. Безусловно, детская литература в теперешнем ее состоянии является прикладным видом искусства, поскольку имеется заданная мораль. И однообразие формы и выбора тем.

2. Отсутствие личности. Любое проявление индивидуальности раздражает наших тёток-редакторов. Пуще же всего они боятся футуристичности.

Психика у человека должна быть в пределах нормы.

Хватит безумных гениев. Человечество сыто ими по горло.

22. Основа детской поэзии – эстрадность. Детей заставляют заучивать стихи наизусть. Заставляют читать перед взрослыми. Это нужно учитывать.

Рифма в детских стихах имеет совсем другое назначение, чем во взрослых, и даже противоположное. Во взрослых – если следующая рифма угадывается – плохо. В детских нет. Дети рады, когда они угадывают рифму. Получается в некотором роде игра.

Вчера был у старика Кропивницкого. Он болен. Сердце. Мне кажется, на нервной почве. 73 года дают себя знать. Ольга Ананьевна чувствует себя ничего. Бодро. Говорили о стихах Сапгира. Много. Е. Л. признает только старые его стихи. Которые чрезвычайно литературны, надуманны, чрезмерно романтичны. Усыпанные сплошь банальностями, как рожа рябой бабы. Хотя талант в них, безусловно, чувствуется.

Хотя в какой-то мере Е. Л. прав. Чрезмерная левизна Сапгиру вредит. Важно найти наиболее приемлемое для себя.

Футуризм чужд Кропивницкому. Он не любит: ни Хлебникова, ни Пастернака, ни Цветаеву.

Мою поэму «Земной Шар» похвалил. Что-то не верится.

24. Утром поехал в Москву. И сразу водоворот. У Генриха Сапгира Дриз. Пошли в «Баку». Встретили Прыгунова и Виноградова. Вечером у Ануровой. Наташа, жена Цы-

ферова, родила, по этому случаю пьянка. Анурова, Савченко и Ева Уманская ходили чуть ли не нагишом.

Юля Анурова дурна, жестока, глупа, ненавидит всех. Когда все разошлись, я помылся в ванной и лег с Евой, чего делать не надо было. Ощущение осталось омерзительное. Часа в четыре ночи явилась Юля. Я собрался и ушел, сказав, что приду на следующий день.

Ночевал в комнатке Генриха в Александро-Невском. Ад. Под окном грохочут всю ночь грузовики и трамваи. Спал всего часа два.

25. Весь день был заполнен хождением по редакциям. «Мурзилка», «Вожатый».

Володя Приходько собирается уходить из журнала. Кажется, в Литгазету.

В четыре часа встретился с дочерью. Погуляли с ней немножко по улице Горького.

Затем вернулся к Сапгиру. Пробыл у него весь вечер. Пришел Ю. Мамлеев. Спорили о Боге. Я высказал некоторое сомнение насчет целесообразности единого Бога. Поскольку это нивелирует личность. Для каждого свой Бог – за этим будущее.

Поздно уехал к себе в Икшу.

26. Целый день болел живот. Все время спал.

27. Живот болеть перестал. Пошел утром в Икшу за картошкой. На переправе встретил Таню Либину. Шла ко мне.

Где это она достала адрес?

Конечно, у Сапгира.

Жарили картошку. Потом спали по разным комнатам. Хотела уехать, потом осталась ночевать. <...>

Генрих не приехал, хотя и обещал. Погода мерзопакостная. Холод.

1 СЕНТЯБРЯ. Потеплело. Либина уехала. Прислала девушку по имени Валя. Из Вильнюса. Приехала искать счастья в Москву. 30 августа поехал в Москву. У Генриха. Задержался. Остался ночевать. Да и белье из прачечной нужно было получить. Вспомнил, почему задержался: у сестры Генриха Элочки был день рождения. Родственники Генриха – кунсткамера. Ничего общего с Генрихом. Пили, ели. Спал с девицей Валею. Ломалась всю ночь. Скука. Назавтра, т. е. 31-го, отдыхали целый день. Смотрели с Генрихом картину «Человек без паспорта». Халтура. Даже расстроились малость. Вечером пьянка. Кроме Вали, были: Женя, нолевская любовница, и ее подруга Лариса, которая сидела, как монумент. Каменная гостья, как говорится. Поели, попили и ушли. Позднее возникла Рита Камышова. Трепалась несусветно, даже трепливая Женя сникла. Шум стоял во всем моем теле. Я ушел в другую комнату и уснул до утра.

Хорошо бы все плохие стихи называть турецкими, а всех людей – наши родственники.

Утром помылся у А. Гуревича.

Сойдя с электрички в Икше, встретил мамашу Эдика, фактическую хозяйку дома. Думал, выселит. Все обошлось: исполнилась доверием ко мне. Оставила ключи. Приедет весной. До весны я могу жить. Отоспался. Сейчас восемь часов вечера. По радио играет венгерский оркестр. Вот что я намерен сейчас сделать – пойти погулять. Иду. До завтра.

2. Что поделаешь, зачастую нам приходится делать вещи заведомо неприятные. Приведу одну неприятную в равной мере для всех: расчесываться, если спутаны волосы.

Попробуй – однако – не делать этого.

У Сапгира появилась еще одна стадия опьянения. Читать стихи. Напоминаю три предыдущие: первая – целует дамам ручки, вторая – я гений, третья – обругивает всех, и теперь еще стихи, стадия блуждающая.

Солнце разбилось, тепло из него утекает куда-то. Не на нашу землю. Я хочу сказать, наступает осень. До первого сентября это не чувствовалось. Как-то нужно разрешить проблему дров. Мамаша Эдика запретила брать ее дрова.

Время семь вечера. Иду гулять.

3. Небритый мужчина и нечистоплотная женщина – одно и то же.

6 июня 1966

Полы грязны, как в гос. учреждении.

7.6.66

По поводу Нового Арбата

Не жаль того, что построили – жаль то, что сломали.

7.6.66

Самая изящная вещь – цветы.

—

Стихи слушали несколько русских, которые не хотели слушать. Один француз, который хотел слушать, но не понимал по-русски.

—
– Я моложе всех, – говорит один.

– Да, – говорит другой, – как труп вы еще очень молоды.

—
У народа разговоры обычно ведутся вокруг жилья, выпивки и еды. Иногда женщин.

25.6.66

Чтобы жить вечно, нужно остановить время.

9.7.66

Когда я убеждаюсь, что суть бытия разгадать невозможно, я начинаю злиться.

—
Саблезубые гости.

19.6.66

Женщина, понявшая, что половой акт доставляет удовольствие, становится блядью.

—
В искусстве нужно врать напраполю.

10.6.66

Женщины – переодетые мышки.

Мужчины – переодетые кошки.

13.6.66

Поэт, который ищет совершенства у других, бездарен.

15.6.66

О человеке что ни скажешь, все правдой окажется.

—

У каждого предмета, у каждой планеты, у каждого человека – своя орбита.

—

Плохо, когда о тебе говорят правду. Неправду могут говорить сколько угодно.

19.6.66

У палки два конца. Но один может быть значительно толще.

—

Выливать из сосуда легче, чем наливать в него.

—

Неотразимое нахальство.
Нахальство на грани фантастики.

8.6.66

Холин – сало
Холин – колесо точила
Холин – локоть рубашки
Холин – сердце бумажки
Холин – желудок лотка
Холин – губа пневматического молотка
Холин – бог трамвая
Я – Холина понимаю.

—
Вы хотите учиться писать стихи у моего друга?
Знайте – вы все получите из вторых рук.

7 июля 1966

Бог – понятие философское.

Бог – имеет отношение только к морали.

Мы говорим: «Боже, помоги нам построить этот дом!»
Под этим мы подразумеваем не непосредственную помощь,
а моральные силы.

7.6.66

О чем только ни говорят люди, когда не о чем говорить.

—
Угловато-нагловато.

—
Я склонен думать, что основная движущая сила в мире – не эгоизм, а скука.

6.6.66

Мысли, как обрывки афиш.

—
Посмотрев на нее, можно сразу сказать, какая у нее профессия.

—
Редактор – худшая разновидность человеческого рода.
Знает, что мы от него зависим, и пользуется этим.

—
Русская баба. Придет. Останется ночевать и не даст.
Занимайся с ней целую ночь физкультурой.

Переписаны старые записи.

4 СЕНТ. Поэт должен быть немножко графоманом.
Обещали дождь сегодня – стоит хорошая погода.

5 СЕНТ. О Евгении Леонидовиче Кропивницком. Мой учитель. 73 года. Познакомился с ним в 1949 году. 17 лет прошло с тех пор. Он кончил Строгановское училище в 1911 году. Кажется, прикладной факультет. Или класс, как раньше называли. На войне не был ни на той, ни на этой. Грыжа. Много голодал. Во время революции уехал в Вологду с отцом и матерью. От голода. Но там тоже голод оказался. Уехали в Удмуртию, и там тоже голод. Познакомился с Потаповой. Женится. Вернулся в Москву. В Вологде читал лекции по музыке. 10 лет после училища живописью не занимался, сочинял музыку. Рисовать стал, познакомившись с Потаповой. В эти десять лет после училища сочинял музыку. В училище занимался скульптурой. Работал учителем рисования. Бухгалтером. Конторщиком. Долгие годы преподавал живопись в дворцах пионеров г. Москвы. Ждановском и Ленинградском. Член МОСХа. Потом исключили в 1964 или 1965 году. Скоро, наверное, восстановят. Знаком был с Арсением Альвингом, Филаретом Черновым, с Юрием Верховским – поэты. И с многими художниками. Дети: дочь Валя, жена Оскара Рабина. И сын Лев. Художник. Сейчас на пенсии. Все то, что я излагаю здесь, – все со слов самого Кропивницкого. Последние 25–30 лет он живет в Долгопрудной. Возле самих

прудов. Недалеко от усадьбы. Комнатушка маленькая. Тесная. Без удобств. Уборная далеко. Вода на улице. Печь топится дровами. В 1936 году, вероятно, под влиянием Филарета Чернова стал усиленно заниматься стихами, которые писал с детства. Но, вероятно, стихи были бледными.

В 1936 году он нашел себя.

Небольшой, но очень колоритный поэт с определенным своим лицом. Жизнь маленьких людей. Бытовые миниатюры. Очень точные, очень четкие. Яркие.

Вот пристань. И ходко
Идут пароходы.
Моторные лодки
Разрезали воды.
В палатке красотки
И надпись: «Крем-сода».
И пиво, и водка,
И много народа.

Я не хочу сказать, что это наиболее типичное стихотворение – нет. Просто первое пришедшее в голову мне. Сейчас.

Есть у него и другие стихи. Философские. Но это бездарное нытье. Перепев всего на свете. Удивительно, что такой умный и такой тонкий человек не видит этого.

Основной пунктик этой «философии» – «Мы все по-рем». – Глупо, но факт. Однажды я попытался сказать ему об этом. Но кончилось тем, что он порвал со мной всякие отношения. В течение года мы не встречались. Теперь я просто помалкиваю, если мне что не нравится. И все равно это замечательный поэт. Смелый и новый даже теперь, в 1966 году. Однако поэзия для него – второстепенное. Главное –

живопись. Тут он мастер непревзойденный. Один из числа лучших художников. Таких как Шагал, Тышлер, П. Кузнецов, Ларионов. С особой любовью он пишет женские головки. И женщин вообще. Тут он достиг необычайных высот. В живописи за что он ни возьмется, все получается здорово, даже абстрактные.

Он считает, что главное в живописи – цвет и рисунок. Правильно тысячу раз. Поэтому никакого нытья. Просто живопись.

Живопись у него очень условна. Никакого реализма. Никакой фальши.

Любит старых мастеров и не любит современной живописи. Даже своего зятя Оскара Рабина не признает. Нет, на словах он признает, даже хвалит иногда. Но все это игра. Любит он и передвижников. И импрессионистов. Сюрреализм и экспрессионизм чужды ему. И это не только в живописи, но и в поэзии. Ни Хлебникова, ни Пастернака, ни Цветаевой – он не признает.

Живет он скромно. Пользуется самыми малыми земными благами. Одевается скромно. Мяса, в основном, не ест. Может быть, потому, что нет зубов.

Выглядит свежим, несмотря на то, что часто болеет. Очень подвижен. Часто ездит в Москву. Ходит на все художественные выставки. Даже на плохие. Недавно ходил смотреть Шурпина, художника бездарного. Удивительная прыть для его возраста. Недавно он приезжал ко мне в Икшу. Не застал, поехал в Москву к Сапгиру. Вот как. Это в 73 года. Позавидуешь. Учеников у него было много. В живописи: Юра Васильев и Оскар Рабин. В поэзии – я и Сапгир.

Я обязан Кропивницкому всем. Когда я пришел к нему впервые, я не знал ничего. Всякое отсутствие культуры. Он

рассказывал мне о поэтах, о художниках. Читал стихи, водил на выставки.

Он не курит, не пьет. Очень часто влюбляется в девушек. Последняя его любовь Лиля Осмеркина, дочь художника Осмеркина. Девушка не очень. Пьяница. Что он в ней нашел, не знаю. Страдал невероятно. Теперь это все, кажется, кончилось. Слава Богу.

Ростом он невысок. Хромает (попал под машину во время войны. Упал от голода на шоссе). Глаза голубые, ясные. Голова лыса. Говорит спокойно, негромко. Сам о себе он говорит, что он раздражителен. Но я этого не наблюдал. В основном он человек добрый. Однако я подозреваю, что злым он тоже может быть.

Блок, Сологуб, Брюсов, Бальмонт – любимые его поэты. Из 19 века Пушкин и Тютчев.

—

Сиюю дома. Пишу мало. Завтра поеду в Москву. Возможно, получу деньги. Вчера был у Кропивницкого в Долгопрудной. Засиделся до 11 часов вечера. Очень много сплю. Наверное, так надо. Погода стоит неплохая. Загорал сегодня немножко.

Мальчик. Сосед. 5 лет. Которому я дал стихотворение Как непослушная Хрюшка едва не сгорела. (В нем описано, как Хрюшка нашла бумагу и спички и чуть не подожгла свой дом.) Также нашел бумагу и спички и пытался поджечь свой дом.

11 сент. В комнате ни души, кроме меня и кошки. Иодковский Эдмунд Феликсович. 33 года. Здоровенный верзила.

Человек-схема. Человек-то он, в общем, хороший. Однако недостатки превосходят над положительными качества-

ми. В моей заметке о нем будут некоторые противоречия. Таков уж он.

Положительное качество – добр.

Отрицательное – бесчеловечен.

Положительное – много знает.

Отрицательное – не способен осмыслить явление. Точнее – человек не мыслящий. Неопрятен. Ест за троих. Неуклюж. Не умеет хорошо одеваться. С женщинами пошел донельзя. Как только они не видят этого. Правда, такие и женщины у него. Как говорится: «Какие сами, такие и сани». Я не видел Иодковского с умной женщиной, кроме первой жены Тамары Громовой. Но и она ограничена <в> чем-то. Все-таки она догадалась уйти от него. Иначе мучилась бы всю жизнь. Вторая жена, Марина, – глупа, как пробка. И эта умнее его. Бросил он ее бесчеловечно. Это самое черное пятно. Я расскажу об этом. Женился он и чуть не висел у нее на шее. Потом охлаждение. Она беременна. Вот-вот родит, а он ушел. Не мог немножко подождать. – Почему, – спрашиваем, – ушел? – Отвечает: «Я думал, что она личность, а она оказалась ничтожеством!»

Это Марина-то личность! У нее на лице ясно написано: Семья и дети, вот главное!

Вторая причина – ребенок.

Не дурак ли и не пошляк Иодковский?

Эта его Натали, видать, добрая душа. Но мне ее жалко. Этот изолгавшийся Иодковский обманывает ее бессовестно. Он никогда не даст того, что он обещает. Это красивая самочка-мещаночка.

Вот ведь странная вещь. Он – Иодковский – всю жизнь старается быть честным и числит себя таковым. Однако более изолгавшегося человека найти трудно. Врет он, конечно, оправдыв-

вая свои неблагоприятные поступки. На это его хватает, и только. Ленив. А мог бы многое сделать. Если бы задумал и осуществил большой труд. Только не в области художественной литературы. Но ведь не возьмется. Так и будет писать стихи. Вот ведь какой народ. Не понимает, что не каждому дано быть поэтом.

Был я у него на днях. Собрался при мне и уехал в Адлер. Там его красотка. По-моему, поехал проверить – не заблядовала ли. Вот еще одна черта. Сам же готов бежать за первой попавшейся юбкой.

Мать от него отказалась. Она сама мне об этом сказала.

Подлый, конечно, он человек. Мне все равно. Пусть живет, как знает.

Иодковский непосредственен. Но эта непосредственность засижена мухами.

12. На дворе мелкий дождичек. Осень. Деревья ржавеют, ничто не в силах отмыть эту ржавчину. До свидания, лето. До новой встречи, лето, до новой встречи.

Вчера после долгого перерыва был у Оскара Рабина. Он по-прежнему бодр и весел. Написал несколько картин. Валя тоже. Ей что-то нездоровится. Катя окончила десятилетку. Проблема дальнейшей учебы. Девушка училась плохо. Едва ли она сможет куда-нибудь поступить учиться. Это сейчас очень трудно.

Видел старика Кропивницкого, Фредынского и Цыферова с двумя девушками. Вчера у него жена приехала из больницы с родившимся сыном.

Говорит, что комплексую. Это сейчас очень модное словечко. Поругался с женой, с тещей – комплексую. Бездельничал – комплексую.

Иодковский отстает от жизни. Он еще не знает этого словечка. Надо ему сказать. Пусть пользуется на здоровье. Был

еще Платон Федосеев с женой. Хромая и некрасивая. Завидуя людям, которые могут жить с такими женщинами. Был еще юноша по имени Юра, по фамилии Беляев. Он учится в архитектурном институте. Занимается живописью. Ничего юноша.

Видал Стигнеева. Мрачен, как всегда. Даже свой деревянный юмор оставил.

Видал Севу Некрасова. Тоже мрачен. Два мрачных человека в одном доме. Многовато.

Говорят, будет съезд смогистов. Официальный. Сомневаюсь.

Гулял полтора часа. Воздух влажный. Но дышится хорошо. Потом снова пошел мелкий дождь. Вернулся домой. Читаю «Историю» Ключевского. О Русской Правде.

13 СЕНТ. Маяковский – великий китайский поэт.

14 СЕНТЯБРЯ. Что приемлемее: жизнь, наполненная всяким ощущением, или жизнь размеренная.

Для человека мыслящего – размеренная. Много времени остается для размышлений.

Слава Богу, солнце. Поел. Иду гулять. Вчера написал стихотворение «Вода» (детское). Позавчера «Голуби». Сегодня постараюсь написать «Трели».

17 СЕНТ. Человек, который обижается, всегда чувствует себя глупо. Но не у всякого хватает ума признаться в этом.

Картины Ильи Глазунова, как женщины преклонных лет: при дневном свете они никуда не годятся. Зато при тусклом полусвете они кажутся ничего себе.

21 СЕНТЯБРЯ. Жуть, как быстро убегает время. Холодно. Дождя нет сегодня. Ветер сильный. Много гулял, много спал. Сплю по 12–14 часов в сутки. Может, поэтому и время так быстро скачет.

19 сентября был в Москве. Видел Сапгира. Он, как турист, не успел приехать с юга, укатил в Ленинград.

Как выяснилось, на юг он ездил со своей рижской знакомой, которую зовут Лидой. Эту Лиду я знаю. Даже познакомился с ней я. А Сапгир продолжил знакомство и до сих пор. Любовь. Кира как-то пронюхала, и теперь как фурия. Вот Сапгир и повез ее в Ленинград. Искупать вину свою. Он сильно растолстел, что ему здорово не идет. Как-то странно он толстеет – расплывается лицо. Пьет, как и раньше. Но был в норме. Высказывал он какие-то новые взгляды на поэзию, но я позабыл все. Нас было четверо: Цыферов, Кира, Сапгир и я. И еще родители Киры – папа и мама. Естественно, ажитоаж. Внимание рассеяно донельзя. А что-то он интересное говорил. О ленинградцах Бродском, Горбовском и Рейне. Которого не любят ни москвичи, ни ленинградцы.

ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ

24. 9.66. Холодно. Однако солнце. Ничего нового. Ходил за хлебом в палатку в Игнатове, хлеба нет. Сломалась машина. Пошел на Икшу. Купил хлеб, яблоки и конфитюр болгарский. На лодку через канал насело столько народу, что она чуть не перевернулась.

Либины. Брат Миша, сестра Таня, жена Миши Лена. Все маленького роста. Миша и Таня толстые. Оба широколицые.

У Лены мордочка лисья. Все одинаково ограничены. Полное отсутствие способности мыслить. Живут бедно. Миша пишет детские стихи, и неплохо, но очень мало. Работает в отделе культуры Москвы или области, не знаю. Таня училась в консерватории в Ленинграде и Москве на скрипке. Бросила. Ленива. Вышла замуж за Шалонова.

25. 9.66. Сейчас одиннадцать часов вечера. День закончен. На дворе дождь мелкий и вредный. Гулял сегодня часа два днем. Написал два стихотворения для ОРУДа. Читал Рильке. Дома тепло. Топил печь. Завтра в Москву. Читал Шершеневича. Странный поэт. Оригинальный. Но какая-то смесь пошлости и настоящей поэзии.

27. 9.66. Вчера был в ОРУДе. Сдал рукописи. Кажется, понравились. В четыре часа дом пионеров. Пришел один ученик. Занимался с ним. Рассказывал о русских поэтах, начиная с Симеона Полоцкого. Домой приехал в первом часу ночи. Заморозки.

Сегодня утром мелкий дождь. Сильный ветер. Спал до двенадцати. Протопил печку. Нужно искать комнату в Москве. Целую историю мне рассказала Нина Георгиевна. Звонила ей Аннушка Данцигер. У нее вырвала трубку мамаша и стала поносить меня. Вроде я развратил ее дочь. Это неправда. Я хотел только хорошего. Учил ее писать стихи. Остальное у нее природное. И слава Богу, что в этом деле я остался чист. Аннушка вышла замуж за непальца и собирается уезжать из России. Жаль, могла бы писать хорошие стихи. За последнее время я, правда, стал разочаровываться в ее таланте. Теперь, говорят, она беременна. Конечно, со стихами покончено, надо думать. Ей еще нет 17 лет. Замужем и ребенок. Семит-

ская кровь берет свое. Родители у нее отвратительны. Невежественны. В особенности мамаша. <...>

4 октября. Наши мысли о будущем и прошедшем – это и есть машина времени.

Вечер. Приехал Иодковский. Забрал вещи Марины. Я опять не удержался и стал мораль ему читать. Зачем.

Несколько дней я был в Москве. Интересного ничего. В издательстве «Детская литература» дали мне рецензию на мои стихи. Рецензия хамская. Кроме Заходера, некому написать такую.

Погода стоит мягкая. Осень в разгаре. «Фитиль» заплатил мне деньги за сценарий – 150 рублей. Мало. Они могут и 300 рублей платить. Экономят на желудках авторов.

К концу месяца получил восемьсот рублей. Сто у меня есть, триста возьму в Литфонде и вступаю в кооператив.

Говорил об этом с дочерью. Она согласна.

8 октября. СУББОТА. У Алисы Порет маленький бо-мондик. Как всегда, очень интеллигентно и, следовательно, скучно. Гости: я, Алена Баилова, полька Магда – литературовед. Приехала по поводу оберииутов. Цыферов. Остальных не знаю. Алиса читала свои рассказы. Очень мило. Большого о них не скажешь. В Икшу приехал часа в три ночи.

[Э. Иодковский о Холине. Написано рукой Иодковского]

17 окт. ПОНЕДЕЛЬНИК.
Холин Игорь Сергеевич. 47 лет. Длинный, худой, страдает желудком. Интеллигент из низов. Самоучка (2 класса образования). Наиболее яркое воплощение «черной литературы» – поэзии бараков.

Я отношусь к нему положительно, хотя говорят про него много всякого: служил-де в НКВД, избил до полусмерти заключенного, сидел за это. Если что и было, то виноват не он, а эпоха.

Положительные качества: свой, резкий взгляд на мир, проявляющийся и в поэзии, и в быту. Пример: я прочел целую лекцию о том, что Маяковский – «великий плохой поэт»; он сформулировал это одним эпитетом: «М. – великий *китайский* поэт». И так во всем.

Отрицательное – ограничен. Это та «хуторская ограниченность», которая проистекает от недостаточного образования. Чем-то напоминает Тарсиса: как для того коммунисты и фашисты – одно и то же, так и для Холина многие явления жизни «одним миром мазаны», он не различает полутонов и оттенков. Хотя, повторяю, в главном он часто оказывается прав, ибо видит наиболее резкую черту явления.

Положительное качество – моралист (в высоком смысле слова); честен в быту.

Отрицательное – желчен. Для него «весь мир – бардак, все люди – бляди».

Личные потребности ограничены. Нетребователен, почти аскет.

С женщинами ему не везет. С женой давно разъехался, его потолок – девицы вроде Евы Уманской. Недавно испытал самое сильное чувство в жизни – любовь к манекенщице, которая, как говорят, его выгнала за безденежье и импотенцию. Светлая стралица – Аня Данцигер, к которой он отнесся по-отечески.

Трудолюбив. Хорошо знает живопись и современных левых художников.

Думаю, что останется старым холостяком.

Лучшее, что он создал в жизни – рукописная книга «Земные будни» о барачной России. Выше этого он еще не прыгнул –

мешает отсутствие общей культуры. Подозреваю, что читает мало и бессистемно, основную сумму информации черпает из общения с более начитанными приятелями.

Холин – человек с шорами на глазах. Лучшие его строки –

... наш век суров:

поэт – Игорь Холин,

премьер – Никита Хрущев.

Словом, каков премьер, таков и поэт. И наоборот.

Думаю, что его литературная судьба – оставаться второстепенным детским поэтом, ибо мужества опубликовать за границей свои взрослые вещи у него не хватит, да и не взяли бы. Словом – доморощенная «черная школа».

У Рабина хватило мужества и таланта прославиться за границей, у Холина – не хватит.

Если бы встретила ему хорошая девушка типа Натали, жизнь его стала бы веселее. Но – не встретится, а встретится – пройдет мимо. Стар.

Мне не безразлична его судьба, но как помочь человеку, который в 47 лет пишет с ужасающими орфографическими ошибками? Который самонадеянно переоценивает свои возможности? Не понимает духа редакций?

Иногда он по-детски доверчив и открыт, и радуется жизни. В эти минуты я его люблю.

Если начнется война, хочу, чтобы моим командиром был Игорь Холин.

А его литературные советы наивны. Литература не делается недоучками. В Горьком тоже был комплекс самоучки, но он сумел стать начитаннейшим человеком своего времени. Этого Холину не дано.

Добр ли Холин? Не знаю. Но, может быть, он простит это вторжение в его дневник.

[Надпись сбоку рукой Холина: «Эти несколько страничек – лучшее произведение Иодковского»

*И. Холин
4.XI.66 г.]*

4 НОЯБРЯ. Что было: Переехал с Икши. Поселился у Лиды Шевчук по адресу Чистопрудный бульвар, дом 1А, кв. 55А. Выпал снег. Ахнул мороз. Вышло 3 книжки. Оформляю документы на кооператив. Живу рядом с Толей и Галей Брусиловскими. Поступил работать во дворец пионеров Ждановского р-на. Платят чистыми 55 р. Был день рождения у Гуревича. Я и Сапгир читали стихи Нусбергу и его друзьям. Выставки – Хокуся, Фалька, Лабаса. Кто-то распустил слух, что я импотент. Толя Брусиловский уехал в Польшу. Цыферову прислали приглашение в Чехословакию. Не успел оформить документы. Губанов, кажется, вновь в сумасшедшем доме. Указ о политическом хулиганстве. Ничего не писал.

5 НОЯБРЯ. Комната, в которой я живу, мрачна. Тахта, сделанная из матраца (купленная за 2 рубля), стол 1 р., 2 стула по 50 к. Дешевизна объясняется тем, что в Москве есть магазин конфискованных вещей на Преображенке. Леня Губанов, побывав у меня в гостях, сказал: в такой комнате можно сойти с ума. В какой она окрашена цвет, впрочем, сказать невозможно. Картины висят на стенах отвратительные. Пол грязный. Шторы сто лет не стираны. Везде пыль и грязь. Хозяйка Лида Шевчук нечистоплотна и любительница выпить. Гости у нее бывают каждый день. Всех она ведет ко мне. Приходится ухо-

дять. Говорить с ними не о чем, да и неохота. Народ все обыкновенный. По большей части все мычат, а не разговаривают. Тихий ужас. Когда я смогу выбраться отсюда?

6 ноября. Видел Брусиловского. Он так и благоухает Польшей. Побывал во всех кабачках. Везет человеку. Вечером в гостях у Кима Мешкова. Были я, Брусиловский, Ирена Ясногородская из Ленинграда, некто Новицкий с женой, записной великовозрастной кокеткой. Кажется, они из областного ТЮЗа. Некто Юрий Александрович – преподаватель из университета Лумумбы, знает язык древних инков. Разъезжает всю жизнь по загранице. Еды было много. Но все на удивление невкусно. Курица жареная оказалась полусырой. Кофе невкусный. Паштет и заливная рыба из кулинарии. Только водка хороша. Толя приударил за Иреной. Она мала ростом до смешного. <...>

Забыл. Еще был С.М. Голицын с женой. Бездарный писатель. Жена Кима хоть и старовата, но выглядит вполне прилично. Она главный режиссер того же ТЮЗа. Разъехались поздно. Около трех часов. Толя с Иреной уехали раньше, бросив меня на произвол судьбы. Стихи читал только детские.

17 ноября. Праздники для меня были обыкновенны. Даже не напился. Был вместе с моей хозяйкой Лидой и еще одной девицей у художника по имени Володя, который живет возле метро «пр. Вернадского». Пили, ели, плясали. Забыл, кажется, только пили. Девица худая и невысокая ростом. Вся в родинках. Самая огромная на спине. Ноги волосатые. Ей тридцать с небольшим, но груди не обвисли еще. Утром не мог дожждаться, когда она уйдет.

Привел ее Юра Богородский. Алкоголик, от которого она

мгновенно переметнулась ко мне. Больно он ей надоел. Когда напьется, он не интересен совсем. Как говорят, не мычит, не телится. Скука с таким кавалером. Стоит Юра весь вечер, хлопает глазами и произносит одну фразу:

– Грустно мне что-то сегодня!

А девице нужен разговор интеллектуальный, хотя сама она, разумеется, мешаночка. Выдает ее не разговор, пустой и глупый, а шляпка, шляпки теперь уже не носят эти котелочком. Давно не носят. А до мешаночек они только дошли. Поздновато, так что по этому вот и видать очень здорово. Вообще в наше время одежда очень много значит. Можно ходить в рваном свитере, в засаленных джинсах и быть интеллигентом. Сразу видно – интеллигент. И можно одеваться во все новое с иголочки, что и подчеркивает принадлежность к мешанству. Так же сейчас, к примеру, вышли из моды металлические украшения, а многие этого не понимают. В наше время только по одежде можно судить о людях. Наши светские девушки глупы, но, ничего не скажешь, умеют одеваться. Ю. Богородский – прямая противоположность. Одет он небрежно, да и безразличен к этому. Ростом мал, лыс, отчего, видать, страдает. Пьет, по-моему, от того, что у него ущемленное самолюбие. Художник он пока средний, иллюстрирует детские книжки. Котиков рисует и тигров.

На днях: Сапгир, Балл, Галя Демыкина и Толя Брусиловский ездили к Геннадию Айги. Он работает в музее Маяковского. А живет у черта на куличках в Очакове. Раньше он жил в другом месте. Имел собственный дом или полдома. Потом переселили. Он чуваш – поэт хороший. Стихов не читал. Видел у него сборник стихов на французском Аполлинера. Несколько стихотворений я знал в переводе И. Анненского, и еще кого-то. Видел монографию ленинградского художника

Филонова. Издали ее в Чехословакии. Еще он нам ставил на магнитофоне пленку с записью стихов Алексея Крученых – поэта-футуриста. Единственного из последних могижан. Замечательный поэт. Жаль, что он забыт совершенно, несмотря на то, что в том же музее Маяковского был вечер, ему посвященный. Все-таки он забыт. Стихи его и замечательные эссе не переиздаются давно. Однажды я с ним встречался. Это маленький человечек. Изможденный жизнью. Просто удивляешься, как он живет. Он читал свои стихи. Читая их, этот человек совершенно преобразился. Он стал молодым. Он стал высоким, он стал подвижным. Голос у него звучный, привыкший к эстраде. Еще за это время я познакомился с художником Борисом Лавровым. За это время ко мне заходил Валя Воробьев. 15 ноября у Киры Гуревич показывал свои стихи Генрих Худяков. Здорово.

Сегодня заходил ко мне Саша Лайко. Читал стихи. Они оказались сильнее того, что он читал раньше, давно, много лет тому назад. У него был многолетний перерыв, когда он ничего не писал. Теперь вновь начал. Слава Богу!

23 НОЯБРЯ. Ко всем недостаткам у Брусиловского отсутствует элементарный такт. Вчера я разговаривал по телефону с Дризом. Он сказал, что он не может нас хорошо принять у себя дома. У него что-то с женой. Кажется, она больна. Брусиловский истолковал это тут же по-своему.

– Есть же такие жадные люди, – сказал он, – мы вот ведь с тобой не жадные? – Я ему на это ничего не ответил. Мастерскую ему дали колоссальную. 2 комнаты. Одна большая, другая меньше. До Брусиловского в ней работал какой-то бездарный скульптор. Все стены он облепил алебастром, имитируя пещеру. Не получилось. Получилась пошлятина. Я сказал

Толе. Он, кажется, мне не поверил. Бог с ним. Пусть живет своим маленьким провинциальным умишком. Тут я не могу не сделать небольшого отступления. Как правило, я острее замечаю отрицательные стороны моих друзей и людей, с которыми мне приходится соприкасаться. Люди они все, как правило, хорошие. И, как правило, все имеют какие-то недостатки. В жизни я к этому отношусь терпимо. И только здесь, в своих записках, даю себе волю.

Брусиловский: среднего роста бородатый мужчина лет 30–32-х. Расположенный к полноте. Короче, имеющий при себе, как бесценный дар, небольшое брюшко. Цвет волос черный. В отличие от других художников – чистоплотен. Раздражителен, но старается сдерживать себя. Он из Харькова. Из еврейской семьи с мелкобуржуазными наклонностями. Приехал завоевывать Москву. И это у него получается. Удивительное дело. У него, начиная с роста, о котором я упомянул вначале, все среднее. Среднее мировоззрение, средняя разухабистость, средний аппетит, средние потребности – и художник он средний. Самое положительное качество – любит вкусную еду и, отдавая ему должное, вкусно умеет готовить. Одевается подчеркнуто элегантно, что сейчас никуда не годится. Живет в маленькой комнате возле Кировских ворот. Женат. Маленькую жену его зовут Галей. Недавно она родила ребеночка. Одевается она экстравагантно. Иногда красит волосы в белый цвет. Подозреваю, что умнее мужа. Добрее и симпатичней во всяком случае. Учится в институте иностранных языков. На английском факультете. Пока Толя был в Польше, я часто к ней заходил. Случайно я пропустил одну черточку в характере Брусиловского. Я подозреваю, что по натуре он маленький деспот. Недавно 20 ноября была пьянка по случаю дня рождения моего друга Генриха Сапгира. Были

Генрих Сапгир, Кира Гуревич, Оскар Рабин и его жена Валя Кропивницкая, Юлия Анурова (Рашеева), ее дочь 9-летняя Катя, Толя Брусиловский, его жена Галя, ленинградский художник Алеша Хвостенко, Ева Уманская – бывшая моя любовница, Таня Большакова из дома моделей, которая весь вечер принимала различные позы, как прима-манекенщица. Насколько они все однообразны. Ужас. У всех одинаковые жесты, улыбки. Хорошо, что я не женился на Валентине Филиной, во втором замужестве Сергеевой. Таня Большакова не менее симпатична. Но из-за этих улыбок и жестов она мне показалась отвратительной. Был Цыферов с женой Наташей. Наташа по-прежнему добра и симпатична. Она, выйдя замуж, расплнела, что ей очень идет. И бросила ужасные привычки ДОММОД. Подавали на стол: сэндвичи с кетовой икрой, с ветчиной, с зеленью, с сыром, с кабачковой икрой. Подавался салат, подавалась тертая редька и красный перец. Подавалась жареная утка, гвоздь программы. Из вин были: водка, настоящая на перце, и обыкновенная водка, и сухое вино по имени «Гамза». Вечер прошел обыкновенно. Посему я, вероятно, и напился. Я был пьянее всех. Даже пьянее Юли Ануровой. Юлия впервые не выкинула ни одного номерочка. Правда, она поругалась со своей дочерью. Они закатали друг другу хорошенькие истерики. Юлия без пальто вышла на улицу и легла на лавку. Я ходил ее уговаривать. После чего совершенно опьянел и не помню, что было дальше. Я проснулся утром у себя в комнате, зажег свет. Картина предстала передо мной такая: возле кровати лужа блевотины. В ней мой костюм и настольная лампа. Простыня и пододеяльник – тоже в блевотине. У стены раскладушка, на которой спит Хвостенко. Голова моя разваливалась, как плохо склеенная коробка. А сам я вроде бы на качелях.

Я встал, убрал блевотину. Но и после этого в комнате стояла страшная вонь, которая исчезла через несколько дней. Проснулся и Хвостенко. Я разбудил свою хозяйку Лиду Шевчук. Мы сообразили на четвертинку водки и на шесть бутылок пива. Мы с Хвостенко ходили в магазин. Приехал Сапгир и Ян Сатуновский. Мы выпили все, что купили. Я стал чувствовать себя лучше. Хвостенко рассказал мне, что, приехав домой, я не лег спать, а мы поехали к одной невероятно светской даме, которую зовут Аэлитой. Она нас не пустила. Я тянул его еще куда-то, но он отказался и мы вернулись к себе. Лида рассказала, что я выяснял с ней отношения. Я говорил, что она хороший человек, но спать я с ней не буду. Толя Брусиловский рассказал, что я очень красиво устанавливал раскладушку для Хвостенко. Я падал на нее, поднимался и снова падал. И снова поднимался и т. д.

Я решил распродать принадлежащие мне картины.

Мне предложили кооператив в Вешняках, 2 комнаты, в общем 24 м² по 170 р. за квадратный метр. Дом только начал строиться. И будет сдан в первой половине 1967 года. Денег у меня 1000 рублей. Еще нужно 600 рублей. Где их взять?

Звонил сегодня Г. Сапгиру. Он идет слушать Шенберга. Приезжала дочь. Выпросила 50 р. на воротник. Она шьет себе пальто. Ездили вместе в сберкассу. Вернулся домой. Лида приготовила макароны-спагетти. Сейчас их стали продавать. Говорят, что мы купили у итальянцев линию. Очень вкусные макароны. Погода в Москве не очень нравится: небольшой дождь, каплет с крыш. Температура +2–3 градуса. Хвостенко, кажется, уехал к себе в Ленинград. Я не старался с ним сблизиться. Тех хороших знакомых, которые у меня есть, мне хватит на всю жизнь. Бальзака больше не читаю. Читаю О. Генри. Какая заманчивая четкость сюжета. Мне это

нравится. Сегодня написал одно взрослое стихотворение. В общем-то, я сейчас ничего не пишу. И даже стараюсь не писать.

26 НОЯБРЯ. Фредынский, зовут Володей. Высокий, узкоплечий гражданин. Борода черная. Подгоняет внешность под священника. На самом же деле, все черты, которые имеются в наличии, гнездятся в его душонке. Меня затащил к нему в этот день, а было это дня два-три тому назад, Гена Цыферов. Он был с девицей. Средненькая девица, татарочка. Цыферов комплексовал целый вечер. Татарочка крепко поддавала и ей хотелось, чтобы обнимал и целовал ее не только Гена, но и другие. Стол был полон яствами. Сациви отсвечивало своим ореховым блеском, лобио лежало скромненько, несколько затаясь, как бы спрятавшись от гостей. Куропатки, разрезанные пополам, нежились на большом блюде, окружая хороводом травку по имени портулак. Водка сверкала в граненых графинах, возвышаясь над всем столом, – смотрите, мол, на меня, все хорошо, но я тут царица, и без меня всё – и сациви, и лобио, и перец красный, и куропатки – не полезет в глотку. И действительно. Так мы поверили ей на слово и тут же начали безжалостно уничтожать ее, хлопая стопку за стопкой. Несмотря на то, что по соседству отдыхала во льду бутылка грузинского шампанского. Скоро языки у всех развязались, но беседа от этого не стала оживленней. Фредынский был как бы в центре собрания, все взоры были обращены на него. Пили за его здоровье. Почему? Не знаю. Это так и осталось тайной. Когда же у него спросили, ответил он уклончиво: «Не все ли равно, почему собрались!» Может, он и прав, кто его знает. Вещал он беспрестанно: «На днях у меня был Илья Глазунов (модный художник), он

сказал, что картины у меня хороши». И тут же отступление: «Ешьте сначала сациви, потом лобио!» И снова: «Илья Глазунов сказал: когда у меня будет картин двадцать, он сделает мне выставку в манеже». В общем, Глазунов упоминался раз двести. Я помню, когда-то сам Илья Глазунов, еще совершенно никому не известный, таким же образом упоминал при всяком удобном случае Михалкова: «Мой покровитель Сергей Владимирович сказал то-то и то-то». У Фредынского были: Цыферов, его возлюбленная, некто Эрнест с женой Катей. Юра – ученик Фредынского и он же ученик архитектурного института – личность бездарная, фамилия в моей голове не удержалась. И еще две бесцветных личности. Муж и жена. Она все смачивала губки язычком, чтобы они были более чувственными. Кажется, ей это удавалось. Фигурка у нее приземистая, как у рабочей лошадки. Интересно, между прочим, если бы на лошадь надеть туфли на высоких каблуках?

Сейчас среди московской интеллигенции стало очень модным играть в такую игру: зажигается спичка и передается по кругу. У кого спичка потухнет, тот отвечает на все вопросы, которые ему задают. Мы играли в эту игру. Об ограниченности этого народика можно судить по тем вопросам, которые они задавали: Сколько вам лет? Кто вам не нравится из этой компании? Кто вам больше всех нравится? Я для разнообразия задал одному типу вопрос: занимался ли он онанизмом? Он ответил, что в молодости занимался. И тут же страшно разозлился на меня. Возлюбленной Фредынского я задал вопрос на абстрактном языке, вроде: Рымбе аберде рукима ески тукими чиворе силики? Она на это ничего не ответила. А потом я сказал кому-то, что мне 33 миллиона 145 лет, и с меня содрали фант. В этой игре еще и фанты полагается брать, если не смог ответить на вопрос. Разъехались позд-

но. Вышли на улицу и ловили такси. Пьяные были несильно. Даже песен не пели. Цыферов с любовницей (забыл, как ее зовут, а в начало записи смотреть неохота) поехал ко мне в мой подвал на Кировскую. Я не мог ему отказать, и он с ней остался у меня. Я поставил себе раскладушку и лег. А они сели на тахту. Цыферов начал ее обнимать. Я притворился, что сплю. Она ему не поддавалась, выбивалась, но без слов. Я сквозь щелку в одеяле подсматривал. У нее задралось платье, и это было уже несколько интересней. Потом они потушили свет, и я уснул. Просыпался я несколько раз, они все возились. Наконец, около шести утра ушли. Так она ему и не дала. Вспомнил, звали ее Розой, работает она на мульте. Я сказал Цыферову, чтобы он договаривался заранее, перед тем как прийти.

Зачем я делаю записки? Скорее всего, для тренировки. Я не делаю в записях абзацев, чтобы сэкономить место.

Только я начал делать эту запись, я имею в виду за сегодняшний день, явилось шесть или семь ленинградцев. Ирена, вновь приехавшая из Ленинграда с мужем, которого зовут Рудик, Ляля с мужем-дирижером. Некто Маркин, композитор, и еще один. Муж Ляли (которую все звали Яшкой) приехал на конкурс дирижеров. Продолжу запись завтра. Устал. Время, наверное, около двух часов ночи 28 ноября.

8 ДЕКАБРЯ. И так время то лениво, то резво, то на четвереньках, то вприпрыжку продвигается вперед. Декабрь, морозы. Снегу кот наплакал. Вступил в кооператив, т. е. внес первый взнос 40%, 1670 руб. Для меня это огромные деньги. Даже руки тряслись, когда переводил их в сберкассе. Что делать, жить негде. Из Лидино подвала гонят. Приходил участковый милиционер и техник-смотритель из домоуправ-

ления, которое теперь называется ЖЭКом. Разговаривали со мной по-хамски. Я сказал им об этом, а не следовало. Дали сроку две недели. Ко мне стал часто заходить Валя Воробьев – художник. Ему скоро должны дать мастерскую на улице Щепкина, раньше она называлась Третьей Мещанской. Он обещает пустить меня к себе, как только получит. Заходила на днях дочь, всё цветет. Во дворце пионеров (как ни странно) я продолжаю работать до сих пор. По средам у Эдика Штейнберга приемный день. Шилова и другие. С ними некто Витя – прозаик. Что он пишет – неизвестно. Мы с Валей Воробьевым придумали игру: список патентованных невест. Женили Володю Серебряного, который приехал из Вильнюса. Ездим с ним по разным домам. Недавно были у Иры Эдельман. Выпивка. Завтра тоже что-то намечается. Звонили из «Диафильма». Собираются заключать со мной договор. Нужно написать сценарий, чтобы было 40 кадров. Плата сто руб. Заходил Юра Мамлеев. Рассказывал всякие интересные вещи. Заходил Толя Брусиловский. Ездили к нему в мастерскую. Сейчас час ночи.

ЗАПИСКИ

И.С. Холин
30.XII. 1969
Москва

ТЕТРАДЬ 1

Раньше несколько раз я принимался за подобные записки, которые обычно, за редким исключением, называются дневником. Но мне не нравится это название, а почему, я и сам объяснить не могу. Скорее так же, как люди не любят или, напротив, любят кислое или соленое.

Почему-то прежде занятие это (писание записок) мне быстро надоедало, хотя приходили и мысли интересные (на мой взгляд) и писать было о чем. Сколько всяких событий промелькнуло перед глазами, сколько было всего. Теперь уж и припомнить не припомнишь.

Главное же, я думаю, препятствие было (нет, не трусость) боязнь. Не раз люди страдали, отправлялись в места не столь отдаленные (в лагерь) за то, что они писали правду, то, что видели, что происходило. А ограничиться своим только миром в таких записках невозможно.

<...> Хотя я человек сугубо аполитичный, в дела Отцов отечества не лезущий, а боюсь. Не в буквальном, конечно, смысле боюсь. Мне теперь уже пятьдесят вот лет скоро будет 11 января следующего 1970 года, осталось жить, в лучшем случае, лет 20–30, не больше. <...>

Чувствую сейчас себя хорошо, бодро. Я бы даже сказал – молодо. <...>

По моим планам эти записки я должен начать в день пятидесятилетия и заносить в них все интересное, оговариваю (и даже подчеркиваю), что с *моей* точки зрения. Не повседневно, а от случая к случаю, как придется.

Почему я приступил к исполнению замысла немного раньше намеченного? По очень простой причине: опишу вначале то, что удастся вспомнить из прошлой жизни, из тех пятидесяти лет, которые теперь уж вот почти на исходе, поскольку сегодня 30 декабря 1969 года.

Что удастся вспомнить, то и запишу.

Раздражает, что приходится писать в тетрадку. <...>

Краткое свое жизнеописание хотелось бы начать с самого дня рождения, но, увы, наш аппарат памяти весьма и весьма не совершенен. <...> Какие-то смутные отпечатки. Гудели всюду гудки. <...> А может, и это было потом. Рассказали или прочитал в книжке. Вот что, пожалуй, помню наверняка. Пеленки загаженные помню. А, может, штанишки?

Дача Якушиных или Якушкиных. Примерно в том месте, где теперь «Водный стадион». А, может, подальше, там, у «Речного вокзала». Мест этих не осталось. А было раздолье. Как воскресенье (потом уже), под каждым кустиком дачники. Лес. Речка Синичка. Бегаем. Собираем пустые коробки из-под папирос. «Дели», «Ира». Иногда попадаются и не пустые, с папиросами. Курим. Кашляем. Задыхаемся. Вино не пили (остатки в бутылках), выливали на землю. Бутылки бросали в толстую, одетую рыбьей чешуей березу. Кто метче попадет. Не отличался. Да и ни в чем не преуспевал. Был худ и длинён. Одни (видимо, большие) глаза (звали в детстве Очкариком). Зелень. Весело. Тепло. В Синичке едва не утонул (в ней-то, как говорится, воробью по колено, но бывают и ямы). Теперь там дамба Химкинского водохранилища, кото-

рая возле деревни Ивановково. Кто-то пихнул с берега. Гады. Как дети все же жестоки (по глупости) – пихнули и убежали. Не полюбобытствовали, что там со мной? Я тону. Захлебываюсь, пускаю пузыри. Иду ко дну. Отталкиваюсь ногами от песка (сам догадался). Потом чудом ухватился за корягу. Вылез. Лег на траву. Долго не мог отдышаться. Плавать с тех пор научился. Через неделю бегали в Тушино к Москва-реке, где эта самая Синичка впадала в нее. Перемахивали на другой берег. А, может, я все перепутал. Сколько мне было лет тогда? Пять? Шесть? Канала «Москва», который теперь распластался убитым медведем, не было и в помине.

Драки происходили частые. Это позже. Уже мы жили на дачах Наживина (фамилия владельца), ныне поселок «Войковец». Сходились стенка на стенку. Наши, значит, наживинские ребята, заводские, и иваньковские – деревенские. Дрались нещадно, жестоко, без всяких правил. Когда не помогали кулаки, пускались в ход колья, самодельные финки. Однажды наживинские смастерили (работали на чугунолитейном им. Войкова) самодельную пушку. Пальнули. Двоих ранили, одного (за точность не ручаюсь) убили.

Дачи эти Наживина примыкали к Покровско-Стрешневскому парку. Вернее, в то время стояли в самом парке с северной стороны, около Ленинградского шоссе. Наша дача № 11, не вся, а одна большая комната, метров двадцать пять. Переселили. На Якушкиной был целый дом. Хорошо не помню. <...> Нет уверенности, что все было именно так.

Теперь вот что. Кто же я собственно такой, где родные, в какой семье, кто были мои родители? Самое трудное. И, я бы сказал, сложное. Виновата во всем мать (не в смысле вины, а в смысле того, что все темно). Женщина она была (я уж увидел потом) до крайности легкомысленная и (если судить по имею-

щейся у меня фотографии) красивая (фотография старая, до-революционная). Видимо, модно одевалась. Я так до конца и не мог (пишу ради выяснения истины) поверить, что у нее был муж, хотя она уверяла и меня и моих трех сестер. По ее словам, она из Истры (там у нее, я помню, был брат), белошвейка. В Истре почти все занимались портняжным ремеслом. Переехала в Москву, работала у хозяйки. Муж, как она говорила, был прокурором. Может быть. Тогда дуло демократическим ветерком. Детей нас четверо: три сестры и я. Все мы друг на друга не похожи. <...> Сумасшедшие все, кроме матери, лежали в больницах. Я не пустозвоню. Я тоже в детстве. Помню, лез на стену. Лет девять было. Завертывали меня в мокрые простыни. Но я теперь вот думаю, что я не с ума сходил, а был очень перевозбудим. Кажется, в особенности (можно проверить архивы), все происходило на сексуальной почве. Помню Малаховский детский дом. Ночь. Луна. Снег кругом синий и блестящий. Весну помню. Давали нам новые сапожки, а от них дегтем пахло. Влюблен в воспитательницу. Вижу только ее. Образ сохранился до сего времени. Светловолосая, с заостренным несколько носом женщина, с заметными формами (теперешние размышления) груди и бедер. В каком только извращенном, неестественном виде я ее не представлял. И ничего общего с реальными соитиями. Если она сидела на стуле, то я как-то даже не подползал, а подплывал (ощущения того времени точны), проникал в нее и весь растворялся с каким-то замиранием в сердце. Одно появление этой женщины приводило меня в трепет. И еще почти ежедневные сновидения по этому поводу. А ведь я ничего не знал. Думал, что детей приносят в корзинах из леса. И только чувствовал разницу полов. На этом, видимо, и основывались все мои сексуальные видения. Те, что поносят Фрейда, безусловно, неправы по очень про-

стой причине: Фрейд, как первооткрыватель, гений, несколько перегнул, что мы часто (все человечество) делаем, вдаемся в крайности. Открытие Фрейда безусловно и верно, но только не для всех, а для части людей, а именно для тех, у кого обострена сексуальная восприимчивость. Из людей с такой обостренной восприимчивостью и формируются творцы.

Короче, сколько я ни пытался найти хоть что-то общее между мной и сестрами моими, я ничего не находил. Но может быть, это и потому, что мы воспитывались в разной среде. От матери же я унаследовал легкомыслие в достаточно смягченном виде.

Так вот, кажется мне, что все дети (нужно подтверждение) у моей матери от разных мужчин <...> Из сбивчивых рассказов Александры Сергеевны (мать) ничего узнать нельзя. Легкомысленная врушка. Да я и не пытался. Знал, что ничего не узнаю. Хотя муж, кажется, первый был – Холин, на которого и меня потом записали. Он умер (слова матери) в 1918 году, или его расстреляли в ЧК.

Мой отец, как ни странно, известен, хотя мужем (законным) он не был. Пишу тяжело и запутанно только потому, что ничего не знаю, плаваю. В романе «Кошки Мышки» я уж говорил по этому поводу. Ничего не знаю. Отец – фамилия его Львов, дворянин Орловщины, офицер. В 1920 году и раньше, наверное, служил в частях Красной армии. Мать моя, которая жила с ним в г. Орле, после смерти его в том же двадцатом пыталась добиться для меня льготы. Помню, как она таскала меня по военным учреждениям и доказывала, что я сын красного командира. Бог с ним. Дела давно минувших дней. Видимо, хорошо, что все именно так произошло.

В писании задуманных мною записок есть свой смысл (не то, что вы думаете), не документальность, а ежедневная, во

всяком случае, частая тренировка, эксперимент, оттачивание стиля. <...>

Ничего я не вижу отрадного ни в прошедшем, ни в будущем. Вот и все. <...> Отцы Отечества вместо предметов необходимости (колбаса, хлеб, брюки, обувь, квартиры) предлагают нам цифры, ряды цифр.

<...> Впереди лет двадцать пять, а то и тридцать, сколько можно за это время написать? <...>

Мой взгляд на искусство: в одном месте Евангелия сказано (цитата неточная, разумеется) «не наливай вино новое в мехи старые» – вот и все. <...> И если мы б́ухаем этот новый комплекс идей в старую форму (меха, по Евангелию), то и получается ерундистика.

В психиатрической больнице. Помню теперь две вещи, кроме того, что я уже записал раньше. Даже три <...>. Лез на стенку, теперь мне кажется, что влез. Может ли это быть? Кормили форшмаком: рыба, провернутая и запеченная в духовке. Потом санитар (как водится, глухонемой) поднимал нас одной рукой. Казалось, что он человек-великан, необыкновенной силы. <...> И еще вспомнил одну маленькую деталь: собирали в овраге курослеп – желтенькие цветы. Ели и боялись ужасно ослепнуть. Белены объелся где-то в другом месте. <...> Да, безумие ходило где-то около, но меня (радость-то какая) не коснулось. Лечебница эта находилась возле железной дороги. Как-нибудь нужно собраться, разузнать. Детская лечебница, кажется, санаторного типа. В психиатричку свезла ведь меня та женщина, воспитательница, с которой у меня, как раз, были связаны все мои сексуальные переживания. Каково-то мне, бедняккому, было? Не помню даже этого. <...>

Самое приятное воспоминание детства (как и у всех) – бабушка. Любила она меня, видно, и жалела сироту, а, может,

и не любила и не жалела? Но воспоминания (та малость, что осталась) приятные. Соска – жвачка из черного хлеба. Очень вкусно. Мурцовка: хлеб, порезанный кусочками, лук и постное масло, самовар, хлеб белый только по воскресеньям. Помню еще (уже не о бабушке) <...> Какая-то гулянка, поднесли мне капельку вина в стакане. Выпил и поперхнулся. А бабушка стригла меня под гребенку. На фотографии она (и фотографию вот вспомнил тоже) сидела на венском стуле, сложив руки на коленях. Широкое, с широким же носом лицо. Бабушка-то была не моя. И еще вот те пеленки загаженные. Как я к ней попал? Не родственница даже ведь. Совсем чужие люди. Мария Сергеевна Румянцева (умерла в 1940 году) вместо матери. Бабушка ее мать и есть. Как же я мог к ним попасть? Матушка моя легкомысленная (привычное сравнение) как кукушка подбросила меня, несчастенького, своим знакомым (не родственникам). Так я и оказался на даче Якушина или Якушкина. Овраги. Летом – рай, зимой лыжники, даже иностранцы приезжали. Мы их определяли по лыжам. У нас таких тогда не было. И тоже вот цветы, первоцвет, ели их ранней весной, собирали по пригоркам, лазили на коленках. А бабушка потом ругается. И в церковь она же меня водила к причастию, и на могилку к своим родственникам или в деревню Аксиньино, или в Всехсвятское. Благость ощущал. Вино сладенькое пил и не поперхнулся. На могилки (по настоянию бабушки) яички (это уже пасха) крашенные сыпал. Всё как полагается. Рабочие в сапогах, в картузах, косоворотки (как теперь в кино) пьяны, буйны, жестоки и добры одновременно. Такой вот свирепый пьяный дядя однажды меня с поезда хотел сбросить на полном ходу. Поднял и все подносил к открытой двери. Ужас. Спасибо кондуктору. Отнял он меня с большим трудом. Ехал я

куда-то, беспризорник без билета. Вот и вся моя вина. Бабка – хорошо. И Марию Сергеевну тоже помню хорошо. К ней тоже было сексуальное влечение, хотя тогда я был совершенно <уверен> (мне потом уже сказали, что сын я не родной), что она мать мне. Спать с собой клала. Я ей руки промеж ног запихивал. Также ведь не знал, мал был, а влекло.

Расписался я что-то, уж и не знаю, хватит ли оставшихся одиннадцати дней, чтобы закончить воспоминание прошлой жизни. Да-да, я не ошибочно называю жизнь ту прошлой. Прошла, и всё тут. Какая все же острота ощущений во сне и в детстве.

Подытожим, чтобы было понятно:

1. Бабушка у меня была одна, да и та не своя.
2. Матери две. Собственная, которая как-то от меня ухитрилась отделаться, сбить на руки к другим.
3. Три сестры сводные (это уж совершенно точно), отцы разные. Может, у них у троих был один, а может, и не один.
4. И еще одна сестра, совершенно не родная, но с которой я какое-то время воспитывался вместе, под вящим оком бабушки.

5. Родная мать Холина Александра Сергеевна. Умерла в прошлом 196... не в прошлом, а в этом 1969 году. (Забыл вот, едва не написал чужую (слово не точное) непрошенную дату.) Лет ей было тоже неизвестно сколько. Скрывала. Но если размыслить, то лет восемьдесят пять. Скончалась от старческой немощи. Жить уж совсем не хотела. После, как она умерла, стал думать о ней, невольно, чаще, и, честно, лучше.

Умирая, сказала (передали сестры), что я буду жить до 75 лет. Последнее время редко уже приходила в сознание. Мерзко, но я даже к ней не поехал в последние часы жизни. Ужасно неприятная у них обстановка. <...> Разговоры у них

одни (бедность отчаянная), кто на что накопил денег: одна на пальто сыну, другая на платье, третья неизвестно на что.

6. Неродная мать Мария Сергеевна Румянцева. Умерла в 1940 году, перед самой войной. Хорошо. Еще бы больше настрадалась. Бедное существо. Чем она провинилась? Доброта ее, разумеется, не знала границ. Когда уже совсем невмоготу, отдала в детский дом меня, а было это уже в двадцать восьмом. Думаю, что толчком к этому послужила моя полная неспособность к учебе.

Отдали беднягу в школу в обучение. Забыл ее совсем, что за школа. В Покровском-Стрешневе она находилась. Может, зиму я туда проходил? Зиму ли? Хорошо помню, что ходили мы с каким-то парнишкой, именно летом, а Мария Сергеевна на дорогу давала пироги с морковью, а я эту морковь не любил очень. Вот и выкрашивал ее по дороге, а остальное съедал, и с этим пареньком делился. До Покровского-Стрешнева около трех км, а может, и поболее, да все лесом. Вот однажды и подкараулили нас педерасты с пареньком, заманили в кустики, да хотели уж использовать. Мы, видно, не из трусливого десятка (хотя они и запугивали, страшали), подняли крик. Прибежали люди. Отняли нас. Всё же штаны с меня один стянул, и что-то толстое все старался впихнуть в меня. Неприятно.

После, как прогнали из школы, оказалось (мнение врачей), что я сильно недоразвитый ребенок. Все мне врачи мудреные штучки показывали (штучки были цветовой и не цветовой), я должен отгадывать, что это есть. Я не отгадывал. Даже теперь ясно, терялся, точнее, робел. Боялся врачей и всей обстановки.

<...> Муж у Марии Сергеевны горький пьяница (трубочист на заводе Войкова), пропойца. С ним она разошлась. Осталась с двоими: своя Юля, да я.

Чтобы покончить с моими сексуальными наклонностями, скажу, что больше (и потом) у меня развита была зрительная эротика. Остальное доделывала фантазия. <...>

Мария Сергеевна работала санитаркой на протезном заводе (который потом, кажется, стал институтом). Зарплата, разумеется, мизерная. Помню, однако, что штанишки мне покупались, ботинки высокие, которые невозможно зашнуровывать, покупались. Да косоворотки (простенькие) бабушка сама шила.

7. Сестра (моя) старшая Катя. Сумасшедшая. Даже безумная. Но хорошая. Вся в мать. Легкомысленная. И тоже кукушка. Родила сына Олега неизвестно от кого, и тут же подбросила собственной матери.

Когда-то, в молодости, видать, была умна и из передовых. <...> Молодой девушкой работала в поварях. Писала. Училась в Литературном институте (с ее слов всё) по протекции Горького <...> Институт не кончила. Посадили. Писала стихи. По тем временам ничего (в гениях у них ходили Железнов и Шведов), а теперь уж видно (Железнов – дерьмо, Шведов – дерьмо): Катя поэтесса была никудышняя. Отсидела. Высылка. Работала в Казахстане учительницей. Старуха, которая вот-вот рассыпется, а может, и меня еще переживет?

Хватит о ней. Меня, кажется, в детстве любила.

8. Лида <...> Тоже родила сына – Лешу. <...> Училась в медицинском три года. Работает медицинской сестрой.

9. Юля (моя сестра). Сколько ее помню, она все время не в себе. Добрая, но глупая. Медсестра. Замужем не была. Детей не имела.

10. Юля (дочь Марии Сергеевны). 1924 года рождения. В молодости скорее симпатичная. Теперь давно уж не видел. Бухгалтер. Разборчива насчет женихов. Осталась в девушках.

Живет в той же комнате, в которой скончалась мать. В которой и я в свое время жил. <...> Может, теперь ее переселили, дали новую комнату. Все собираюсь съездить.

11. Бабушка. Звать даже как не знаю. Бабушек ведь по имени не зовут. Она из купчих. Когда-то жила, видимо, богато. Все имела. Предметы бывшей роскоши еще и я видел. Платья с кринолинами, шляпки, и другое.

Бабушкину теплоту чувствую и теперь, а как она умерла, не помню. Где ее похоронили, не знаю. Но в том, что она в раю, уверен. А под гребенку стричься очень неприятно, да еще если ножницы тупые. Так потом и бегаешь с волосами лесенкой. Одного меня во всем поселке так стригли.

Мог бы я теперь все узнать подробней и про бабушку, и про других, но зачем. И этих воспоминаний вполне.

Детские дома всегда вспоминаю через призму умывальников длинных с десятками сосков и с замерзшей водой. Но почему-то в эти умывальники гнали. Постоим. Померзнем. Да потом обратно в спальню бежим.

Коленки мерзли, когда спишь, как они мерзли. Как мерзли. Вот если бы мертвеца положить на мороз, да вернуть ему сознание. Такое было чувство. О Малаховке я вскользь говорил, а больше ничего и не помню из того периода. Вот отвезла моя любимая (парадокс) воспитательница в психиатричку. Вот залез я там на стенку. Вот связали меня мокрыми простынями. Вот накормили форшмаком. А дальше что.

Я – беспризорник. Улицы. Подворотни. Поезда. Города. Детские дома. Детские приемники.

На Сухаревке однажды какой-то лохматый дядя подговорил залезть в чужой дом и украсть часы. Подставил он свои плечи (ободрял: «Ты не бойся, малый!»), по которым я и вскарабкался в окно (первая кража), снял, как он приказал,

часы со стенки. Все происходило возле рынка. Народ. Мужчины. Женщины. Набросились на меня. Бьют. Кто-то вопит, что повесить нужно воришку.

– Да он не один был. Хватать того нужно, большого.

– И этот хорош. Убить его!

– Стойте (это милиционер). Стойте, говорю, изверги!

Милиционер отнял. Привел в отделение. Спал несколько дней на нарах вместе с другими вшивыми пацанами.

Отклоняюсь. Новый 1970 год у Риммы Заневской (Сапгировская бывшая супруга) и у Олега Трипольского (теперешний муж). Папаша и мамаша Олега, Лорик (Лариса Кучерова) и Петя (вроде бы муж), славный (фамилии его не знаю) паренек, маленький, подвижный. Глаза, как два пятна.

Селедка, салат (варварское произведение). Римма и Олег художники. Буженина с прекрасным <хреном> (где только они ее ухитрились достать (в предпраздничных магазинах пусто, хоть шаром покати)). Леночка, дочка Риммы от первого (Сапгировского) брака. Симпатична, но вертява. Ей уже лет одиннадцать, видимо. Что же еще было? Хрен хорош. Пела эта Лена. Остер хрен. Цыганские песни. Жареная баранина. Не пела, а подвывала пластинкам. Приятно подвывала. Приятно смотреть на удивительную совершенно (угловатости всякие) пластику движений девочек.

Под звон бокалов с шампанским Римма успела в пух разнести поэта Худякова Генриха. Он и несамостоятелен, и графоман, а он просто талантливый и очень большой (известный факт всем, кроме Риммы) человек. Мне лично (Римма и Олег художники) Худяков достаточно симпатичен. Олег сцепился с папашей (украинская рубашка, широкие брюки, лысая, плоская сверху голова). Инженер. Умирающее поколение.

Жена намного симпатичней. Я об Олегаовой мамаше.

ОЛЕГ. А я плевал на все ваше время!

ПАПАША. Но ведь и тогда (сталинское время) было много (его словечко) положительного.

ОЛЕГ. Гнусь (я от себя) одна.

ПАПАША. А вот рубашка на мне, она ведь теперь рублей семнадцать стоит.

ЛЕНА. Не уезжай ты (подражает Волшаниновой), мой голубчик.

ТЕЛЕВИЗОР. Достижения в области добычи...

ХОЛИН. Вот сейчас бы чаю.

ОЛЕГ. Римма, давай чай.

РИММА. Поставь сам.

Папаша и Мамаша (Олеговы) порывались всю ночь уехать. Папаша ныл, что у него гипертония (шестьдесят два года), что вот ему, де, нужно лежать, а тут он не уснет. Просидели до утра. Мы тоже просидели до утра.

На дорожку мне Олег и Римма наложили пирожных и конфет целую коробку.

Ехал в метро (народу мало) и клевал. Живу в Измайлове на Пятнадцатой парковой. Ехал час, с трудом добрался. Лег в постель и продрых до трех часов дня. Ура! Выспался неплохо.

Нары грязные. Холодно. Милиционер и дежурный поняли сразу, что я за птица.

– Вот (милиционер) чуть мальчонку не забили. Еле отнял.

– Посади в камеру. Машина будет, отправим в детский приемник.

Дикий вой. Несуветная грязь. Стены черные от копоти и пятен различного происхождения – масло, кровь, сопли. Запах карболовки. Дезинфекция и баня с холодной водой,

с одной шайкой на десять мальчиков. Перловый жиденький суп и пшенная каша с постным маслом (порции маленькие). Вши, вши, вши – это и есть детский приемник. Все они были (в Москве и не в Москве) одинаковые.

Из Московского приемника переправили в Рязанский. Нет, это было потом.

Какой-то мальчик предложил удрать и уехать на юг в Крым или на Кавказ. Удрали. Не очень трудно. Детей сотни, а воспитателей раз, два.

Беспризорники того времени (я не исключение) ходили по России пешком от деревни к деревне или же ездили на поездах (автомобиль – диковинка) в ящиках под вагонами, в ящиках в тамбурах пассажирских, на товарняках. Грязные, оборванные. Милиция на станциях хватает. В трудовую колонию неохота. Проводники – злющие. Бьют. Едущие (в основном, спекулянты) еще злее. Боятся за свое добро, чтобы у них не украли.

Мне не больше десяти лет. <...> О голоде (детском) я буду говорить потом (когда организм растет и требует). Промелькнули: и Тула, и Харьков, и Симферополь. Черное море. Смотрел как зачарованный со скалы на то, как море дышало и двигалось. Экзотика спеленала, окутала. Боже! Вот чудо. Какое солнце, какие горы. Какие чудовищные пароходы. Кажется, хотел на один пробраться. Схватили. Чуть в воду не свалился (плавать умел). Удрал от матроса, который и не собирался ловить меня.

Потом все в обратном порядке: Симферополь, Харьков, Тула и т.д.

В колонию все же упрятали. Оказался в городе Рязани, там и влип. Два раза убегал из приемника и один раз уже из колонии. Ловили. Били. Водворяли назад. Какая была живучесть в

нас в то время. Гибли беспризорники, как мухи. Еще 28–30-й годы ничего, хоть жрать было что. А потом – голод.

Кажется, я был хулиганом отчаянным. Бандит. А вот в шахматы выучился играть лет в десять, несмотря на свою кажущуюся недоразвитость. Видимо, у меня мало развита была сообразительность к мелочам. А все (теперь еще помню) испытания, которым врачи подвергали, заключались в распознавании цветowych фигур.

Рязанская область (30–33 годы). Есть там местечко Солотча. Ходила узкоколейка Рязань – Орехово-Зуево. Вот где-то между и находится станция Солотча. Место неповторимое. Рядом с большой, зажиточной (вначале) деревней – монастырь, обнесенный, как замок, высокой крепостной стеной. Монастырский сад огромный. Стена высоченная, но мы ухитрились зимой с этой стены прыгать вниз. Воспитанников человек триста (говоря наугад), девочки и мальчики. Это был ад. Не кормили. Иногда, в месяц раз, привозили продукты, но мы их сами разворовывали. Я говорил уж, что потребность в пище была очень большая. Да еще свежий воздух, да еще то, что мы вечно двигались и бежали по монастырским окрестностям, как угорелые.

Кровати, которых было мало (спали на полу, на соломе), стояли в огромных, с высоченными потолками, палатах с узкими, но длинными в высоту окнами. Потолки во фресках. Страсти: и отсеченная голова Иоанна Крестителя, и эта же голова, подносимая дочери царя Ирода Саломее на блюде, и ад – геенна огненная, и благостный Христос, распятый на кресте.

Монастырь стоял на возвышенности, на крутом берегу речонки Солотча. Казался этот берег тогда очень высоким, а может, он и в действительности был таковым. Зимой же мы

с этого берега съезжали на самодельных лыжах, которые мастерили из бочечной клепки.

Воспитателей поначалу не было. Дети предоставлены были сами себе. Что творилось. Наиболее пагубной была страсть мальчишек повзрослей (а были некоторые и 15-16 лет) к педерастии. Не насиловали. Акт должен происходить по договоренности. Презрению (даже остракизму) подвергался не соблазнитель, но (странно) соблазненный. Единственное спасение – убежать из колонии. Что и делали. Удивительно, каким образом случалось, что некоторые поддавались, вступали в связь.

Девчонок презирали. Большие ребята, кажется, грешили, но мы, пацанва, оставались непорочными. Один взрослый даже женился на деревенской девушке, остался жить в деревне, обзавелся своим хозяйством.

По вечерам дулись в карты. Проигрывалось и выигрывалось все: одежда, пайки (потом, когда их стали выдавать). Можно было проиграть и воспитателя (такого в нашей колонии не случалось). Так называемые блатные, профессиональные жулики в колонии не задерживались, поскольку она не охранялась.

Осенью жить можно. Воровали у крестьян в огородах картошку, морковь, репу. Варили это все на кострах в монастырском саду. Жарили голубей и грачей. Побирались по соседним деревням (зимой). Деревни бедные, неимущие.

Какой-то год (из этих трех 30-31-32) был особо жесток. Ни травинки, ни дровинки.

Шли мы трое. В драных телогрейках, почти разутые. От дома к дому переходили. Мужик голоден, гонит нас. За целый день подадут картошек штук пять, да оладьев из толоконной муки. Смерть. Кажется, вот сейчас она наступит.

Да пожары кругом польхают. Может, это нас и спасло. Чего-то мы украли во время пожара в одной деревне. Если бы поймали, убили бы на месте.

Ух, и лютость. Сейчас, как вспомнишь, кажется, что ад был бы слаще.

Возвращались в колонию. И опять ходили побираться. Занятие нищенское среди детей считалось низким и недостойным. Но в этот год побирались все.

К весне этого года в колонии осталось человек пятьдесят. Остальные разбежались.

И вот произошло чудо. Приехал новый заведующий по фамилии Лазаренко. Жаль, что я теперь уж не помню его имени и отчества. Да его уж и в живых давно, видно, нет. А может, и жив еще. Тогда ему было от сорока до пятидесяти лет. Видимо, это был выдающийся педагог. Через месяц или два все воспитанники полюбили его. Как-то он сумел себя так поставить.

Ко мне он видимо (за какие заслуги?) относился с особенной (а может, мне только кажется) теплотой.

Появилась в колонии лошадь. Дали колонистам землю. Посеяли колонисты хлеб и пшено. Купили колонисты и откормили несколько свиней. Стали колонистов кормить.

Чудо все продолжалось. Дали колонистам одежду. Стали с нами обращаться, как с людьми. Колонисты работают в мастерских. Шьют сапоги, делают столы и табуретки. Радуются, что не весь инструмент разворовали.

Чудо все продолжалось. Провели колонистам радио. Как я любил по вечерам слушать всякие рассказы. У одного приемника сидят человек двадцать ребят и внимательно слушают радио-постановку. Тогда, видимо, передачи были интересней, чем теперь, а, может, казалось. Шашки, домино, шахма-

ты появились. К сожалению, в шахматы равных мне не было. Приходилось играть с воспитателем, которого я теперь даже фамилии не помню. Он оказался (не вру) педерастом. Красивый, яркий мужчина, кавказец, ходил в мерлушковой папахе. Исчез.

Запомнился мне такой случай. Приехали в колонию двое. Видимо, начальники. Проверять приехали. Жили у нас целую неделю. И вот их обворовали – этих людей. Позор огромный. Такая хорошая колония, так неплохо стало жить. И вот вам, извольте радоваться. Кто? Для чего? Мы уж о деньгах за эти годы позабыли, вроде их не существует.

Заведующий собрал ребят (вот как его уважали), объяснил всё. Ребята разошлись.

Нашлись деньги. После чего приезжие дверь у себя в комнате не закрывали на замок. С ними я тоже играл в шахматы. Заведующий, как приехал, оставлял свою квартиру открытой. Пропаж не было.

Ни лица заведующего, ни лиц ребят, ни лиц воспитателей – теперь я уже не помню. Все сгладило время.

Чудо продолжалось. Вот заведующий купил для колонии инструменты духового оркестра. Сколько было инструментов, 15-20? Приехал и руководитель из Рязани. Очень хороший человек, но пьянчужка. Комиссию я не прошел медицинскую. Легкие оказались слабыми. Ребятам желающих оказалось очень много сначала, а потом многие отсеялись. Вот тогда-то я и упрямил руководителя взять и меня. Он долго не соглашался, а потом, видя мою настойчивость, взял. Дал мне инструмент, кажется, корнет. Так начался новый этап в моей жизни, который продолжался примерно с 1933 по 1941 год.

Каким-то образом из колонии я ушел. Оказался в музыкальной команде Харьковского военного училища. Капель-

мейстером был Пиджаренко, может, он и жив еще теперь. Приятный и деятельный был человек. Он и джаз организовал, и симфонический оркестр. В джазе я не играл, а в симфоническом оркестре участвовал. Выступали на концертах, на смотрах художественной самодеятельности. Пиджаренко (имя и отчество не помню) человеком был для своего времени образованным, кончил училище капельмейстеров в Москве. Сам он в джазе играл на саксофоне.

Я, кроме всего, ходил учиться (почему-то на тромбоне) в городской дом пионеров. Пытался поступить в консерваторию. Не приняли. Не оказалось музыкального слуха.

Почему я ушел из этого училища? Почему оказался в Смоленске, тоже в воинской части, почему оказался на Кольском полуострове? Трудно (да и не нужно) теперь это все вспомнить.

На Кольском полуострове там все ходили на лыжах, а я совсем не умел. Да еще светлые ночи летом. Солнце не заходит за горизонт. Только опустится до самой кромки земной, и опять поднимается вверх.

Вот теперь 1937 год. Тут все намного ясней. Больше помнится. Больше интересного. Жизнь приобрела некоторые определенные очертания.

Новороссийск. Представляете, что я был за человек. Непоседлив совершенно. Северное, серьезное море поменял на южное, ласковое. На юг меня всегда тянуло, как магнитом.

Вот в Новороссийске тоже <...> не все ясно. Неясно совершенно, как я туда попал. <...> По какой причине? Что делал вначале?

Ну и обуза, писать свое собственное жизнеописание. Мозг трещит от воспоминаний. Главное же – не уверен в правильности. В художественном произведении точность не нужна.

Там и слово-то такое не применимо. Точность чего? А тут вот будь здоров, приходится потеть, а главное, конца не видно.

Событий, правда, особых в новом 1970 году еще не произошло. Побывал я, правда, на дне рождения у Оскара Яковлевича Рабина, которому исполнилось 42 года. Ездил 3 января к Евгению Леонидовичу Кропивницкому, который все эти годы живет в Долгопрудной (около самых прудов, возле усадьбы, а не в городе, у железной дороги). Застал его и Ольгу Ананьевну в здравии. Евгению Леонидовичу теперь уже вот семьдесят семь лет. Ольге Ананьевне тоже уже за семьдесят.

Евгений Леонидович показал три своих новых рисунка, которые (успел) написал в новом году. Читал записки о том, что и когда нужно делать и как поступать в том или другом случае. У них же, когда я приехал, сидела девушка Наташа Орлова, малозаметное существо. Евгений Леонидович говорит, что она журналистка. Кажется, мы где-то встречались.

Пишу. Спешу. Хочу поскорей с этим покончить. Видел Сапгира Генриха Вениаминовича с женой Кирой Александровной. До замужества она носила фамилию Гуревич. <...>

Новый год они встречали у Брусиловского <...> Я тоже должен был быть там. Не пошел. Надоела их пошлая компания. Вот. Там случилась драка. Один (как мы их называем) туземец <...> избил некоего адвоката (нашего) Густава <...> Этот злополучный адвокат Густав, оказывается, отозвался непочтительно о стихах (или о самой) Аленке. Достойная причина для драки в компании интеллигентов. Генрих Сапгир (такое у меня ощущение) не протрезвлялся с 1969 года. Пьет. Мрачен. <...> Евгений Леонидович ругал его стихи. Он говорил, что это карикатуры, а не стихи. Он, конечно, не

прав. Стихи у Генриха Сапгира имеют некоторый оттенок фельетонности, но далеко не все. Стихи интересны, энергичны, эмоциональны.

Чего-то Евгения Леонидовича не устраивает современное искусство вообще. Все его высказывания по этому поводу не объективны и капризны. Я думаю, что он просто не понимает самой сути современного искусства, его нового звучания. Можно отрицательно отзываться о человеческих, этических качествах Сапгира, но стихи у него прекрасные. Хотя для поклонников изящного они могут показаться непривлекательными и грубоватыми. Я знаю Генриха Сапгира с 1952 года, вот уже 18 лет. За это время он написал достаточное количество стихов, чтобы быть в ряду лучших поэтов России.

Вообще я не одобряю взглядов и отношения Евгения Леонидовича к Сапгиру, Рабину, к себе, Плавинскому, Вейсбергу, Кабакову, Немухину, Целкову – ко всему тому, что делается в России теперь.

Разумеется, среди новой школы художников встречаются и шарлатаны, да и среди поэтов тоже. Или просто малоталантливые люди, которые волей случая оказываются на поверхности. Вот недавно я прочитал несколько вещей А. Синявского, так нашумевшего своими книгами, угодившего за них в лагерь на 7 или на 5 лет. Что это такое? Что хотите, но не искусство. Хотя видно, что уж совсем человек таланта не лишен, но после Достоевского, Джойса, Кафки, после гениального Марселя Пруста, после, если хотите, Пильняка, Ремизова, Набокова, Андре Жида и т.д. так писать примитивно, на таком низком уровне нельзя, воля ваша. Или вот Солженицын. Как к явлению политического порядка к этому относиться можно, но не более. Его книги «Раковый корпус», «В круге первом» не что иное, как большие растя-

нутые фельетоны, написанные на уровне дешевой журналистики. Конечно, нужно признать (кроме стихов), сейчас русской литературы, как таковой, можно смело сказать, не существует. Мамлеев Юра, может быть, только и всего, с его всяческого рода извращениями. Моя проза «Кошки Мышки», роман, вещь объемистая, но не отделанная страшно. Наряду с местами, которые достигают мирового звучания, много мусора, слабых, проходных мест. А заняться этим серьезно нет желания, я уж не говорю о времени. Понимаю, что и у всех найдутся слабые места в книгах, но это не оправдание.

Набоков, «Дар». Хорошая книга. Но как в ней слабы сцены любви, как они беспомощны. Или чего, скажем, стоит описание треугольника Яша, Рудольф, Оля. Для чего все это потребовалось, что они прибавили для романа? Этих сцен могло и не быть. Они не мотивированы ходом событий.

Новороссийск. Вот я работаю на электростанции у самого Черного моря. Учусь на помощника машиниста паровой турбины. Электростанция маленькая (по теперешним временам), всего 20 тысяч киловатт. Две турбины, следовательно, по десять тысяч. У каждой из них машинист. Помощник один. Находится он внизу на подсобных, аварийных турбинках, обслуживающих вакуум. Трудно теперь уже и объяснить. Словом, я работал на этих машинах, и быть бы мне машинистом, работать бы всю жизнь на этой электростанции, но планида указала другой путь.

Значит так. Проработал я на этой электростанции три года. Жил в общежитии. Играл при клубе цементного завода в духовом оркестре. Был и приятель у меня Валентин Царьков. Играл он тоже в оркестре. Летом играли в парке на эстраде. Платили какие-то деньги за это. И на похоронах играли. И

девушка у меня была Валя Бухалова. Фотокарточку ее потерял. Кажется теперь, что эта Валя была красивая девушка. Помню, что у нее большие глаза, да что волосы как смоль, да что поцеловал ее один раз, а она убежала, да что избил из-за нее. Человек пять набросились. Драться я умел, да в этом случае ничего сделать не мог. Некто (фамилию помню) Страхов стукнул железкой в бровь и рассек ее. Шрам уцелел. Встречаться мы с Валею не перестали. Был я беден. Брюки на заднице худые, с дыркой. Тогда одежду продавали только на рынке.

Один раз (в романе «Кошки Мышки» я это, кажется, описал) попал я в компанию. Одна, замужняя оказалась со мной в беседке. Трусы-то, трико я ей разорвал, а сделать ничего не смог. Пьян. Да и не опытен.

Еще, когда было лет пятнадцать, с девочкой, таким же подростком, как и я, оказался в постели. Но все впустую. Не позволила она, а силой ничего добиться не смог.

Короче, с женщиной впервые я переспал, когда было уже 22 года.

Валя мне нравилась, но не очень. Больше нравились другие девушки, которые по многим причинам были недоступны.

Вот помню, я удивился, когда Сталин стал маршалом. И казнь «изменников» произвела неприятное впечатление. Финская война. Добровольцем не записался. Пьяным, кажется, напился по этому случаю. Ташил меня мой друг Филимонов на горбу к себе в общежитие техникума. С Филимоновым мы разговаривали откровенно обо всех событиях, которые происходили. Насчет процесса 37 года мы обоюдно (где ты теперь, Филимонов) высказывали свои подозрения, что все это липа. В буфете в столовой ИТР завода работала симпатичная, уже немолодая женщина, на нее мы ходили

смотреть. А город ведь Новороссийск большой. В 62 году на пароходе я побывал в нем, прошелся немного по улицам, но ничего не узнал. Чужой южный город. 60 тысяч, кажется, жителей было тогда. Цементные заводы. Электростанции. Железная дорога. Порт. Лес грузили на экспорт. Иностранцы моряки разгуливают. Мол перегородил бухту. Парк. Описывать теперь бесполезно, все другое уже. Загляни в справочник и прочти. В 1940 году перед самой армией осудили меня на два, кажется, или три месяца за опоздание на работу на 20 минут. Должен был я платить государству сколько-то процентов из зарплаты. Но платить не пришлось, в армию забрали.

Посадили в теплушки, в телятники, и повезли на край света, в Западную Украину в город Барановичи. Хорошо, что я был музыкантом, попал в оркестр и прокантовался больше, меньше года. Зимой, или в ту же осень перевели в Гродно. До весны в зимних казармах, а летом в лагеря, в самую Беложевскую пушу, куда теперь отдыхать люди ездят, охотиться за дичью.

Тревожное время. Чувствовалось приближение грозы. Война назревала. Чувствовалось, что она висит, как топор.

8 января. Теперь из другой оперы. Сейчас о Сапгире. Он вместе с Цыферовым сегодня у меня. Работают. Пишут какую-то пьесу для детского театра. На заказ. <...>

Почему они здесь? <...> Пьет беспробудно (пил) Генрих с 26 декабря <...> 3 числа были у них гости: Галя Андреева с мужем Аликом, и еще какой-то тип по имени Арнольд, да еще англичанин с женой Мери <...>, Джеральд Кларк. Я с ним почти знаком. Когда все уже хорошо выпили, позвони-

ла Колодзей, приперлась с Плавинским <...> Вот. Получился компот. <...> Генрих начал буйствовать, еще при англичанине, а когда он ушел, совсем разошелся. Раздражал его (слова Киры) Арнольд, который (чего Генрих ни пьяный, ни трезвый не терпел) кашлянул во время чтения (читал Генрих) стихов, а потом начал, в довершение всех бед, переговариваться. Генрих <вс>кипел (все же при англичанине) и принялся выгонять этого Арнольда из дому, а вместе с ним и всех. Видимо, уже был час ночи, а может и два. <...>

14 января. Так и не удалось написать воспоминания до дня рождения. Умерла сестра Лида. Прислали две телеграммы. На похороны <...> (денег нет) не поехал. Нервы, нервы. Чем я так взвинтил себя. Семья (родственники: братья, сестры, тещи и т.д.) как старые штаны: начали рваться, не залагаешь. В прошлом году скончалась мать, а в этом вот Лида, хотя она не самая старшая. Сколько ей? Лет 55, не более. Худа и зла. Бог с ней. Сколько она зла мне причинила. Пусть пухом ей будет земля.

Генрих Сапгир (с расстройства) укатил в Гагры. С Кирой (как можно было предположить) примирение полное. <...>

Скотство! Скотство! Скотство! Это я уже <...> о своем дне рождения.

Были: Гробман Миша с женой Ирой, Оскар Рабин (Валя больна), Цыферов, Анурова, Наталья Кондрашина (бывшая жена Цыферова), Римма Сапгир-Заневская <...>, Володя Тихвинский с женой Милой, Лариса Кучерова со своим Петей, фарцовщик (пригласил Олег Трипольский) Саша Васильев.

Французы Анни Ноде-Ланглау, Мартин Масон Деблез и Джонни (коммерсант), фамилию не знаю. Кажется, все. Нет,

некая Ира Сакомская (подруга Наташи). Кого-то пропустил все же. Ладно. Люда (дочь моя) была днем. Приготовила винегрет, селедку под шубой, нажарила котлет. Это все она умеет. Гости выпили четыре бутылки водки, бутылку коньяку, пять бутылок шампанского, восемь 08 бутылок сухого вина. Вот типичная русская пьянка. Хорошо, что не случилось драки. Анурова крепко придиралась к Трипольскому. Едва оттащили. Ира Сакомская пела <...>, гитару сломали. Трипольский влез на стол, упал, <...> распорол и брюки и зад. Отправили в институт Склифосовского (не анекдот) зад зашили. Я в четыре часа утра лег на тахту и уснул мертвецки. Проснулся в десять, гости разъехались. Кавардак полнейший. Ведь при российской пьянке кавардак вещь неотъемлемая. Все перевернуто. Гости (список выше) закуску на тарелки наложили, а жрать не стали. Понапихали окурков и в котлеты, и в винегрет, и в селедку. Только пили, ну и напились, как зюзики. Домой все же разъехаться ухитрились. Выпили всё. Не нашел глотка вина, чтобы опохмелиться.

Занялся уборкой. Пока не убрал, не мог чувствовать себя человеком. Помыл посуду (тарелки и вилки и лафитники брал в квартире 25). Отнес им (одну тарелку и два лафитника разбили) всё. Лег. Спал до утра следующего дня. Отоспался. 12-го куда не ходил. Обработывал поэму для детей и для денег (которые едва ли за нее получу) «Детство Володи». По радиостанции «Юность», правда, ее уже передали. На этом все и кончилось. Сапгир перед отъездом прочитал, сказал, что длинна. Я с ним согласился. Сократил. Попробую куда-нибудь отнести. Может, напечатают?

13-го Новый год по старому стилю. У Тихвинского. <...>

Разошлись в 2 часа ночи. Меня и Оскара Рабина Мартин отвезла на машине домой. Спасибо хоть на этом.

Все же вот теперь о Новороссийске. Ах, как я люблю его. Не помню, а люблю. Будут летом деньги, поеду месяца на три, сниму комнату и поживу в тех местах. Как я люблю море и солнце. Почему я в Москве? Родина, так, что ли.

Кажется, что в Новороссийске все было только хорошее. И то, что осудили за прогул, ерунда.

Море и солнце помню хорошо. Волны метра в три. Ныряешь, ложишься на спину и лежишь, как в молоке. То тебя вверх взнесет, то вниз опустит.

Читаю нынче Марселя Пруста «В сторону Свана». Очень сложно. Такая сложность доступна моему пониманию, а сам не способен. Завидую людям с таким блестящим умом. У нас, у русских, культура европейская, душа – азиатская. На такие тонкости, которые возвышают Пруста, мы не способны. Достоевский Федор Михалыч кажется в сравнении с ним примитивом <...>.

Рыбы в Новороссийске много. Чего-то трудно (году в 37-м) с продовольствием. Ели одну рыбу (теперь ее нет), ракушки ели морские жареные. А у меня <...> одни брюки, худые на заднице. С девушками встречаться по этой причине стыдился. Вот беда! <...> А хорошо, все равно хорошо. Превосходно. Море и солнце, что может быть лучше?

Куда-то канули знакомые лица, а Море и Солнце остались. Где это внутри нас живет неведомое ощущение прошлого? Вот парень (если не забыл) Женя. В оркестре он играл (видимо, все воспоминания вокруг оркестра) на баритоне. Кажется, его любили девушки? Ходил он, помню, прилично (в сравнении со мной) одетым. И ленточку на пальце всегда крутил. Кожа нежная, розоватая, как

у девушки. У Вали Царькова (о трудовой колонии ничего не помню, ни одного лица) большие черные глаза. Сам маленький, ноги немного (отец кавалерист) кривые. Его тоже девушки любили. Меня в юности не очень. Я был худ, долговяз, как жердь длинён, а тогда считались красивыми (может, только в морском Новороссийске) коренастые парни. Брюки широкие на них сидели ладно, а не висли, как на вешалке. Были две или три девчонки, которые мною как-то заинтересовались. Валя вот Бухалова даже предпочла меня другому, за что и пострадал. Нет, девушки меня не очень любили, что там говорить, застенчив был, нелеп, несуразен, без роду и племени. Хотя, по словам моей матери, я аристократических кровей. Отец Львов, дворянин Орловской губернии. Нужно (может, и об этом уже писал) заняться, разузнать. Ведь пыталась же мать доказать какие-то свои права, когда отцом мой, командир Красной армии (бывший офицер), умер от тифа в том же самом Орле. Я тогда о своем голубом происхождении, разумеется, ни шиша не знал. Да тогда об этом говорить считалось неприличным. Тогда еще существовала революционная традиция. Тогда еще (как теперь помню) рабочие, выступая, хлопали шапками о сцену. Здорово это у них получалось.

Столовая (не та, где работала седая симпатичная женщина, не ИТР, а рабочая столовка для цементников (с продовольствием тогда было плохо)) отвратная. Запах всегда в ней стоял удручающий, хотя на улице зелень, всё в цвету. А еще эти воздушные тревоги, когда тебя всё куда-то загоняли в какие-то бомбоубежища, натягивали на тебя противогаз, окуривали дымом. Фильмы военные, все наши побеждали, самолеты противника сбивали не пушками, а прямо прожекторами. Падали эти самолеты на землю, как обугленные груши.

Думалось, что если захотели бы русские, да советские, в одну неделю весь мир покорили. Казалось странным, почему не хотят?

Финская, как обух по голове. 39 год. Добровольцем (как многие) даже не мелькнуло в голове. Валя Царьков ходил записываться. Не взяли. Да и зачем. Вот про убиенных в 37 казалось странным. Про Финскую (точно) не казалось. Хотя смешно (теперь об этой войне не упоминают), позор. 3 миллиона финнов, а нас тучи. Дело на месте. Финны – наш позор (теперь думаю), стыд. Как могли мы напасть всерьез на такую маленькую страну. А если уж напали, то почему не покорили ее за 30 минут. Ведь у нас такая мощная (читай газеты, смотри кино того времени) техника, такая передовая тактика.

Ах, зеленое время. Как трудно русского человека умозуму обучить. Ведь теперь вот (достижения в космосе наглядный пример тому) все может повториться. Уж сидели бы да помалкивали. Вяльпываемся то в одну историю, то в другую. Китай, Вьетнам, Чехословакия, Израиль, а как до дела дойдет, в жопе окажемся. Что толку, что в конце побеждаем. Чего стоят эти победы, каких жертв, каких усилий.

Как так (до сего времени понять не могу), как я мог чувствовать, что (именно) не через год-два, а вот теперь война разразится. Как я за две или три недели ухитрился уехать в военное училище, как я там сдал экзамен, не имея элементарных знаний. <...> Перед началом Великой Отечественной я – курсант Гомельского пехотного училища. Весь наш полк, вся дивизия, вся армия (уверен) погибли. Полк Рогожско-Симонковский, дивизию не помню, армия 4 (штаб в Гродно). Всё это ухнуло в преисподнюю. Шутка ли, в семи километрах мы стояли от границы. Укреплений никаких. Местечко называ-

лось Сапоцкино. Вот в этом месте гитлеровская армия и нанесла первый удар по нашим рубежам. А я в это время катил в эшелоне. Гомельское училище эвакуировалось в г. Кирсанов Тамбовской области. Да и там не задержались, в Среднюю Азию укатили, в город Катта-Курган. Что за город? Были там казармы военные. В них нас (с трудом) разместили.

Хватит на сегодня. Уже без четверти одиннадцать вечера. Устал. Да и почитать хочется. Марсель Пруст ждет меня в гости. Пойду к нему. Хотя и Эразм Роттердамский (сам бы не купил, подарок Тихвинского) тоже не прочь принять меня в свои объятия.

Марти Деблез плохо отозвалась о Набокове, она сказала, что это коммерческий писатель (словечко теперь ходовое). Может, она права, хотя едва ли.

Люблю сам процесс писания, нанесения знаков (букв) на бумагу, течение мысли люблю быстрое. Но подводит рука, устают, не успевает. Получается неразборчиво, сам потом написанное прочитываю с трудом.

Сегодня больше ни слова.

15 ЯНВАРЯ. Еще времени мало, день только начинается, если учесть, что встал я в 10 часов. Завтрак: овсяная каша, сваренная на воде, потом уж я в нее добавляю немного молока (если есть), тертая морковь, хлеб и чай. Теперь в магазинах или совсем нет чаю, или один грузинский (дерьмо несусветное).

После завтрака гулял по окрестностям. Пошел в сторону Сириеневого бульвара (глупое название, если на нем ни одного куста сирени), прошел в сторону 13 Парковой, где аптека, и вернулся домой. Доделал (слава Богу) поэму «Детство Воло-

ди». Куда понести не знаю. Мой Володя Приходько, который все знает, уехал в отпуск, в дом отдыха под Киев. Теперь он работает в журнале «Колобок» главным, а прежде был в «Вожатом». Печатает мои стихи, да иногда с бабами приезжает. Ничего человек. Поэт неважный (с моей точки зрения). Тут недавно его обругали в «Дне поэзии» за 1965 год. Подождать, что ли, когда приедет. Если никого не найду, чтобы составили протекцию насчет поэмы, придется ждать Володю.

Зима за окном. Измайлово как деревня. Только что считается Москвой. Да и люди тут (за редким исключением) живут деревенскими обычаями. 50 лет не фунт изюму (когда-то так говорили) и не два (я уж добавлю). Чувствую себя неплохо. Только вот сестра Лида, да ведь иначе и не могло случиться. Все равно ведь она бы померла. Да сестра ведь сводная, не родная, да и не любила она меня ни капли.

То, что пишу, ведь я только называю воспоминаниями. Какие это воспоминания. Записываю, что удастся припомнить. Не для печати. А для чего? Для себя что ли? Чепуха. Для потомства? Тоже нет. Потомство такое читать будет, если лицо историческое. Так для чего я пишу? Вот и придумал. Правильно. Развлекаю сам себя, чтобы не скочуриться со скуки. На дворе зима. Но не холодно. Градуса два ниже нуля. Гулять хорошо. Из окошка вижу, как бегают по глубокому снегу дети и собаки.

О теплушках, в которых тогда из Новороссийска везли нас на запад. А перед тем с какими-то ребятами. Веселый парень оказался Дорош. Цыган он или не цыган. Маленький, вертикальный. Тоже ведь в оркестре играл у нас. Попали мы с ним в одну часть. В один оркестр. Да, в Новороссийске перед призывом однажды летом с какими-то ребятами. С теми, кажет-

ся, с которыми жил в общежитии. Дом на окраине. Сколько в нем этажей? Комнаты хорошие. У нас квартира на пять человек. Витя, кажется, один. На мандолине все учился играть. Другой купил единственный тогда доступный фотоаппарат Фотокор с «Компуrom». Лицо его куда-то исчезло. Витю вот помню. Еще к ним ходил маленького роста. Он из местных. Рассказывал, как его тетка соблазнила. Может врал.

Я предупреждал (ниже), что единого стилия не будет. Я ведь упражняюсь.

Один повесился. В уборной. На собственном ремне. Записку оставил. Мы не заметили, а милиция сразу сцапала. Так и не узнали, что он там накалякал.

А я один раз выпил целый литр водки. Чуть не подох.

Перепись населения. Вот прямо сейчас пришел счетчик (вертлявый черненький молодой человек) и все что надо записал.

Чтобы выпить литр водки, нужно иметь бычье здоровье. Видимо оно у меня в свое время было.

Пошли мы с этими ребятами из общежития в парк в кафе. Выпивали, а потом удрали. Не заплатили по счету. Потом уж, когда я работал официантом (об этом потом), и у меня удрали.

Девушка еще одна была у меня в Новороссийске. Симпатичное лицо, а ноги, как кубышки, толстые. И еще одна, с которой целовался напропалую. У нее не было одного зуба (переднего), и это считалось плохо. Я раза три с ней встретился всегошеньки.

Теплушка – обыкновенный (так называемый) полувагон. Нары по обе стороны. На нарах мы – новобранцы, подстриженные под машинку. Казенные люди.

По профессии я тогда (в двадцать лет) помощником машиниста числился. Хотели забрать во флот. Я как-то отговорился. Не хотелось служить пять лет. В то время не думал, что война ухнет. Что все равно шесть даже придется трубить. Какой я молодец, что после войны в армии не остался. Теперь бы я уже, правда, на пенсии был бы. Да шут с ней с пенсией. Писателем бы я не был, само собой. Там бы в армии мозги в другую сторону повернули.

Все пишу и пишу о Новороссийске, а про Керчь забыл. Я же ведь еще в Керчи был. Может, года два был. Работал на табачной фабрике. Учеником был в механическом цеху. А потом (одна грузовая машина на фабрике) у шофера состоял в обучении. Танцевать научился. На спор выпил шесть кружек воды. Целовался (снял где-то комнату или в общежитии жил) с девушкой по имени Поля. Тысячи конопушек у нее на лице. Еще одна во дворе жила. Влюбился. Поджидал когда по двору пройдет. Пятнадцать лет, шестнадцать лет, сколько мне было лет? Белую рубашку носил. Галстук тоже носил. Девушки мне уже нравились. В совхозе раз в Крыму работал. Тоже влюблен был в одну – фамилия Горобец. Чем кончилось? Кажется, очень развита зрительная эротика у меня.

А город Касимов. Что я там делал? Сны эротические. Что-то необыкновенное. Уже созрел. Поллюции. Какими только женщины не представлялись. Этот кусочек потому тут записан, что могу забыть. А теперь помню. Там, в Касимове (как я туда попал?) мечети, одни татары. Детский дом. Вот. Жил в детском доме. Ходил в лаптях. Пароходы проходили по Волге. Сады вишневые. Как приехал? Куда уехал?

В Керчи по парку любил вечером гулять. По берегу моря. Гречанка одна была необыкновенно красива. Правильные

античные черты и огромные, во все лицо, глаза. Девочка еще, а груди вполне развиты.

В этом городе впервые (в Керчи) я совершил поступок недостойный. Струсил. А может, не струсил, а проявил гибкость. Когда еще при клубе фабрики танцам обучался (фокстрот, танго), одному здоровому парню сказал дерзость. Он ответил. Потом встретил меня, да и не один. Зазвал в темный переулок, потребовал (джентльмен?) извинения. Пришлось. Иначе они бы меня... А не хотелось. Помню хорошо, что на душе потом скверно было. Еще помню табак, целые горы табака и листового (в тюках), и уже приготовленного для набивки папирос. На табачных фабриках тогда уж все процессы делались автоматически. Курили все. И я тоже курил. И воровал папиросы тоже. Вывозили мы с шофером на автомашине. На проходной охранники. Обыск. Не всех обыскивали.

Как-то я все же из Керчи уехал. И в Феодосии был. Мало. В памяти не осталось. Керчь, да. Там рыба идет по Керченскому проливу из Черного в Азовское море метать икру, размножаться. Тьма рыбы. Камсы в особенности. Сельдь – сплошные косяки. Гора Митридат. Лазил на эту гору. На море смотрел. В каменоломнях не был. Можно заблудиться. О Керчи приятное воспоминание. Тоже Море и Солнце. В Керчь нужно съездить, посмотреть. Посреди города проходила ул. Ленина. В магазинах спички продавались без продавца. Подходи, бери спички, клади монету. Быстро прогорели. По этой детали можно установить в каком году это было. По парку разгуливали иностранные моряки. И наши братишки. Приходили военные суда.

Воспоминания о Керчи у меня слились воедино с Новороссийском.

В Керчи табачная фабрика, в Новороссийске – электростанция.

Море и Солнце, а человек в общежитии повесился. Работа на цементных заводах жуткая. Он-то ведь не на цементном заводе работал.

Избирали (Новороссийск) в Верховный совет РСФСР. Для чего Сталину все это понадобилось? Ведь он сам на сессиях не присутствовал, шумных сборищ не любил.

Сталин – Маршал. 1940 год, если не забыл. Как раз и призвали в армию в этом году.

Депутатом тогда избрали (Свиридова) мастера завода. Тут же его директором назначили.

А мы – новобранцы в теплушке. Сколько? Человек двадцать. Трясемся на соломке. Вот и Барановичи. Западная Белоруссия. Куда загнали. Польша еще чувствуется.

Переодели в солдатское. Шинели дали, гимнастерки, брюки, не сапоги, а ботинки с обмотками. Сохранилась фотография. Так в ботинках с обмотками я и на фронт попал. Даже в училище сапог не дали.

16 января. Даже странно, что ежедневно делаю записи. Трипольский рад ужасно. Ездил на дачу к тетушке. Подарила ему трость с эмалевым набалдашником <...> Пили водку, шампанское и (увы) пиво. Идея насчет пива принадлежит Олегу. Он же ведь князь!

Были Оскар Рабин и еще другие. Ничего интересного. Жена Оскара Валя продолжала болеть. Я описываю, надеюсь, понятно, вчерашнее число.

Договорились увидеться в пятницу 23 числа. Римма пригласила всех присутствующих на блины.

Домой приехал в час. Почитал Пруста и уснул.

Сегодня дела сделал следующие: переделал еще два места в поэме «Детство Володи», вернее, наоборот (все время ошибаюсь). Нет, не ошибся, мозги свихнулись. Правильно написал – «Детство Володи». Позвонил Эдику Иодковскому. Старому своему знакомому. Поэт. Пишет сейчас роман, который называется «Марсианка» или что-то в этом роде. Взял у него телефон бывшей жены Тамары Громовой. Она уже семь лет работает в «Комсомольской правде». Прежде в отделе «Общественное мнение», а теперь в письмах. Огорчила. Стихов, как она сказала (поэму отвез к ней), они не печатают почти. Обещала похлопотать. Есть там Чекулаев, от которого зависит все. Кажется, он написал ругательную статью насчет Саши Гинзбурга?

Посмотрим, что выйдет из моей очередной затеи (глупой).

Нашел Тамару весьма постаревшей. Не виделись лет пять. Прядь седых волос. Пополнела несколько, но еще симпатична. Прежде была лучше. Дочке ее Ладе уже 13 лет, а другой от нового мужа 4 года. Спросила, бабушка ли я. Ответил – да!

Все же она человек хороший. Чувствуешь себя с ней легко.

А жизнь идет. Старость приближается. По себе не очень видишь. А как взглянешь на знакомых, которых не видел (вот Тамара Громова) долго, все становится на свое место. Ничего красивого в старости нет. Хоть сам же я в свое время писал, что все люди красивы: одни в юности, другие в детстве, а третьи в старости. Какая там красота, если видно, как разрушается организм, нарушается гармония существования.

Погода изменилась. Мороз. Утром шел снег. Я (идиот) оделся легко, поехал, замерз. По дороге ругал себя. Комбинат «Правда» не так уж далеко находится, но неудобно ехать к нему.

Не люблю ходить по редакциям, даже если там свои люди работают.

А когда везли в теплушках, давали какую-то еду. Даже горячий обед давали. Почему я тогда уезжая не простился с Валей Бухаловой (смешная фамилия). Видимо не очень (даже совсем), не любил. Избили из-за нее крепко. Шрам до сего времени сохранился.

Музыкальный взвод, куда я попал в полку, человек двадцать. Сейчас посмотрю на фотокарточку и скажу точно. Начальник взвода человек просто прекрасный. Старший техник-лейтенант по званию. Носил три кубика в петлицах. Тогда знаки различия были совершенно другие <...> Звание моего начальника равнялось теперешнему старшему лейтенанту.

На фотографии нас оказывается 20 человек. Один кто-то щелкал. Значит, 21. Я с тромбоном. Но вообще-то я играл на теноре. Начальник в центре: лысый, хотя не старый. 30, может, лет ему? Из Новороссийска человек пять, не меньше: я, Дорош, Ракитин или Ракитянский. Знал я его хорошо еще в Новороссийске. Охотник. Лицо со следами угрей. <...> Начальник – душа. Он же и фотографировал. Любитель. Аппарат – Фотокор, конечно. Доступно. У меня сохранились чудом две фотографии. Было больше. Отправил в Новороссийск Царьковым остальные, когда началась война. Зря. Что отсылал в Москву Юле Румянцевой, то сохранилось.

В команде нашей, можно сказать, народ был хороший, добрый. Один западный украинец Лаврук, один еврей, которого (к чести команды) не травил, как всюду. Злой был старшина, да и то с ним можно жить. Теперь мне кажется, что он был самый интеллигентный человек из всего полка, а злость его не что иное, как комплексы. Симпатичный молодой человек. Нам по двадцать, а ему двадцать пять. Считали даже, что он красив. <...> Комплексы следующие: заикался, играл

на базе «Б», самый большой инструмент. В шахматы играл хорошо. Жил вне казармы. Сверхсрочник.

Казармы (военный городок) располагались за городом. Несколько многоэтажных корпусов, обнесенных колючей проволокой. На ученья нас не гоняли. Только если походы. Нужно играть на марше, да стрельбище. Помню, однажды заставили идти 10 км кросс на лыжах. Эти лыжи пер на собственном горбу все десять километров. Да еще бежал три километра на спор с другими солдатами. Тяжело показалось. Цыганенок Дорош организовал танцевальную группу (самодетельность). Он сам плясал хорошо. И нас обучил. Даже на смотре армейской самодеятельности в Гродно мы участвовали.

Из Барановичей нас скоренько тогда всю дивизию перевели в Гродно.

Из курьезных случаев, пожалуй, вот какой запомнился. Уже летом были (в мае, наверное) в лагерях. У одного старшины часы (тогда редкость) упали в говно в уборной. Пообещал пол-литра тому, кто найдет. Рылись несколько человек. Яма громадная. Кажется, нашли.

Вспомнил эпизод из детства. Солотча. Трудколония. У монастыря протекала речушка Солотча (откуда и название места). Разливалась она широко. Льды громыхали, гремели, лезли друг на друга. И вот однажды в какой-то год мы увидели на льдине лису. Мертвую, разумеется. Вода ледяная. Я разделся и поплыл к льдине. Достал лису и вернулся на берег. Лису сдали на пункт, где принимали пушнину. Что-то нам дали такое за нее. Шкура хорошая. Я несколько дней ходил в героях.

Сегодня что-то не очень идут воспоминания. Никак не могу дотянуть до сотой страницы.

Почему это мы ходили такие голодные в казармах? Хлеба давали около килограмма. Съедался он сразу утром. На обед не оставялось. Представляете, сразу килограмм черного хлеба? А ведь он не всегда пропечен, иногда как замазка липкий. Иногда и из нашего взвода (в порядке очередности) назначали на кухню. Дорывались до еды. Объедались до полусмерти. Всю ночь сидишь и чистишь картошку для всего полка. С нашей точки зрения, самыми счастливыми людьми были повара.

19 ЯНВАРЯ. Праздник – Крещение. Мороз 20 градусов. Снег шел мелкий-мелкий, блестящий, как иголки, но не колючий, пушистый.

Вчера был у своего учителя Евгения Леонидовича Кропивницкого в Долгопрудной. Это недалеко от Москвы, 20-22 километра. Город Долгопрудная стоит несколько в стороне от прудов, а Евгений Леонидович живет рядом с ними. Там и усадьба и парк. Кому принадлежала усадьба? Рядом с церковью (работы Баженова) захоронены Бенкендорфы.

Хотел не сейчас, потом. О Евгении Леонидовиче. Да ведь все равно, где написать.

Дом их. Вот как резво. Не дом ведь у них, а комнатка в доме, который прежде был одноэтажным, теперь, лет десять тому назад надстроили. До чего люблю писать, Боже! Жаль, что не всегда хорошо получается. Стихи могу контролировать, вижу. А вот когда изъясняюсь прозой, теряю контроль. Может, спешу.

Комнатка маленькая. 8 квадратных метров или десять от силы. Одно окно и одно маленькое высокое окошечко. Оно теперь, кажется, забито. Окно выходит на север. Если ветер с этой стороны – холодно. 2 полки для книг, две кровати (же-

лезные, на одной сетка, на другой доски), секретер, вешалка – вот и весь скарб, пожалуй. Печка, которую нужно ежедневно топить, а дрова в сарае, далеко, а принести некому, а сами уже не могут, возраст не тот. Трудно жить. На стенах картины: портрет Ольги Ананьевны, который она сама и написала. Несколько головок (женских) Евгения Леонидовича, иконы, вот и все. Дрова под кроватью и возле печки. Бак с водой. Тесно и неприглядно, но уютно. Бедность крайняя. Прежде говорили: нищенское существование. Да простят меня Евгений Леонидович и Ольга Ананьевна за эти слова.

Всю жизнь, сколько я их знаю, так они и жили. Может, до революции лучше. А ведь Евгений Леонидович Кропивницкий – замечательный русский художник, хороший поэт, отличный педагог. Конечно, я понимаю, что такая бедность происходит потому, что он и его жена не хотели суетиться, зарабатывать деньги, приучились обходиться малостью. Пенсия у них на двоих 80 руб. с небольшим. На еду, с горем пополам, хватает, на дрова – и ладно. Хорошо и спокойно. Евгению Леонидовичу сейчас вот скоро в этом году 25 июня будет уже 78 лет. Возраст порядочный, что там говорить, доживу ли я до таких лет. Старичок, конечно, уже он. Работает больше других молодых. Каждый день пишет, рисует. Интересуется всем. За годы, которые я его знаю, а их уже насчитывается двадцать один, ни он, ни жена его Ольга Ананьевна не изменились нимало. И прекрасно. Почему же другие становятся маразматиками? Как сохранить ум и светлую память?

Хозяева они оба радушные. Угощают чем есть, чаем, хлебом, сыром, даже два раза угощают, если задержишься поздно у них.

Евгений Леонидович работы показывал прежних лет (по моей просьбе), новые висят на стенах.

Наносил им дров из сарая и воды из колонки.

С семьей Кропивницких я познакомился в середине 1949 года, летом. Я отбывал срок наказания (за что упекли, описывать не буду). Время. Нет, я вовсе не боюсь, что осудят меня. Скорей всего боюсь того, что друзья посмотрят неблагоприятно, а это приведет, в конце, к разрыву. Да я и не имею близких друзей, они знают. Пустяк. Да и давно уж было ведь, целая вечность прошла с того времени. Тюрьма сталинского периода до того жутка, что сравниться с этим может только ад, как он изображается, скажем, у Данте.

Вот невольно втягиваешься в неприятное. Упомянул слово тюрьма, значит, и что-то нужно упомянуть. Коротко. Грязь. Толпы заключенных. В камерах от испарений человеческих тел нечем дышать. По 60 человек (это еще ничего) в одной камере. Бандитизм. Убийства. Поножовщина. Еда – гнилая капуста (щи) с не менее гнилой и смертельно соленой треской.

Так в Москве. А каково в других местах. Сажали только потому, что нужна была дешевая, вернее, дармовая рабочая сила. Нужно показать всему миру как быстро мы умеем созидать. Здания, воздвигнутые на костях и крови, возвышаются теперь повсюду. Вот хотя бы все атомные центры. Да и всё (так называемое) Министерство среднего машиностроения. Черемушки. Сколько в одной столице было лагерей? На каждом углу. Вся Россия опутана колючей проволокой. Теперь, если пишешь о том времени, то и слов в человеческом языке не найдется, чтобы изобразить картины ужаса.

Виноваты в этом вожди. Только они несут ответственность. Очень жаль, что их не осудили, как Нюрнбергских преступников. Ведь они даже не поняли, что совершили общечеловеческие злодеяния. Таких злодеяний никто (я говорю с полной уверенностью), никто не творил. Весь на-

род (так или иначе) сам был участником злодеяний и сам же страдал от этого в первую очередь. Теперь говорят многие о тех временах. Участники (а их большинство) оправдываются, говорят: «Думали, что творим благое дело». Хорошее благо. Таких бы благодетелей. Не тут, так там – будет им положенное. Теперь уже их дети стыдятся за них. Понимают.

Недавно умер Ворошилов, один из самых тупых помощников главного злодея – Сталина. У того хоть идея была: на костях и крови построить новое общество. Он бы если мог при помощи волшебства воздвигнуть все здания, он бы, не задумываясь, это сделал. А те были прихлебателями возле Великого человека. Теперь им еще почести воздают. Но я уверен, настанет время, когда их всех (и Великого тоже) проклянут всенародно. Пока же еще очень долго все будет разваливаться, трещать и стонать, рваться.

Такое, что творилось в те времена, не может пойти на пользу людям.

Кроме, непосредственно, заключенных, осужденных за преступления: кражи в основном у государства (воровали тогда всё, как воруют теперь) с заводов и фабрик, были бывшие военнопленные, бывшие члены администрации оккупированных немцами территорий. Не буду говорить об аналогии между государствами, это хорошо показал кинорежиссер Ромм в своем фильме «Обыкновенный фашизм», скажу, что конвой стрелял в человека, если он сделает шаг в сторону, при малейшем подозрении в побеге.

Наиболее зверствовали не вольнонаемные охранники, а конвойные войска, состоящие из парней 20-25 лет.

Собаки, как у немцев, злые цепные псы.

К чему я это все рассказываю? А вот к чему. Тогда по приказу начальства (охраны не хватало вольнонаемной, а лаге-

ря конвойными войсками не охранялись) брали в охрану из числа «надежных» заключенных, которые бы не убежали сами и хорошо охраняли заключенных. Смешно. Такого и у немцев не было. Называлось это «самоохраной», т.е. заключенные сами себя охраняют. Винтовки давали с боевыми патронами. Жили вместе с другими охранниками вне лагерной зоны. Я попал в число таких охранников. Я был прежде военным, капитаном. Вот поэтому и взяли. Кормили, и это главное, нас так же, как охранников. И жалование какое-то мизерное платили. Теперь забыл какое. На вышках мы стояли не менее 12 часов в день, а бывали такие времена, что и по 18. Если уснешь на дежурстве, отправят обратно в лагерь.

В ближайшие места, в деревню Виноградово, в магазин, командир взвода нас отпускал.

Вот когда я, стоя на вышке, начал писать стихи, то отпросился в село не Виноградово, а Горки, которое теперь снесли, на его месте Долгопрудненская водонапорная станция. Пришел я в библиотеку этого села и спрашиваю (я слышал и раньше, что такой поэт был) Блока стихи. Библиотекарша (а это оказалась не кто иная, как Ольга Ананьевна Потапова, жена Евгения Леонидовича Кропивницкого) спрашивает у меня: «А вы, может, и сами пишете стихи?» – «Да» – с гордостью, как теперь помню, отвечал я. С этого, собственно, момента и началось наше знакомство, которое продолжается и теперь.

Ольга Ананьевна сказала тогда, что в библиотеке Александра Блока нет, а что ее муж пишет стихи, и что к нему можно пойти.

Я вместе с одним самоохранником, который тоже сочинял (кажется, под Есенина), в один из дней пошли к Евгению Леонидовичу. Мы увидели вот тут комнату и тот дом, которые я описал выше. Посреди комнаты стояла деревянная кровать,

а в ней лежала маленькая Катюшка, дочь Вали Кропивницкой, которая была замужем тогда за неизвестным гражданином. Потом она вышла вторым браком уже за Оскара Рабина – художника, о котором я скажу в своем месте. Посидели мы. Почитали стихи Евгению Леонидовичу, он нам свои почитал. И ушли. Не помню теперь, о чем говорили. Мой приятель больше ходить к Кропивницким не стал. А я хожу до сего времени. Собственно, благодаря стараниям Евгения Леонидовича я и сформировался как поэт. Сначала я писал стихи, правда, самобытные, но какие-то чудные, несколько под народное стилизованные. Где-то они есть в черновиках. Потом писал (естественно) под Исаковского, от стилизации под народное до подражания Исаковскому (тоже стилизатору под народное) один шаг. Долго я страдал. До нового 1953 года. Помню, в гостях были у какой-то девушки, здоровенная комната, зала метров пятидесяти квадратных, с высоченными потолками (Генрих Сапгир, видимо, помнит). Мать у этой девушки врач. Мне скучно было, я забился в уголок и стал стихи сочинять, но какие-то совсем другие, не похожие на прежние. Правда, близкие Кропивницкому, но и на него не похожие.

Вот сосед мой, как собака,
Слово скажешь, лезет в драку.
Проживаю я в бараке,
Он в сарае у барака.

Конечно, что-то есть общее с Кропивницким, но, скорее, в самой обыденности темы. С этого стихотворения начался совершенно новый этап в моем творчестве. С Евгением Леонидовичем и с Ольгой Ананьевной, а впоследствии

и с Вале́й я очень подружился. Часто у них бывал. Забыл сказать про Муму – мать Евгения Леонидовича. Она была очень стара. Дожила до 86, кажется, лет. Умерла тихо. Писала детские стихи. В свое время печатала их в журналах, в «Мурзилке».

Все стихи написанные я показывал Евгению Леонидовичу. Одно я сейчас приведу. Это добарачное стихотворение, т.е. написанное до 1953 года. Оно в старой манере. Может, и хорошее. Но я не сделался поэтом тонких чувств. Евгений Леонидович к этому стихотворению относился особенно одобрительно. Хотел, чтобы я писал именно в таком плане.

Ты пришла в час назначенной встречи,
Я, волнуясь, тебя ожидал.
Ты пришла. Твои хрупкие плечи
Белоснежный платок облегал.
Ты пришла. И ночная прохлада,
И усталость прошедшего дня,
И покорность влюбленного взгляда,
Как всегда, опьянили меня.

Я думаю, что стихотворение хорошее с любой точки зрения. Сделано оно безукоризненно. Поэтично, с чувством написано. Только одно но: оно старомодно. Теперь так люди не видят жизнь, так ее не чувствуют. Я хотя был еще не очень силен в смысле взгляда на искусство вообще, но это понимал. И раз навсегда отверг такой путь. Может, совершил роковую ошибку. Это уж я кокетничаю. От кокетства в писательском деле удержаться тоже трудно. У поэта должно быть свое, единственное мировоззрение, свой взгляд на вещи.

Евгений Леонидович – человек парадоксальный. Он (с од-

ной стороны) привил мне вкус к самостоятельности, к новому. А с другой – тянул назад, в старую культуру. Дальше Блока его симпатии в поэзии не уходили. Хлебникова, Маяковского (раннего, разумеется), Пастернака – он не признавал. Они ему чужды. Я же думаю, что без этих поэтов, без любви к ним современный (с большой буквы) поэт не мыслим. Только от них нужно плясать, как от печки. Это не значит, что нечему учиться, скажем, у Пушкина, Баратынского, Батюшкова, Тредьяковского, Антиоха Кантемира, Державина, Тютчева, Фета, Бунина, Ахматовой, Блока, Есенина и т.д. Всё это хорошая школа. Но участь у них, нужно вырабатывать свой взгляд на вещи, остальное приложится.

21 ЯНВАРЯ. Позвонила дочь. Ужасная новость. Заболела внучка Лина. Менингит. Успокаивает одно, что теперь разработана методика лечения. Однако многое зависит от организма ребенка. А здоровье, известное дело, у современных детей никудышное. Что-то на нас повалились несчастья одно за другим. Поеду сегодня к Люде, узнаю все подробности. Звонил Ире Врубель-Голубкиной, у нее мама детский врач. Что она скажет? Настроение фиговое. <...> Работать все же нужно. <...>

Недавно придумал сюжет <...> юмористического рассказа:

В одном городе древнего Рима, в Капуе или где-то еще. А может не где-то еще, а в самом древнем городе жили два человека, два фотокорреспондента. (Не знаю, была ли тогда такая специальность <...>?) Одного из них назовем Везучим, а другого Невезучим. <...>

У Везучего сад дома – настоящий сад, оливы цветут, смоквы зреют. У Невезучего ничего подобного, всё в запустении.

Пошлют Везучего в район быков и телят фотографировать, телята и быки станут еще приглядней, чем были до это-

го. Пошлют Невезучего, пока он доедет, телята и быки все подохнут, фотографировать некого.

Дочь у Невезучего удрала с проезжим молодцом, с центурионом. Жена спуталась с каким-то мальчишкой-патрицием, который, тьфу! из самого захудалого рода. Любовница... Да что там говорить! Одни невезучести.

Редактор местной газеты <...> держал двоих. Исполняли они в будние дни всякую непотребную работу, даже сортиры чистили.

Но по великим праздникам работа кипела <...>. Парады в древнем Риме (или другом городе), известно, устраивались пышные. Фотографу в такие дни приходится <...> как белке в колесе.

Шли по площади войска. Проходили граждане. На трибуне стоял Император или просто знать, если действие происходило не в столице. <...> Фотокорреспонденты <...> щелкали своими фотоаппаратами (кажется, у них были «Лейки»). <...>

Но тут-то судьба и подшутила над Невезучим. Пленка у него кончилась. Он принялся перезаряжать аппарат. А в это время... <...> Трибуна <...>, на которой стояли самые знатные лица, постепенно стала перекатываться, валиться на один бок, как пьяный <...> извозчик, и рухнула наземь. <...> Везучий стоял спокойно и снимал это неповторимое (могущее произойти один раз в тысячелетие) зрелище. <...>

После, когда пострадавшим <...> оказали первую помощь <...>, Везучий помчался в фотолабораторию газеты. <...>

Через несколько часов <...> Везучий преподнес начальству <...> снимки <...>.

Начальство <...> первую минуту <...> хохотало до упаду. Но потом их лица начали приобретать несколько сероватый

оттенок. <...> «Закрывать, прекратить, уничтожить, изгнать, уволить» – приказало начальство. Вот вам и Везучий, вот вам и Невезучий.

<...> Начальство приказало этого самого Везучего из газеты уволить, из города изгнать на непродолжительное время.

Но пока гонцы этот приказ везли <...> они все перепутали <...>. По их словам вышло, что увольнять и изгонять нужно Невезучего. <...> Побрел Невезучий по свету. Говорят, что он бродит и по сей день.

Вчера вот что было. Пивоваровы Ира и Витя. Ира – пишет стихи, Витя – художник. Живут на Рублевском шоссе <...> Был у них в гостях. Говорили в основном о Генрихе. <...> Ира угостила меня ухой. Потом пили чай с тортом «Сюрприз». Каково название? Бездарный торт, хотя и отделан шоколадом. Хочется всегда отодрать шоколад. <...> Пришел затем мужчина лет 35, назвался Юзефом. Кончил Ин-яз <...>, переводит техническую литературу. Жаль, что я постеснялся спросить его фамилию. Около часа дома. Почитал Эразма «Разговоры запросто», которые вышли в Гослитиздате в переводе С. Маркиша. Знаком с ним, кажется, брата Давида знаю хорошо. Перевод добросовестный. Название, на мой взгляд, не ахти удачное. Думаю, что у Эразма она называлась иначе. Спал не очень хорошо, тревожно. Вот и оказалось, что внучка больна.

Воспоминания продолжу обязательно. Как только развеются тучи. А может, и раньше начну. Помню, что остановился на том, как чистили в полку картошку, дежуря по полковой кухне.

Практичнее, впрочем (как не видят этого высшие офицеры), и в мирное время столоваться поротно. Это больше

сплачивает людей. Да и хозяйство налажено. В Царской армии, вроде, так и поступали. Во время последней войны, еда – самый больной вопрос, а отсюда и болезни, и плохая боеспособность. Когда буду переделывать повесть «Старшина Гаврилов и рядовой Цицин», нужно добавить эту немало-важную детальку.

Сейчас хочу поехать к Люде. Не терпится узнать подробности о Лине.

Хочется взяться за повесть, о которой только что упомянул. Вижу все просчеты, недостатки как в повести, так и в романе «Кошки Мышки». Как-нибудь поговорю о нем подробней.

22 ЯНВАРЯ. Как вчера вечером и собирался, был у дочери. Она расстроена, хоть старается быть спокойной. Для нее это первый большой (я имею в виду болезнь внучки) удар. А сколько еще их будет? Человек – вещество стойкое, чем больше сваливается на горб, тем он больше и понесет.

Сегодня звонил в больницу. <...> 88 городская инфекционная больница. Ответ лаконичен: «Состояние тяжелое, температура вечером (вчера) 39, сегодня 37,9» <...>. К больным не пускают по случаю гриппозного карантина.

О люди, люди! Врачи теперь создали вокруг себя некий круг таинственности. Отвечают обтекаемо. Мне всегда это казалось странным. Ведь они – люди с высшим образованием. Подразумевается, что должны быть интеллигентны. Но увы. <...> На самом деле (за редким исключением) народ невежественный. Первый врач (дежурный по участку) осмотрел Лину и поставил диагноз – краснуха. Второй врач (участковый) поставил диагноз – скарлатина. И только в больнице, не врач, а сестра медицинская сразу определила в

чем дело. <...> Ведь это все происходит в Москве, в столице, а как же там, далеко?

<...> Если бы каждый к работе своей относился добросовестно!

О Евгении Леонидовиче Кропивницком. Человек он замечательный во всех отношениях. Добрый, мягкий, интеллигентный, хорошо знает русскую (в особенности) живопись, музыку, поэзию. Художник, хотя писал прежде и музыку. Видимо, не очень удачно. Любовь к музыке большая. Поэт – пишет с юношеского возраста. Творчество поэтическое и живописное тоже состоит как бы из двух частей. Живопись – в плане передвижников (натурные зарисовки: пейзажи, в основном) и условная живопись. Близкая японскому творчеству. Когда он скрупулезно разрабатывает образ (женские головки, натюрморты, объединенные). Поэзия – подражание символистам начала нашего века (не лучшим образцам) с потугой на философию (больно уж она примитивна: «Помрем, все помрем. Для чего живем не известно. Ничего не знаем») с примитивной довольно-таки лексикой, обыкновенным, надоевшим звучанием. И самобытная поэзия, где он воспевает быт людей, их взаимоотношения, их ссоры, раздоры, их погоню за уютом и т.д. Талант огромный, стихи замечательные. Не буду тут приводить образцы. Думаю, наступит время, когда лучшие стихи, написанные Евгением Леонидовичем, и его замечательные картины и рисунки станут достоянием русской культуры. Верю, что это время настанет, хотя не скоро. Пока же главная наша цель – сохранить все это в целостности.

Трудно себе представить (они-то привыкли уже) то бедственное положение, в котором Евгений Леонидович находится, живя в Долгопрудной, вдали от родственников и дру-

зей. Холод, разумеется, – главный мучитель. Я им предлагал в последнее свое посещение перебраться на время больших морозов ко мне в Измайлово, не хотят. Да я и знал, предлагая, что откажутся. У себя дома все привычно, все обжито. Сам не люблю оставаться в гостях несколько дней, да и ночевать тоже.

Вот Евгений Леонидович и живет там. Письма (по старинке) любит писать. По телефону звонить не любит. Собственно, прежде такую жизнь называли подвижничеством. Уголок их, комнатку (буквально) можно сравнить с пещерой, а место само – с пустыней. Все положительное в Евгении Леонидовиче есть, но есть и все отрицательное, кроме жестокости. Любит он и посплетничать, и интригу связать, и преувеличить, и сказать (не наговорить) лишнее о человеке. Живопись современную, поэзию – не признаёт. Но преподносит это не просто, а с некоторым фокусом. Фокусы он обожает. Вдруг объявит среднего художника (скажем, Фрединского, который теперь стал Архаровым) гением. Да и расхваливает его на все лады. Даже такие вещи и фокусами не назовешь. Скорее, это игра. Вдруг вот недавно совсем он заявил, что не понимает Батюшкова (поэт 19 века), не понимает Тредьяковского там, Кантемира, Сумарокова. Что все они писали непонятно, на тарабарском каком-то языке. Прежде я в таких случаях воздерживался, но на этот раз вступил в спор, что-то доказывал, уверял. Хотя доказывать и уверять не нужно, бесполезно. Для Евгения Леонидовича такие доказательства являются развлечением.

Еще одна из особенностей Евгения Леонидовича: любит весьма говорить о женщинах, и вообще на всевозможные сексуальные и эротические темы. Женщин у него (с его же слов) было не много, но влюблялся он часто, по большей части платонически. <...>

В Бога Евгений Леонидович (скорей всего) не верит. Не пьет. Не курит. Прежде и курил (не точно) и выпивал. На счет курения узнаю поточнее.

Во время войны он (совсем забыл) едва не умер с голоду. Спас случай. Переходя Ленинградское шоссе (а может, другое или просто улицу), попал под автомобиль. Хромает до сего времени.

У меня к Богу отношение, как к начальству: которое есть, и не быть которого не может, у которого ничего не допросишься и которое всегда поступает не так, как бы хотелось. От которого (по идее) каждый человек получает, что он заслуживает, а иногда наоборот.

Благодаря Богу Евгений Леонидович попал в больницу, а там (вестимо) хоть как кормили. Превратность судьбы? Да!

Каждый раз Евгений Леонидович рассказывал мне о своих друзьях-поэтах, о художниках. О Филарете Чернове, уже покойнике (выбросили из окна собственной комнаты) в то время, с которым сам Евгений Леонидович был очень дружен. О Генрихе Сапгире, который в то время служил на действительной службе. И с Оскаром Рабиным я познакомился у Евгения Леонидовича. И Генрих, и Оскар в будущем стали моими друзьями. Теперь же вот произошло некоторое (естественно) охлаждение. Слишком много прошло лет. У каждого образовался свой кружок знакомых, появились свои, независимые интересы. А тогда и Оскар, и Генрих были очень молодыми людьми. Оба они – холостяки. Оскар потом неожиданно для всех женился на Вале Кропивницкой, а Генрих Сапгир на Римме Заневской. <...>

Писал тогда Оскар Рабин совсем не такие картины, а реалистические. В новом стиле он начал работать с 56-57 года. А, может, несколько, но не более <чем на> полгода, раньше.

Генрих Сапгир тоже писал стихи в псевдоклассической манере.

Помню, как мы даже поругались значительно (впервые) на этой почве. Я ему высказал все, что думаю. Я обращаю внимание на сие не для того, чтобы быть первым, просто пишу, как было на самом деле, как складывалось русское послесталинское искусство. Могу сказать, что возникало оно не в одном месте, но почти в одно время. Даже и Евгений Леонидович, старый художник, картины в новом плане написал после смерти Сталина. Стихи нет, стихи он (новые) писал с 1936 года.

Теперь Евгений Леонидович частенько говорит, что он, мол, уже в двадцатые годы писал такие работы, что он их просто уничтожил в свое время. Может быть. Одну или две уцелевшие он показывал. Совсем не то. Лево. Но как писали французы: Руо, Модильяни, Сера, Синьяк и т.д.

Собственно, наглядно и широко о существовании левого направления в России стало известно в 1957 г., четыре года спустя после смерти Сталина. В этом году имела место быть Молодежная выставка художников г. Москвы.

Вот на нее (распустили ложный слух, что будут принимать всё) и снесли свои работы художники разных направлений. Картины у них не приняли, а сами они между собой перезнакомились. И стали друг у друга бывать. Ю. Васильев, Эрнст Неизвестный (которого я знал несколько раньше), О. Целков, Дима Краснопевцев, Плавинский, О. Прокофьев, Васнецов, Лемпорт, Сидур, Силис (работали втроем), В. Вейсберг и другой всякий народ. С этого времени, можно сказать, началось паломничество в Лианозово к Оскару Рабину, где он в то время жил со своей семьей, работая десятником на строительстве Долгопрудненской водонапорной станции.

Поэзия об эту пору, как и теперь, являлась чем-то второстепенным. Если поэт был в обществе, то его просили почтить стихи, на этом интерес и кончался.

Сложившейся (мнение западных критиков) «Барачной школы» на самом деле не существует. Пожалуй, только двоих поэтов можно отнести к этой школе бесспорно: Евгений Леонидович Кропивницкий и я. Галич (статья Ольги Андреевой (Карлайль)) – не барачный поэт, он песенник-сатирик. Генрих Сапгир, если у него что написано, то все это побочно, не основное в его творчестве. Потом он и теперь еще слишком псевдоклассичен для барачного поэта, который должен обладать стилем несколько примитивным, вернее – простым, как и то, о чем он пишет. Но это уже тонкости. Может, я ошибаюсь. Ведь Ольга Андреева (Карлайль) смотрит на это шире: «Барачная поэзия (цитата) может рассматриваться, как проявление широкого интернационального движения, которое отражает недовольство и беспокойство людей – свидетелей разрушения вчерашних ценностей». Вот видите сами, как широко. Может, так всегда и случается: поэты пишут, создают, а критики уже возводят это в определенный ранг, цепляют сержантские или генеральские погоны.

Если смотреть на дело вот с такой точки зрения, то почти всю левую поэзию (и даже Слуцкого, Коржавина и Евтушенко и Вознесенского), можно всех сюда включить. У каждого теперешнего поэта есть «барачные» или, как однажды выразился Степан Щипачев, – черные стихи.

Одно могу сказать с точностью (многие теперь будут примазываться к новому направлению) <:-> Родоначалником подобного рода поэзии является Евгений Леонидович, создателем (строителем этого здания) <-> я и отчасти Генрих Сапгир, и отчасти Сева Некрасов, отчасти Окуджава и Галич

(они-то уж об этом и не думали)<,> Юзик Алешковский, Охрименко, Саша Аронов – всё песни.

Вообще же, создателя термина «Барачные» не существует. Его создали все люди, почитатели (в первую очередь) моих стихов. Стихи эти люди называли барачными, поскольку они непосредственно о бараках (не лагерных) написаны и о гражданах, проживающих в этих бараках.

Дамба. Клумба. Облезлая липа.
Дом барачного типа.
Коридор, 18 квартир.
На стене лозунг:
«Миру – мир!»
Во дворе Иванов
Морит клопов,
Он – бухгалтер Гознака.
У Романовых – пьянка.
У Барановых – драка.

Вот типичное стихотворение «барачного» направления.

- 1) простота излагаемого материала.
- 2) простота формы и одновременно (в меру) оригинальность.
- 3) место действия – барак или любой другой дом, мещанство, низменные чувства, зверство на уровне квартиры, двора, улицы, вызванное мелочностью, и т.д.

Я рад, что теперь (точка зрения Ольги Андреевой (Карлайль)) все это переросло в нечто большее.

Евгений Леонидович, к примеру, называл себя поэтом окраины.

Мы – город, его закоулки, задворки.

Помню. Однажды читал я где-то стихи. Одна (во время чтения) женщина воскликнула: «Мне кажется, что на меня (имея в виду мои стихи) выливают помой». Вот высшая похвала «барачному поэту». Чувство низменного существования людей должно быть передано с такой силой, чтобы (если описывается драка) человеку (читателю) казалось, что его самого избивают. Чтобы стихи пахли: клопами, помойкой, обоями, кухней, лестничными клетками, говном, мочой – всем, что окружает простых граждан, живущих в бараках, в общественных квартирах.

У Сапгира стихи слишком эмоциональны, а нужно чтобы взгляд был несколько со стороны, и не зло. Ольга Андреева (Карлайль) точно подметила эту особенность. Жаль, что она живет не в России. Очень толковая женщина. Я с ней знаком. И знаком с ее родителями, Вадимом Андреевым и мамашей.

23 января. Приглашен сразу в два места. Сижу и раздумываю, как буриданов осел. Римма Сапгир-Заневская устраивает блины, хотя еще не масленица. А у Тани Колодзей день рождения. Попробую побывать в двух местах в один вечер. Поеду сначала к Тане, <...> а потом, если останется время, к Римме.

Звонил в больницу. Сказали, что у Лины температура вчера и сегодня нормальная, состояние средней тяжести.

До гениальности Евгению Леонидовичу не хватает взлета, свободного парения. Все же он очень связан с традицией начала нашего века.

Недавно он рассказывал о старой Москве. Очень остроумно подметил, что прежде все имело свой запах. А теперь все плоско. Прежде на улицах пахло конским пометом, потом, тулупами, ваксой. Идешь мимо трактира, за километр чув-

ствуешь запах щей или ухи, мимо булочной, пахнет печеным хлебом, проходишь кожевную, кожами воняет на всю улицу. В театрах и садах, в иллюзиях – пахло женщинами. Вот как было прежде.

Теперь, конечно, тоже запахи, но больше технического происхождения: бензин, мазут и т.д. Они специфичны, но похожи меж собой, не так колоритны.

Никак не приучу себя писать без поспешности. Тороплюсь куда-то, хочется поскорей, чтобы другим заняться. «Хочется (как говорил Козьма Прутков) объять необъятное». Для чего? Нет, уехать бы туда, где суety поменьше, поспокойней, да повольтоней в смысле свободы и природы. Что меня удерживает в этой великодержавной Москве?

Теперь я, конечно, устроен хорошо. Живу один в двухкомнатной квартире. Тишина. Покой. Но ведь хлопоты. Нужно по редакциям носиться, в гости лететь. Не откажешься. Ах, ханжа! Вот ханжа! Сам ведь настоял, чтобы у Риммы блины, сам же и ругаюсь, лаюсь. Характер у меня ужасно непостоянный, а это свойство присуще юноше, а не убеленному сединами мужу, каковым являюсь я в свои 50 лет. И 60 будет, и 70. Не успеешь рта раскрыть, вякнуть не успеешь, как совсем уж постареешь. Превратишься в старика. Так живи, живи пока можно жить еще беспечно. Помни, жизнь – она не вечна...

Вот какие глупые стихи выдал. А ведь когда-то так писали всерьез. Да и теперь еще многие пишут.

Таня Колодзей, к которой на день рождения приглашен, дама лет 30, наверное, очень высокая. Почти с меня ростом. Преподает в школе где-то художества. Считается левой искусствоведкой. Какова же ее деятельность вообще, так мне и не известно. Как-то и где-то я с ней познакомился. У кого-то

из дипломатов, теперь уж, при всем желании, припомнить не могу. Она, скорее, симпатичная. <...>

Картин и рисунков Евгений Леонидович написал много. Дарит их людям охотно, иногда и малознакомым. Прежде он преподавал живопись в дворце пионеров Ленинградского р-на. В то время у него в учениках состоял Оскар Рабин. А когда во время войны умер от голода поэт Арсений Альвинг, он одновременно с живописью стал преподавать литературу. Тут и объявился Генрих Сапгир. Было ему в то время лет 11-12, и Оскару не больше. С Сапгиром Евгений Леонидович был дружен в особенности. И он, и Ольга Ананьевна называли Генриха «Маленькое чудо». И действительно, стихи у него даже в то время были замечательные, не по возрасту вышесны и поэтичны.

Я люблю твой острый запах,
Горько-пряная полынь.
На твоих зеленых лапах
Зреют запахи пустынь.

Безусловно, такие стихи мог написать только весьма одаренный человек. И, конечно, немало этому способствовал Евгений Леонидович. И совсем уж не к лицу Сапгиру забывать своего учителя; а тем более осуждать, что Сапгир теперь частенько делает. Я тоже пытался, но, слава Богу, своевременно спохватился. О Сапгире я еще кое-что напишу дальше. А теперь возвращаюсь... к чему бы возвратиться. Попробую к жизнеописанию.

Юго-западный военный округ. Командующий тот Павлов, который потом (едва ли он был таковым) назван среди врагов ро-

дины. Кто-то однажды из моих друзей высказал интересную мысль: «У нас всегда ищут не что виновато, а кто виноват». Вот так и с Павловым. Сталину нужен виновный. <...> Имя – предатель, и вместе с ним неминуемую смерть тогда раздавали, как и ордена, налево и направо, не считаясь ни с виной, ни с заслугами. Странно, что теперь, когда уже всё позади, когда страсти улеглись давным-давно, даже такие видные военные, как маршал Жуков, пишут бледненькие мемуарчики, в которых обходят, между прочим, все острые углы. Вы ведь, Жуков, знаете всё. Сами замешаны, разумеется. Если бы у вас хватило мужества, как у Никиты Хрущева – человека выдающегося, во всем признаться, история бы вам простила эти прегрешения как-нибудь, в счет заслуг, которые были велики. Только такая железная рука, как у вас, могла направить войска в одну цель. Обрекая людей на гибель и на победу. Нет ни одного пункта в ваших воспоминаниях, в котором бы вы были откровенны. Я понимаю, что в природе не бывает мемуаров, чтобы всё правда, но хотя бы процентов 60, что ли, а?

Никита Хрущев каким-то образом сообразил, что оправдаться перед историей, перед человечеством можно только одним: творить людям добро. Не так ли поступил будущий апостол Павел, когда он (получив откровение) стал творить добро. Хрущев при Отце родном (так называли Сталина при жизни) натворил, видимо, достаточно зла. Но то, что он сделал потом, развенчал Сталина, развенчал все его окружение (Маленков, Молотов, Каганович, Берия и т.д. и т.п.), дает ему честь, дает ему право стать человеком. А главное, что он развенчал не только этих преступников, а и весь ход событий (надеюсь, вы меня правильно поймете). Он первый отменил пресловутую диктатуру пролетариата, которая является ни чем иным, как диктатурой одного лица.

Хрущеву не хватало одного, широкого ума. Он слишком понадеялся на авторитет в народе, которого, по существу, не было. Что народ заступится. А народ, как всегда, безмолвствует. Я не отрицаю, хорош ли, плох ли был Иосиф Виссарионович, но это эпоха, хорошая ли, или плохая. Хрущев был (для изнуренной пытками и казнями России) хорош, больше, необходим. О, как, я думаю, теперешние руководители проклинают этого Хрущева во всех отношениях. И свободу он людям дал, и экономику и так никудышную в конец разрушил, и т.д. и т.п. Одна целина сколько денег съела. А вот... А советчиками кто был? Вы же были советчиками, господа, да, вы, которые теперь у власти. Вы же за все его деяния голосовали, ко всем документам руку прикладывали, правильно я говорю?

Теперь-то вы горазды. Обвинять всегда проще (это я и сам себе говорю, не беспокойтесь). Впрочем, я вас не обвиняю и не собираюсь обвинять. Думаю, что вы это сами со временем сделаете. Могу сказать одно: действия государственных деятелей должны быть разумны. Для этого существует юриспруденция. Соблюдайте законы, господа, всегда будете правы. На это у вас ума хватит? Даже самое маленькое нарушение законов сверху влечет за собой необозримые бедствия. Напишите, наконец, человеческую конституцию, обяжите Верховный суд наблюдать за правильностью исполнения статей. Вот и все. Как просто быть добрым. А этой вот доброты вам и не достает. Почему? Вам же ведь самим потом в первую очередь достается. Вот, представим, что явится новый тиран, вроде Сталина; он же вам, в первую очередь, головы открутит. Так укрепляйте законы, совершенствуйте свои отношения с простым людом. Но я, кажется, ох, как отвлекся.

Юго-западный военный округ. Я – рядовой. Тогда еще, в 1940 году, в полку все жили прошлой Финской войной, в которой Рогожско-Симоновский полк принимал непосредственное участие. Музыкальный – вернее, музыкантский взвод, его бойцы и младшие командиры в военное время, по положению того времени, становились санитарями, выносили раненых из-под огня. Работа не легкая в условиях зимы. Те, кто участвовал в военных действиях, не успевали рассказывать о своих подвигах. Кое-кто из полка ездил еще в Москву ордена и медали получать. Полк, в общем-то, делился на молодых (мы) и на ветеранов (которые побывали на войне).

Событий достаточно. После Финской полк, известно, промотал по Прибалтике и по Западной Белоруссии.

Рассказов не запомнил. Скажу только, что многие говорили. А с нами уже служили и западные украинцы, и западные белорусы.

Пришло лето 1941 года. За месяц до войны, не больше, следовательно, в середине мая. Все перепуталось. Кажется, что тогда очень много прошло летних дней. Может, в начале июня, а потом все замелькало быстро-быстро. Объявили, что желающие могут записаться в военное училище. Когда же Дорош успел обучить нас чечетку танцевать, с которой мы выступали на армейском смотре художественной самодеятельности? Когда успели в футбол наиграться? Может, лето раннее было. Помню, что мы (не в училище, а в полку, именно) на стрельбище. Я стреляю из скорострельного пулемета на треноге (марку забыл). Почему погнали на стрельбище. Жили не в палатках, а в каких-то сооружениях временных из бревен.

Вспомнил. Отдельного своего помещения наш взвод не имел, а жили в какой-то стрелковой роте. О, голос (мы под-

чинялись ротному распорядку) у старшины этой роты был, как у верблюда. Ох, и орал он утром: «Подъем!» – мертвый пробудится. В школу младших командиров хотели взять – не пошел. А вот в училище поехал, да с таким ощущением, что это единственный выход, иначе – крышка.

Не помню. Уже не помню: как ехали, куда ехали. Приехали, однако, в Гомельское пехотное училище. А оно уже эвакуировалось. Кажется, приняли нас без экзаменов. А, может, были экзамены. Но если они были, то как я их сдал? Почему-то у меня в анкете записано оказалось, что я кончил 9 классов средней школы. Может, сам приврал, когда в армию забирали. Мог приврать свободно. Дорош, странно, в училище со мной попал. А где потом мы с ним расстались, ума не приложу.

Ехали мы ехали в эшелонах, с нами младший лейтенант, <большой> как слон. На груди у него орден «Красная Звезда», который он получил за то, что на учениях протасил пулемет станковый «Максим» на собственном горбу вместе со станиной (66 кг) 20 или тридцать километров. Вот какие вещи в моде были, за что награждали. «Тяжело в учении – легко в бою» – вот какой козырь предлагался. «Закалить так, – приказал т. Тимошенко (министр обороны), – чтобы люди были не чувствительны к жаре и холоду».

Закаляли. Люди дохли, простужались. Еще хуже оказалось на войне: ни палаток для обогрева, ни достаточного количества транспорта, чтобы подвозить продовольствие и все необходимое. Дорого обошлось русскому человеку «Тяжело в учении – легко в бою».

Какие были карикатурные сановники. Но откуда взялся маршал, который решил таким вот странным образом готовить солдат к войне. А, между прочим (спросите у любого

медработника военного времени), единственным способом борьбы с газовой гангреной были разрезы на теле, которые оставляли удручающие, устрашающие шрамы. Автоматического оружия мало, обмундирование, в особенности, обувь, скверное. Танки «КВ» оказались не боеспособными.

26 ЯНВАРЯ. С 23 января к запискам не прикасался. Целых три дня. Внучке Лине лучше, но она еще в больнице. Сказали, что не менингит. Какая болезнь, врачи и сами толком не знают. Температура нормальная, состояние удовлетворительное (слова сестры из справочного бюро). Хорошо, что не менингит! Неизвестно, что ждать от этой каверзной болезни. А Тане-то Колодзей вовсе не 30 лет, как я думал, а всего только 24 годика. <...>

Устал. А писать хочется. Где я только сегодня не побывал. В редакцию газеты «Ленинское знамя» отнес поэму «Детство Володи». Рогову Нину Михайловну не застал. Пожалуй, имена и отчества, по возможности, буду писать сокращенно. Она куда-то упорхнула. <...> Заглянул к Саше Аронову в «Московский комсомолец». Если Нину М. Рогову я видел всего один раз, то Сашу знаю давно и очень хорошо. Много раз с ним встречался. Невысокий, (если выкрасить в черный цвет) похож на негритосика. Славный паренек. Обменялись несколькими незначительными фразами. «Как дела?» – «Ничего». – «Как жизнь?» – «Ничего». – «Живем?» – «Живем». Из «Московского комсомольца» вышел. Сел на «А», доехал до Средненских ворот. Пересел на (кажется) 48 трол. Доехал до площади Воровского (одна остановка). Спустился по Кузнецкому вниз к Неглинной. И... Зашел к Цыферову. А у него Сапгир уже одетый, собирающийся?.. Впрочем, куда он улепетывал, не сказал. Из чего можно сделать вывод – на свидание с девицей.

Жена Цыферова Галя больна. Лежит с гриппом. Пошли с Цыферовым в изд. «Мальш». Хотел получить за книжку 40% гонорара. Боронецкий (директор) не дал. На заявлении написал: «Юристу». Вот как. А юрист будет через 10 дней, не раньше. А выписать деньги к 6 февраля из-за этого все равно не успеют. Хорошо, что там же в издательстве встретил Яна Сатуновского, поэта, который живет в городе Электросталь и в Москве бывает редко. Сатуновский дал в долг 50 рублей. Яна знаю давно. Хороший поэт. Но человеческие качества не весьма: суетлив, энергичен. Активная натура крайне. Он на пенсии. Ему 57 лет будет 23 февраля. Крепкий, среднего роста. Лыс.

Не могу больше писать. Продолжу завтра. За эти три дня всего накопилось порядком.

27 января. Так вот о вчерашнем дне. В «Мальше» так меня ничем и не порадовали. Ширма вышла «А с друзьями веселей». Деньги, однако, за нее не заплатят. Пришел сигнал, который не утвердили. Плохие иллюстрации. Час от часу не легче.

Заходили мы с Цыферовым и на «Мультфильм». Ничего хорошего. Туда пробиться абсолютно невозможно. Конкуренция яростная.

Встретил Яковлева Юрия на студии. Официальный, влиятельный писатель. Обещал посмотреть мою поэму «Детство Володи».

Из «Мальша» (на студию мультфильмов мы перед этим заходили) ехали вместе с Каргановой Екатериной Георгиевной и с Кордун. Одна заведующая редакции игр, другая – редактор. Милые женщины, пока с ними ладишь. На площади (доехали на частной машине за рупь) Маяковского, слава Богу, расстались.

Купили с Цыферовым еду и поехали к нему. Все, пожалуй. Галя-Император (прозвище второе) дала куриный бульон со слоеными пирожками. Вкуснятина страшная. Наелся, как боров. Дома ужинать не стал. – Вот что было двадцать шестого. А двадцать пятого? Убей, уже забыл. Что же было 25 января? 23 в пятницу – у Колодзей. 24 в субботу – у Заневской-Сапгир. О Дарике бы я написал, да не знаю его фамилии. А о Наташе Цыферовой? Может, я о ней что-то уже раньше успел. Не помню. <...> Римма, Лорик (Кучерова), Петенька (так его называет Олег Трипольский) и Юра Мамлаев. Писатель – сексуальный мистик, который жутко боится смерти. Среднего роста. Толстый. Вернее – жирный мужчина 35-37 лет. Выглядит на все пятьдесят. <...> Прежде у Юрочки была любовь к некоей Тане (опять без фамилии), лупоглазаму-синеокому существу. Он даже один раз ночевал у меня. Я тогда на Факельном переулке жил возле Таганки. Подвал был. О нем сейчас и напишу. Дал мне его ЖЭК-4, по просьбе отдела культуры Ждановского р-на, я у них вел на общественных <началах> (<то> бишь бесплатно) литературный кружок. Может, я бы и сейчас жил в этом подвале, если бы не выгнали. Вот вам нагляднейший пример, что не бывает и худа без добра. Пришлось вступить в кооператив. Денег добыл тем, что распродал картины и одну скульптуру. Картины были 1 – Рабина, 1 – Вейсберга, 1 – Краснопевцева, 1 рисунок Б. Свешникова – и еще кое-что. В том числе скульптура Эрнста Неизвестного. Квартира на Рязанском проспекте <...> Там сейчас живет Люда (моя дочь) со своей семьей.

А у Лины все же менингит. Она уже хорошо себя чувствует. А может, врачи боятся признаться, что ошиблись. Не больница, а жандармский участок. Начинаешь понимать матерей, которые не хотят отдавать туда своих детей.

Сегодня звонила Люда и все мне сказала насчет диагноза. Бедная, она не знает, что при менингите берут анализ из спинного мозга, а это самое страшное мучение, какое можно придумать.

У Тани Колодзей 23 января на дне рождения были (из интересных) Илья Кабаков (художник), Михаил Шварцман (художник) с женой и дочерью 19 лет. Генрих Сапгир с Кирой. Пишу о них, и все время не покидает ощущение, что я о них уже писал. Просмотрел записки и ничего не нашел. Еще был американский корреспондент, которого зовут Дик, и его жена Джуди, еще одна американка с русским мужем, еще одна англичанка Кэтрин (фамилию ее я помнил прежде. Познакомился у Брусиловского), еще бородатый юноша-недоносок, которого и зовут неизвестно как. Выпивали. Кабаков отплясывал твист сначала с Таней Колодзей, а затем переключился на дочку Шварцмана – Надю. Эта Надя как стала танцевать, то остановиться уже не могла, словно заводная, прыгала и прыгала. Красиво, правда, пластично. Девушка симпатичная. Только уж больно мала, как кнопочка.

Сейчас уже времени половина одиннадцатого. Сегодня тоже бегал. Устал тоже. Но хочу уж хотя до двадцать седьмого всё дописать.

О, в воскресенье я был у Генриха Сапгира. Который уже не только успел приехать с юга, но и заболел уже гриппом, который теперь вот свирепствует в Москве. Сидели. Говорили о Гёте. Читали его стихи в переводах Вересаева. Кира приготовила нам по куску мяса. <...>

От Колодзей я тогда (на метро опоздал) поехал к Сапгирам. <...>

Попила нас потом Кира чаем <...>. Пошли спать. Она в комнате у Генриха, а я на Кириной постели.

Как все описания получаются длинные. А я ведь только каплю успеваю описать из того, что происходит. Как сократить, как? Получается, что сиди и пиши целый день эти записки. Хотел экспериментировать со стилем, не получается. С такой скоростью, как я пишу, можно писать только плохо.

Доспал я у Сапгиров только до 6 часов утра. Поднялся потихоньку. Одедся. И ушел. Уехал домой. Хотел чуть-чуть выспаться, чтобы поехать к Евгению Леонидовичу в субботу. Вот запутал, так запутал. Сейчас поясню. В пятницу 23 у Колодзей, ночью, значит, уже суббота 24 у Генриха. День суббота у Евгения Леонидовича, вечером у Риммы Сапгир-Заневской. Олег уехал, задрал лытки, на раздобытки. В воскресенье днем на обмене жилплощадью в Банном переулке. Будет свободное время, опишу, что это такое. Обмен жилплощадью (разумеется, такая вещь возможна только у нас в России) – это забавно. Зверинец, кунсткамера – как угодно называй, не ошибешься. Угадаешь, попадешь в точку.

29 января. Вчера был у Юрия Яковлева. Чепуха ведь. Собственно, что мне нужно от него, что? Почему я так (скверная, мерзкая натура) перед ним пресмыкался. Лыстил ему. Говорил, что он такой талантливый, необыкновенный.

Читал он мою поэму. Одобрил. Сказал (я имею в виду поэму о детстве Ленина), что это то, что нужно.

Приезжала Люда. У нее обнаружили палочки менингита. Ходила к врачу в поликлинику. Она ведь прописана тут, по 15 Парковой.

Потом с Сапгиром с часу дня и до самого вечера искали книжный шкаф. Объездили всю Москву. А шкаф-то купили возле меня. На Сиреневом бульваре. Шкаф стоит 63 руб. За то чтобы привезти его домой, взяли 5 руб.

Сегодня ходил в универмаг, который называется «Первомайский». Давали шапки. Хотел купить. Моя ужасно старая, потертая. Ношу ее уже лет десять, если не больше. Простоял в очереди около двух часов. Но, увы, шапки кончились. Может, схожу завтра.

Обработывал по совету Яковлева поэму. Все закончил. Отпечатал на машинке.

30 января. Рядом тут, на 15 Парковой живет Муля Миримский (Полетаев). К нему я и заходил, возвращаясь домой. Ездил в «Пионерку» к зам. ред. Станиславу Александровичу, которому несколько дней назад звонил Юра Яковлев. Принял этот человек меня не очень. Первое, что он сказал: «Знаете, как наша газета относится к (какие проблемы приходится решать) стихам?» Я ответил, что, к сожалению, знаю. Второе, что он сказал: «Готовьтесь к положительному и отрицательному ответу». Я сказал: «Всегда готов!»

Ушел от него. Зашел в «Вожатый» (журнал) к Евгении Николаевне Орловой. Отдал ей стихотворение.

А потом уж, возвращаясь, забрел к Миримскому. Угостил чаем. Его жена (возник разговор случайно) пообещала определить за плату меня на место руководителя литературного кружка. Это рублей сорок за одно занятие в неделю продолжительностью два часа. Взял у Мули книжечку (<нрзб.>) «Марсель Пруст» Л.Г. Андреева. Пруста не издают у нас. Вот в чем парадокс. Что-то в этой книжечке написано о Прусте?

Эти дни вот все чего-то я мельтешу, сучечусь, чего бы? Звонил Мише Гробману. Должен поехать к нему во вторник вместе с Мулей Миримским.

1 ФЕВРАЛЯ. Евгений Леонидович рассказывал, что Оскар Рабин пришел к нему учиться в возрасте 16 лет в Ленинградский дворец пионеров. Был голод. Оскара взял директор секретарем. Очень (по словам Е.Л.) был строгий секретарь. А Жигунов (директор) всех девушек (сотрудниц) водил в кладовку под лестничную клетку, и там получал от них желаемое.

В январе 31 день. Вчера была суббота. Следовательно, я поехал к Евгению Леонидовичу и Ольге Ананьевне. Подарил последней Эразма Роттердамского «Беседы запросто». Была Катя (внучка Е.Л.) и с ней <...> девица по имени Аня. Я принес 4 ведра воды и дров на неделю.

Уезжаю на обменный пункт в Банный переулок. Допишу потом.

2 ФЕВРАЛЯ. Продолжаю, но только уж на другой день. Время так бежит скоро: закроешь глаза – один день, откроешь – другой.

Лина все еще в больнице. Но, я думаю, Люда уже свыкла с этим.

Читаю маленькую книжечку некоего Л.Г. Андреева «Марсель Пруст». Ругает французов «неороманистов»: Натали Саррот, Роб-Грие, Мишель Бютор, Соллерс. Они-де мол асоциальны, такое может быть только в буржуазном, опустошенном обществе. Эх, ма! Пруст – родоначальник (по словам критика) этой новой школы. У нас в журнале (курам на смех) печатались кусочки из книг «неороманистов». А самых новых не печатали вовсе. Для чего же этот разбор? Кому он нужен? <...>

Из обменного бюро я зашел к Сапгиру. Ел у него гороховый суп. С мороза очень даже вкусновато. Генрих и Кира со-

бираются в гости. Меня не берут. Я ничего, пошел к Цыферову. Застал его стоящим посреди комнаты в пальто и шапке <...> По всему заметно, что ругались. Вида не подали. Гена сказал: «собираемся погулять», но тотчас разделся.

Цыферов сейчас может говорить только о книгах, что покупает в букинистическом магазине, а они все по истории. Значит, говорит он (сбивчиво) лишь об истории. Шумит, слюной брызжет.

Тут, однако, входит неожиданно Сапгир. Оказалось – Лена Бороздина желает и меня видеть.

Закусочка у Ляли скромная: селедочка, да огурчики (хорошо), да помидорчики (очень хорошо; их теперь нигде нет: ни огурчиков, ни помидорчиков), колбаска столовая, да ветчинка. Главное блюдо впереди – спагетти. Оно-то у нее и не удалось. Едва не плачет бедненькая Ляля. Горе-то какое. Спагетти – длинные макаронны (одна макаронинка от другой отделена) с соусом. Макароночки, пока Ляля трепалась с нами, свалялись, превратились в кашу. Ничего, что свалялись, вкусно. Я ел с аппетитом. Съел достаточное количество. Пили водку (две бутылки) и пиво. Кира сказала по поводу съеденных мною макарон-спагетти, что у меня гениальность пропорциональна аппетиту. Не жалею. Но когда сильно нажрешься (в гостях. Дома ем умеренно в целях, разумеется, экономии), тяжело бывает. Вот и сегодня. Проснулся в пять часов утра. Хочу пить, хотя с вечера пил много. Подогрел чай. Выпил полторы кружки, а она у меня стакана в полтора.

Эти дни на улице морозно. В области доходило до 30-35 градусов, а в Москве 20-25. Кажется, в Измайлово было 30. Ветер дует. Дома у меня прохладно. Терпимо, однако. Я привык к такой, не очень высокой, температуре. Купил даже (по случаю мороза) варежки в магазине. Хотел купить (мо-

жет, уже писал) шапку, но не досталось. Один раз пошел (в Первомайский универмаг), шапки были (три часа дня), но кончились уже, пока я в очереди стоял. На другой день тоже ходил, пораньше (час дня). Стоял около двух часов. Кончились большие размеры (58-59). На третий день пошел – шапок нет и не будет.

Настроение среднее. Не хорошее и не плохое. Соседи надо мною, к которым хожу звонить, ругались в субботу. Я пришел в половине второго ночи, они еще ругались. Не стал узнавать причину. Не интересно.

Без четверти сейчас 6 часов. Ложусь спать. Досыпать.

КАКОЕ СЕГОДНЯ ЧИСЛО НЕ ЗНАЮ. Прошло несколько дней, как я сделал последнюю запись. Можно подняться, спросить у соседей, да лень, неохота. Впрочем, какое это имеет значение. Сегодня среда, первая декада февраля. Число (вдруг и понадобится) можно узнать. Дни серые. Месяцы – серые. Люди – серые. Все серо. А я вот собираю в записки всякую дрянь. <...>

ОПЯТЬ НЕ ЗНАЮ КАКОЕ ЧИСЛО. Сегодня четверг. Кирсанов. (Я опять о 1941 году.) Война грянула. Известие это узнали в дороге. На станции какой-то. А везли нас вот в этот Кирсанов. Районный городишко Тамбовской области. Какие-то сборы были в Гомеле. Да и происходило что-то тогда. В городской парк ходили. Дрались с курсантами летного училища. Память это все исключила, вытеснила. Кажется, обучали (Гомель) верховой езде. Вот какая была обширная программа.

Война. Тревожность повсюду. На душе скверно, хотя неизвестно, когда нас на нее погонят. Случилось, однако, погнали и скорее, чем думалось. В этом же 1941 году.

И в Кирсанове, и перед этим, в Гомеле, видимо, ничего интересного не происходило. Начальник училища был элегантный офицер. Прежде он (ходили слухи) состоял военным атташе в одной из прибалтийских республик. Полковник. Нас и к коменданту батальона на пушечный выстрел не подпускали. Видели его только во время вечерней поверки (торжественный ритуал). Начальник училища недосыгаем. Я его и видел-то всего раз пять. Непосредственно общались больше с командиром взвода, который и преподавал все дисциплины, да с командиром роты, сволочь нам попалась необыкновенная. Ну и гонял, ну и измывался. Если уж изберет кого мишенью – пиши пропал. По целому километру иногда заставлял всю роту (распространенное наказание) ползать по-пластунски. Командир взвода – хороший, но его скоро сменили молодым по фамилии или Кузнецов, или Кузьмин. Курсантом-отличником был. Стройный, подтянутый. Орал дико, но не наказывал. С ним можно разговаривать. Я у него в любимчиках не ходил, но особо он и не придирался ко мне. Учился хорошо. Да еще хорошо сражался на деревянных винтовках. Это и выручало. Кузьмин или Кузнецов (кажется, Кузьмин) любил курсантов стройных, которые хорошо умеют ходить строевым шагом. Я для этого был слишком худ и длинён. Рост 1,80, а вес килограммов 60, не больше. Я рад и тому, что не придирается особо.

Игра на духовом инструменте мне и в Кирсанове помогла. В город не пускали, а меня капельмейстер брал (образ его истаял, как и многое) с собой в парк играть. Война началась, но жизнь граждан пока не изменилась. При училище оркестр остался. Завел я даже возлюбленную, малопримечательная девчонка. Какая досталась. По причине худобы я успехом у женщин в те времена не пользовался. Да я преуве-

личиваю. Какая там возлюбленная, встретились раз пять, не больше. Познакомились на озере. Всей ротой ходили купаться. Почему-то она (в розовой кофточке) клюнула на меня. О, приятель был балагур, он и познакомился с двумя. А я сбоку припеку оказался. Приятели у меня были всегда. Может, это (точно он) был Дорош, цыганенок, о котором я писал прежде. В училище (вспомнил) вместе мы попали. Даже на фронт вместе ехали. Расстались потом на Урале, где части формировались. Туда (чтобы не забыть) Ворошилов даже приезжал, когда его от командования войсками отставили. Дорош был (повезло мне на друга) человеком (где-то ты теперь, Дорош, погиб, что ли?), что везде попевал. Юркий, хитрый.

Чистота в казармах идеальная. Койки заправлены без одной складочки. Строгости. Если дневальным, орешь на всю казарму при появлении начальников: «Рота, смирно!» И с докладом спешишь. Чем лучше доложишь, тем больше тебя похвалят, даже могут и руку пожать. А если промедлишь, да слова промямлишь, нагоняй дадут. На стрельбище гоняли, на маневры. Учили преодолевать укрепленную полосу. Где и через канаву с водой нужно прыгать, и под проволоку подлезать, и с трехметровой вышки соскакивать, и по бревну бежать. И физкультурой занимались (я – отстающий) на коне, на брусках и на турнике.

Вот, пожалуй, и все про Кирсанов и про существование в этом маленьком городишке. Еды пока давали достаточно. Спать только всегда хотелось. В училище уже на подсобные работы: чистить картошку, колоть дрова, мечь двор – не гоняли. Для этого существовало специальное обслуживающее подразделение из солдат. Курсанты (как будущие офицеры) имели привилегию.

Настроение в те времена и у меня, и у остальных курсантов (как и подобает будущим офицерам) оптимистичное, патриотичное. На фронтах отступление повсеместно. Уже и Сталин выступил по радио, обратился с теплой речью к братьям и сестрам. Отступающие группы доходили (не знаю, как такое могло случиться) до Тамбовской области. Солдаты бежали. У нашего народа есть одно замечательное качество: не терять присутствие духа ни при каких обстоятельствах. Войны боялись, хотели, чтобы она скорей кончилась. Люди мучились, страдали. Война легла тяжким бременем на плечи. Но она одновременно стала обыденным делом. Работой. Повседневной работой. Это меня и в то время удивляло достаточно и поражало.

Вчера вот что происходило. Утром позвонил Генрих Сапгир, сказал, что собирается приехать <...> Но Сапгир не приехал. А мне позвонил Иодковский, попросил, чтобы я вместо него позанимался месяца два с литературным кружком. Я отказался, но на занятие к нему поехал. Гнусная картина. Грустное время. Дикий народ в кружке. Люди, которые пишут всю жизнь. Кое-чему научились. Теперь думают, что всё знают. Судят и вкривь и вкось, без разбора. Евтушенко – дерьмо, Вознесенский – дерьмо, Ахмадулина – тоже. А сами пишут графоманские бредни. Лучше бы уж простые парни ходили, с завода, при котором литературный кружок. <...>

Потом – пьянка. Проводы Иодковского в Одессу, куда он уезжает неизвестно для чего. Чепуха, люди серые. Водки оказалось много. Я пил только вино, которое принесли два грузина. Один – драматург <...>, Хухашвили, кажется. Другой – поэт, пишет по-русски. Издал (слова Иодковского) книжку в Харькове.

Не буду больше описывать эту пьянку. Ушел около двенадцати. Дома был во втором часу.

Из Кирсанова везли, везли. Аж в Среднюю Азию привезли. В город Катта-Курган. Не поинтересовался, что значит. Сколько ехали? Да недели две, не меньше <...> Степь, да степь. Через Саратов и Чкалов. Вот, кажется, от Чкалова она (степь) и началась. День – степь, другой – степь. Только железное полотно, да столбы телеграфные тянутся друг за другом, руки проволочные друг другу передают. Трава – сухая. Не знали еще, что колючая. Стояли долго на станциях. А там полно беженцев. Их во время войны по-другому называли, эвакуированными. Голодные, износившиеся за это короткое время. Продают все, и с себя, и с детей, весь свой скарб. Азиаты их ненавидят. Курсанты проявили прыть. Разыскали девушек, которые за продукты: банка консерв, буханка хлеба, отдают себя прямо тут, возле вагонов. Чуть не на глазах у прохожих.

6 ФЕВРАЛЯ. Вчера вечером, наконец, узнал какое число. Вечером у Оскара Рабина. Пришла Глезеровская жена Майя. Трепались о старости, о болезнях. Немножко выпивали. Валя чувствует себя лучше, чем прежде. В субботу она ложится в больницу. Оскар написал новую картину: городская улица, даже – сквер, посредине клумба с часами, на земле обрывки газет. Сюжет такой прежде у него встречался уже.

Вернувшись домой в половине уже двенадцатого, зашел к соседям в 25 квартиру. Они еще не спали, справляли день рождения девочки, которой исполнилось 14 лет. Зовут ее Лида. Плечики у нее узенькие, а сама высокая – обувь носит 39 размер. Руки тоже большие, которые она моет редко. Вы-

пили. Посидели. Выслушал целую симфонию о зяте Юре и о Павлике <...> Около часу лег спать.

Всегда, когда выпиваю, когда бываю в гостях, когда чем-то возбужден (в особенности разговорами всякими) – сплю плохо. Сны дурацкие приходят. Сегодня проснулся в 9 часов утра. Позвали к телефону.

6. II. 1970
И.С. Холин

ТЕТРАДЬ 2

Приехав в город Катта-Курган, курсанты в первую очередь обожралась киш-мишем (сушеный виноград). Провзвятил понос всех. Вонь стояла над училищем. В уборную очередь. Уборных в казармах три или четыре. Огромные. Одна человек на тридцать. Могли бы и поумирать. Однако не было случаев смертельных. Ох, и животы болели же отчаянно.

Удивительно вот что: одни, менее замечательные, детали запоминаются в прошлом, а другие начисто вылетели из головы. В Катта-Курган этот, как пригнали нас, привезли, загнали в степи в глиняные маленькие домики, в которых прежде жили строители канала или еще чего-то такого. Пыль, жара смертная. А потом уж оказались в городе, в казармах, в которых прежде квартировала кавалерийская часть. Куда-то эта часть делась, каким-то образом мы перебрались в город? Говорили, что начальник училища, полковник, в Москву телеграфировал, что в степи училище существовать не может. Что вся боевая подготовка срывается.

Оказались все же в городе. В казармах тесно, но жить можно. Город хоть и захолустный, а зеленый. Днем прохладно. Улицы поливают водой. Двор казарм вымощен булыжниками. Утром к завтраку еще давали, по старинке, сливочное масло и белый (непривычно для того времени), белый хлеб. Надо же вот запомнить такую чепуху, что давали белый хлеб, когда лиц (кроме Дороша, Ракитянского или Ракитина, да еще заместителя командира роты, да нашего командира взвода) не помню. В городском парке, куда ходили в самоволку, опасно, резали и гражданских и военных. Прихватывали с собой штыки. Попробуй, сунься! Ходили группами по 5-6 человек. Патрули свои. На занятия по тактической подготовке, опять, в степь гоняли. Пыль в этой степи, да колючая, сухая трава, иголки набиваются в одежду и обдирают тело. Жара и жара, да пыль бесконечная. Командиры тоже выдыхались, сдавали, не гоняли, как прежде. Может, война повлияла. Даже держиморда командир роты (жаль, что я фамилию его забыл) стал не так строг. Слухи еще ходили, что теперь плохого начальника солдаты или курсанты невзначай и пристрелить могут.

А вот и слушок просочился в курсантскую среду, что на фронт училище отправлять собираются, потому что немцы уже к самой Москве подошли.

Кажется мне теперь, что мы – курсанты (по молодости) – событиями на фронтах не очень интересовались. Взяли Орел, Курск, Брянск – а нам все едино, трин-трава.

Слухи оправдались, хотя и не совсем. На фронт (если не забыл) решили отправить весь наш батальон. Кажется, он был третий. А может, не третий, а первый.

Сборы не долги. Сухой паек на два или три дня, и в эшелон, в теплушки. Вру, сначала ехали в пассажирских вагонах.

Наша группа тридцать или пятьдесят человек с одним сопровождающим офицером.

Приехали в Чкалов. От Чкалова в деревню направили, недалеко, километров 30-40. Там формировались новые части. Части ли? Что-то формировалось.

Дальше воспоминания (теперь уж вижу) четче пойдут. Из чкаловских времен запомнилось, что морозы сильные были, хотя всего месяц ноябрь-октябрь. Что Ворошилов приезжал. Что с Дорошем тут расстались, что пешком нужно до Чкалова идти. Что меня определили не рядовым солдатом, а помощником командира взвода, что теперь соответствует старшему сержанту. Что я с первых самых дней вне училища повел себя странно (хорошо хоть хватало ума ладить с солдатами), оказался завзятым службистом. Старался показать себя перед начальством с хорошей стороны, хотел всячески выдвинуться. Короче, повел себя, как завзятый карьерист. Водил взвод на учения по строевой и по тактической. Помню, что все, что касалось взвода, лежало на моих плечах. Может, командира взвода и не было совсем.

Теперь думаю, что поступал правильно, желая выдвинуться. На войне лучше быть начальником, чем рядовым, это уж точно. Все же какая ни есть привилегия. Начальником быть стремился я всячески, что отчасти и удавалось. Помощник командира взвода не ахти какая шишка, а все же командир. Старшина уже на тебя не орет, как ошалелый, хоть. Да и кусок достается получше.

Формировались, формировались, а в октябре (точно) как Ворошилов побывал, так и на фронт отправили. Одно забыл, где нас влили в 56 бригаду 1 ударной армии. Может, вся эта армия на Урале формировалась? Точно так, пока писал, вспомнил, что под Москвой в октябре, когда паника там про-

исходила, когда всё и вся бежало, мы уже были частью. Да-да, частью. А часть называлась 56 бригада. Процентом тридцать, а то и побольше – курсанты. Над Москвой (бесполезное занятие) аэростаты. А нас по окружной дороге в эшелоне обвозят.

С этого времени почти все помню. Помню все хорошо.

Шутник Бабошкин у меня во взводе все на балаалайке играл, да песенку напевал про то, как к одной вдовушке повадился домовый, а потом выяснилось, что он похож на соседа. Шутник Бабошкин – прирожденный. Обвезли по окружной. Тут только почувствовали, что война – не сводка в газете, а реальность.

В г. Загорске высадили. И пешими погнали. Уже и разбитые авиацией села и городишки увидели. Уже и раненых везут в госпиталя, на машинах и на подводах. Уже и самолеты немецкие с неба пикируют, бомбы бросают, уже и канонада артиллерийская все слышней, и стрельба пулеметная. Пешком всё, пешком. Один раз только на машинах везли. Конец октября 41 года. Морозы, метели. Холод. Леса подмосковные. А мы всё идем от одной деревни к другой. Среди солдат и курсантов ропот раздается: «Сколько можно ходить, лучше уж в бой сразу, один конец». Сколько в день километров оттопывали? Может, сорок, а может и пятьдесят. Казалось, что водят нас всё вокруг одного и того же места. Хорошо бы сейчас маршрут этот проследить. Пополнение прислали. Обмундирование даже не дали им. Сибиряки. Один, как медведь. Его в первый день шлепнуло. Как я до окопов немецких добежал, так и увидел его, в полупальто, ремнем подпоясанный, валяется.

Из командиров помню: политрук Ковшик (говорили, что его наповал, в голову во время атаки). Почему я хорошо запомнил Ковшика, не знаю. Командира роты помню. Казах

он или таджик, а может, татарин. Ранен со мной в один день. Взвод в атаку вел я. Командир взвода (младший лейтенант) куда-то подевался, кажется, заболел. Это не суть важно. Ух и голодные были мы все эти дни, почти не кормили. Плохой подвоз, что ли? Один раз дали поесть кашу, сваренную из ржаной муки. Подходили к кухне и подставляли каску. Повар не скупился, почти полную каску наваливал. Ложка у каждого своя есть. Сидим, жрем на снегу эту отвратительную, без жиров, бурду. Некоторые идут за добавочной порцией. Как свиньи чавкали.

Фронт, передовая линия, однако все ближе и ближе. Уже совершенно явственно можно различить винтовочную стрельбу. Вот она уже совсем рядом. Одну или две ночи в лесу ночуем. Костры жечь запрещено, противник рядом. Солдаты не выдерживают, разводят огонь. Командир роты и политрук молчат. Правильно делают, между прочим. У солдат состояние такое (не выдумываю), убить могут, озверели.

У командования расчет (теперь кажется мне) этими маневрами (бестолковыми) запутать вконец противника. Так все происходило, как при игре в шахматы, когда один противник неумелый, но делает самым решительным образом неверные ходы. Умелый игрок сбит с толку: а не ловушка ли?

Командира батальона видел один раз, перед атакой.

Наконец утром, едва рассвело, приказали выйти на исходную позицию перед деревней Михайловской в районе подмосковного города Дмитров.

Опушка леса. Лежим. Стреляем в противника, который в деревне занимает оборону в районе кладбища. Приказ: как пойдут танки, так и нам подниматься.

Думаю, что немцев в деревне на нашем участке не больше роты. В крайнем случае – батальон. А нас сколько? В отдель-

ной ведь бригаде 4 батальона. Укомплектованы полностью. В ротах народу более двухсот человек. На узком участке не более чем два километра, от силы три или четыре, сосредоточено 2 бригады: наша и морская. Каша. Неразбериха. Связи даже нет. Вот как комплектовались части. Расстояние от опушки леса до деревни метров 200-300. Его нужно успеть пройти, чтобы живым остаться. Вот выскочили танки. Какие там танки, танкетки, которые имеют способность гореть, как спичечные коробки. Раз! И нет танкетки. «Взвод, в атаку, за мной!» – это я кричу осипшим от холода голосом. Бегу по снегу. За мной бежит мой взвод. Выдыхаемся сразу. Пробежав метров пятьдесят, переходим на шаг. Танкетки наши проскочили и сгорели. Штук пять их и было. А справа, из-за деревни вышли два немецких, бьют из пушек в живую кашу почти в упор, промахнуться невозможно, слишком велика мишень, поле все усеяно нашими трупами. И с кладбища бьет пушка. Тоже в упор. Вот перестала. Пройдя сквозь ад, мы заняли кладбище и деревню. Вот разбитая немецкая машина. – Значит, и наша артиллерия не дремала. Но почему на таком узком участке столько народу бросили в наступление, когда деревушку-то одним батальоном можно взять.

Живые все собрались в овражке слева от деревни. Самолеты немецкие летают, обстреливают. От них вред не велик, не попадают, только панику наводят. Мой взвод сидит. И чужие солдаты в черной форме. Моряки, значит. Мы-то чуть этих моряков не перестреляли, думали, что немцы. Не знали тогда еще хорошо, какая у немцев форма.

Говорю тем всем, кто близко со мной, что дальше нужно наступать, что в овраге сидеть без пользы. Рано еще ведь. Утро пока. Многие со мной согласны. Выходим на окраину деревни. Опять поле и ручей, кажется. За ручьем, в другой

деревне немцы. Стреляют. Подумал: хорошо бы взять и эту деревню.

Командую: «За мной!», перебежка, не оглядываясь. До середины поля добрался. Там три или четыре дерева. Залег возле этих деревьев. Немцы стреляют, и я в них тоже. И те, которые со мной, тоже стреляют. Патронов много. У каждого в запасе по 150 штук в вещевом мешке, который за плечами. Вот тут я только осмотрелся вокруг. Оказалось, что за мной побежало всего человек семь. Остальные в деревне остались. Можно с полной уверенностью сказать, что струсили. Тогда еще практики не было, как командовать. Думали, что трусость среди русских солдат невозможна. Приказывали командирам идти (как во время гражданской) впереди. А тут всё наоборот получилось (я не осуждаю), но трусил народ зачастую. Я много раз наблюдал такие вещи. Вот и остались мы среди поля на открытом месте. Даю команду отступить к деревне. Жаль, если всех перебьют, как котят. Побежали назад к своим. Перебежишь кусочек метров в двадцать, ляжешь, а немцы по нам прицельный огонь из винтовок ведут. Поглядываю, все целы. Немцы стреляют неважно. Ни одного не зацепили, только меня вдруг шибануло в руку возле самой деревни. Плюхнулся на землю на снег. Пополз. Рука – ничего. Сам (чувствую) цел. Пуля чуть выше локтя мякоть рассекла. Выяснилось потом. Кость не задела. Добрался до деревни. Отвалился. Сразу все безразлично стало. Раненые стонут. Убитые валяются. Вру. Убитые валяются, а раненые не стонут. Раненых и убитых много было во время атаки. Раненых успели уж в медсанбат отправить. Я сам топаю. Из рукава шинели кровь течет. Струйка тоненькая, кровь теплая. Вот сестра попалась, перевязала. Сказала, что рана пустяковая, но в санбат идти нужно. Показала дорогу. А дорога через то, уже знакомое, поле, по которому в атаку то-

пали. Самолеты все продолжают из пулеметов поливать. Брякался в снег, хоть и рука подвязана.

До санбата добрался благополучно, цел. Перевязал доктор. Рана не опасная. Но – рваная, ничего не поделаешь, в госпиталь повезут, как машины будут. Спать охота. Ночи две ведь глаз не смыкали или три. Дремали только в лесу на снегу в холоде на морозе. Глаза сами закрываются. Прилег на полу на еловых ветках. Фельдшер говорит: «Разуйся хоть, парень». А как я разуюсь?

ФЕЛЬДШЕР: давай помогу.

Я: помоги, браток, будь добр.

Стал фельдшер, размотав мои обмотки, ботинки стаскивать, а они не стаскиваются. Погрели, у печки сняли. Примерзли, значит, ботинки. Ноги грязные, не видно, что они обморожены порядочно. не разувался я столько же, сколько и не спал, дня два или три.

Фельдшер говорит: «Положу-ка я тебя на печку, отогреться!»

На печке, как в раю. Уснул сразу. Крутом стоны раненых. Кто-то умер, выносят. Тут же в избе кому-то руку ампутировали. Все на ходу, делово, как и полагается на войне. Единственный четко работающий, пожалуй, <узел (?)>. Медики работали хорошо, четко, грамотно. Чудеса делали. Это ведь при отсутствии медикаментов. Только спирт, йод, да противостолбнячная сыворотка. Всё на собственном энтузиазме. Боеприпасы еще тоже подвозили своевременно. Остальное как попало, с пятого на десятое. Без еды, без бань, во вшах, в чесотке, в коросте. Сейчас даже не очень верится, когда вспоминаешь, что было. Самому жутко становится. Убитых не считали. Хорошили в общей могиле, складывали мерзлые трупы, как дрова. По приказу начальства обмундирование с убитых снимали.

В нижнем белье хоронили. Оно конечно, мертвому все равно. А солдаты (верующих в Бога много) на это смотрели со страхом, с внутренней затаенностью. Сложная вещь – психология войны. Как понять, осознать все, что происходило.

Вот политрук Ковшик нам о высоких материях говорил, а самого, верно, так же в общую яму в одном исподнем. Как могло случиться, что живых не во что было одевать? Говорили ведь, что у нас всё есть.

Ночью очнулся я. Ноги, как бы пилой кто пилит. Застонал. Сосед спросил, что со мной. Я только и мог выговорить: ноги, ноги пилят.

– С ума что ли спятил?

– Не спятил, ох, не могу терпеть.

– Сейчас, фельдшера позову. Фельдшер, где ты?

– Что там такое?

– Да взгляни вот, тут один бредит.

– Да не брежу я, черт вас возьми!

– Что с тобой? – это фельдшер спросил.

– Да с ногами неладно, пошевелить ими не могу.

Фельдшер пошел к столу. Взял лампу. Поднес к моим ногам. Вижу, что у него глаза на лоб полезли. Взглянул и я, приподнялся, опершись на здоровую руку. Ноги у меня, как бревна, распухли. Даже вздулись. Вот в чем дело. Сосед. Он в живот. Смотрит и глазам своим не верит. Головой качает.

9 ФЕВРАЛЯ. Юлия Анурова <...> уезжает в Тбилиси на съемки фильма. Пригласил режиссер (боюсь, что не смогу написать правильно фамилию) Иоселиани, который уже поставил один фильм. Провожали вчера. Выпивали. Все та же компания Ануровская: братец Славик, его приятель Лёха Познанский – продюсер, Таня Макарова (Алигер), да

еще Цыферов с Императором, Генрих с Кирой, Таня Безродная – киноактриса <...> Эту Анурову я вывел в романе «Кошки Мышки» под фамилией – Самотурова. Славик <...> Знает японский язык. Работает в Москве в торговой японской фирме. Первая жена – Лида Савченко (актриса), вторая жена – Таня Гаврилова (актриса). <...> Собирается жениться в третий раз на Тамаре. Фамилию не узнал (актриса).

Катя – дочь Юли Ануровой – пока будет жить у Натальи Кондрашиной. Славик расположился в Юлиной квартире у Моссовета. Свою он сдал. Цена – пятьдесят руб.

Интересного у Ануровой ничего не было. <...> Ушел от них около двенадцати. Генрих Сапгир (с которым мы прежде, как пришли, читали новых американских поэтов: Холинберг <?>, Холл <?>, Дики и т.д. Дики – ничего, кажется поэт первоклассный, остальные выглядят бледновато. Может, плохие переводы. Стихи напечатаны в журнале «Америка».) находился уже в очумелом состоянии. Говорил мне что-то вроде: «Если ко мне не относятся как к кристаллу, то я плюю на тех всех». Смешно. Я почти в точности записал его слова. Я ему сказал, что как-то ни к чему так говорить своему другу, каковым я считался. <...>

Зима хорошая стоит. Снегу-то, снегу на улице. Душа радуется. Морозы были, а сейчас тепло. Совсем тепло. Февраль – а чувствуется уже приближение весны. Капель на солнечной стороне дружная, напористая капель.

Это было вчера. Сегодня пасмурно. В центре города – всё одно, а у нас в Измайлове все нюансы чувствуются. Снег – бел, а в городе он черен. Не хочется даже и уезжать отсюда. Но нужен телефон. Хотя для чего он нужен, не совсем известно. Ручка пишет плохо. Приходится сильно нажимать. Паста, видимо, плохая. Наша паста. Грубая паста. Роман «Кошки Мышки» нужно переделывать. Исправить стилиевые огрехи,

убрать длинноты. Стилевые погрешности не с точки зрения классических образцов, а с моей точки. Небрежности, которые возникли сами.

В одном из своих последних стихотворений я даже вот как переставляю слова: «Быть с говном себя внутри». Неправильность обдуманная, служащая усилению впечатления, ничего, нужно, годится.

Американские поэты, которых мы вчера читали, называются – университетскими. Что ж, они вполне оправдывают это название. Слишком уж давит над ними традиция, как надо.

Евтушенко и Вознесенский и Ахмадулина – среди них, можно сказать – гении.

В прошедшую субботу у Риммы собирались. Всё те же лица: Лариса с Петей (принесла пироги), Мамлеев Юра, Дарик Джемаль. Я о нем прежде уже упоминал. Юра Мамлеев прочитал свой новый рассказ. Муж и жена. Всякие штуки. Свадьба. Онанизм. Муха на лбу. Герой выбрасывается в окно с 9 этажа. А может не с 9, а с другого. Жена говорит, что это единственный нормальный поступок с его стороны.

Потом Юра читал стихи Ильи Бокштейна. Совершенно ненормального человека. Горбун. Сидел сколько-то лет в лагере. Создавал или был членом террористической группы. Игра, наверное. Вернулся. Пошел к властям. Просил, чтобы опять в лагерь отправили. Сказал, что в Москве ему скучно. Часто целыми днями ездит в метро. «Спокойно. Нет властей» – вот что он говорит по этому поводу.

Каких только типов нет в Москве! Разные типы. Больной народ. Вот и Дарик тоже, и Юра Мамлеев, и Сапгир, и Анурова, и Таня Макарова. Среди моих знакомых труднее найти здорового человека, нормального.

Может случиться так, что сами занятия искусством: писание стихов, картин, музыки – есть тоже отклонение от нормы. На днях встретил юродивую бабу в магазине, так она все в рифму выкрикивала слова: «Эй, вы – звери, затворяйте двери! В магазине мороз, отморозила нос!»

11 ФЕВРАЛЯ. Слегка приболел. Сидел дома вчера весь день. Утром звонил Генрих Сапгир. Собирался приехать часов в пять, но так (по укоренившейся привычке) <i>не</i> приехал. Генрих загулял. Кира 9 числа разыскивала его по всей Москве. Мне звонила три раза. Утром звонила с ранья, в 9 или в 8.30. <...> Собиралась звонить в милицию. Еле ее отговорил. 9-го же был у Дарика Джемаля. Он живет на ул. Рылеева. Квартира огромная. Жена – Лена. Есть ребенок, но он отсутствовал. Неуютность у них удивительная, как в сарае, как в механической мастерской себя чувствуешь. Позже появился Мамлеев. Трипольский, Мамлеев, Дарик, Лена и я. В основном, они расспрашивали меня о войне. Право, как на следствии. Весь вечер разговор и велся вокруг этого, да еще вокруг (когда Мамлеев уже ушел) дворянской породы. Дарик считает, что я такой же шизофреник, как и он. Впрочем, я как-то говорил, что я вполне нормальный человек. Не верят. Может, они и правы, кто их знает. Идеи у Дарика (на мой взгляд) завиральные. Он считает (кратко), что человечество (не в одиночку, а всё сразу) должно идти к скотоложеству, к полному уничтожению. В этом высшее Божественное проявление. У меня взгляд противоположный. Люди должны совершенствоваться духовно. Диоген, христианские святые – образец совершенства. Да еще йоги. Именно духовное совершенство, именно состояние благодати достойно человеческого сознания. Идея Дарика более нова, но и более не

свойственна сознанию европейца. Какая-то азиатчина из нее выпирает. Для чего вообще форсировать события в том или другом смысле. Если суждено, то человечество само погибнет без помощи Дарика или еще кого. Да и кто, кроме Бога, может знать конечную (если она имеется) <цель> нашего существования, нашего предназначения? Могу, однако, с полной уверенностью сказать, что менее симпатичны человеческие крайности, встряски, передраги, хотя они, разумеется, более эффектно. Иллюзорно, конечно.

С Олегом Трипольским, того же дня, когда были у Дарика, только днем, поскольку уж он приехал ко мне, ходили в мебельный комиссионный магазин. Смотрели старую мебель. Ничего хорошего, стоящего не увидели. Одно барахло. Олег говорит, что это потому, что скоро будет денежная реформа. Люди, имеющие деньги, скупают всё подряд. Заходили потом по пути к Джемалю на Арбате в комиссионный, и тоже ничего не увидели.

Пустота совершенная. Может, Олег и прав насчет реформы. А возможно, что теперь люди просто дорожат старинными предметами.

Рамки (за исключением двух) готовы. Вчера вставил в них рисунки Кропивницкого, Кулакова, Зверева и повесил на стены. Очень мне нравится. Получилась хорошая экспозиция. Жаль, что в одну стену не лезут гвозди. Люда не звонит. Не знаю, взяла ли она Лину из больницы. Уже прошло достаточно времени. Зима идет на убыль. Светит солнышко. Снег потихоньку оседает. Валя (Оскарлова жена) в больнице в 1 Градской.

Читаю свой роман «Кошки Мышки» первую часть. Ужасно нравится. А хотел уже было уничтожить.

18 ЯНВАРЬ ФЕВРАЛЯ. Прошедшие дни богаты различными событиями. Буковский. Организатор демонстрации в защиту Даниэля и Синявского. Судили. Дали три года. Теперь он вернулся в Москву. Парадокс, но лагерь из него сделал сильного физически и здорового духом человека. От былой шизофрении и следа не осталось. Работал в лагере на столярном производстве. Видел его и говорил у Трипольского в субботу. Буковский пришел не один, а с молодым человеком по фамилии Де Марма. Вижу его впервые. Видимо, из окружения мамы Алика Гинзбурга. Сидел Буковский в уголовном лагере. Трудно. Народ аховый уголовники. Пришить (зарезать) могут вполне. Рассказывать о лагере нечего. Все лагеря одинаковые. Порядки стандартные.

19 ФЕВРАЛЯ. Февраль – есть февраль. Снег. Метель. Завывает, заметает. Сугробы возле дома, да и повсюду по пояс. Пасмурно. Мороз небольшой. 8-10 градусов. Для русского человека мороз не страшен, была бы одежонка, да харчи хорошие. Немцы вот даже (по мнению иностранных специалистов) войну по этой причине проиграли. Думаю, что если и есть в этом доля правды, то небольшая. Победа наша Богом дана. Иначе этого не истолкуешь. А немцы, даже имея разведанные совершенные и надежные, не могли себе представить нашу глушь и бездорожье, нашу дикость и увязли, как в трясине.

20 ФЕВРАЛЯ. Вот о каких событиях хотел рассказать я выше. В воскресенье я позвонил Гробману. «Привет, Миша, как поживаешь?» – «Ничего, живу. Ты как?» – «Я тоже ничего». – «Холин, приезжай». – «Приеду. Звонил Оскару, хотел к нему. Он занят».

Еду к Гробману в Текстильщики. Застаю у него Боба Барри с женой и Джорджа Хемфри тоже с супругой. Выпивают. Перед этим у них и произошла история. Не у американцев, а у Миши. Только приехали гости, как сразу явились два милиционера. Один в чине подполковника, другой – майор. Учили проверку.

Первый милиционер. К нам поступили сведения, что вы продаете картины?

Миша ГРОБМАН. Интересно, откуда вы получаете такую ложную информацию?

Первый милиционер. Наше дело, откуда узнаём. А вас, если будете продолжать, привлечём к ответственности.

Миша ГРОБМАН. Я не продаю картины, понятно?

Первый милиционер. Будем привлекать и ваших друзей, которые в другой комнате, тоже. Так им и передайте, чтобы знали.

Вот такая история. Втерлись в дом. Ира говорит, что когда она дверь открыла, то они не спрашивая, прямо вошли. Понятно, что разговор о картинах предлог. Хотели проверить американцев, но они оказались в другой комнате.

Составили акт. Миша отказался подписывать его. Второй милиционер безмолвствовал. Ушли.

Вторую историю Оскар Рабин рассказал. Александру Глезеру пришло письмо. Вызвали в газету «Вечерняя Москва» к заведующему отдела фельетонов. Похоже, что собираются публиковать фельетон. Так уж им Глезер надоел со своей коллекцией.

Разговор вышел самый безобразный. Вопросы задавали унижающие достоинство. Спросили, сколько было жен. Почему и за какие деньги покупаются картины. Понятно, что этому типу (как только такие могут быть журналистами, не понимаю) <было нужно>. Разговор стенографировался полностью.

Ко мне тоже месяца два тому назад приходили двое из КГБ. Часов в двенадцать дня явились. Звонят. Спрашиваю: «Кто там?» – «Мы к вам, Игорь Сергеевич». Открываю. Сразу догадался, в чем дело. – «Заходите». – «А мы из КГБ». – «Вижу, что из КГБ».

Разделись. Сели. Я еще спал, когда они пришли. Соображал еще плохо. Минут сорок, а может, час разговаривали. Предупредили, чтобы не встречался с американцами. А я в этот день как раз собирался в гости к Роберту Барри. С которым знаком уже больше года. Пришли они (один полный, среднего роста, черный с круглым в роговых очках лицом, другой худой, белобрысый, ростом пониже) припугнуть, в основном. Так и сказали: «Смотрите, плохо будет, если нас не будете слушать».

Что значит слушать? Вот как мы проживаем в век космический. Россия, видимо, так и останется навсегда страной депотической, а жаль. Такие возможности. Такого величия духа могла бы она достигнуть. Но есть Господня воля, выше которой не прыгнешь.

Эти двое из КГБ, слава Богу опять же, что они пришли с такими мирными намерениями, запугать. А если бы в тюрьму? Ведь и такое бывало не один раз. В этом всё больше и удивляет, что они мирно припугивают. Значит, и в их среду проникли уж либеральные настроения. А эти двое, у них написано на лицах, что они любое приказание начальства исполняют с достаточным рвением. Ведь вот люди. Может, неплохие люди. Но гнусная, недостойная человеческого звания работа такой на них наложила отпечаток, что смотреть на них неприятно (мягко говоря). Они похожи на соответствующих персонажей из детективного фильма студии «Мосфильм».

21 ФЕВРАЛЯ. Слепительное солнце с самого утра. Встал рано, в десять часов. Третий день побаливает желудок. Потер морковку. Съел. Чай с сахаром. И хрустящие хлебцы. Вот и весь мой немудреный завтрак.

Вот-вот должна приехать Люда. Лина из больницы вышла. Бегаёт, как бы ничего не случилось.

Собираюсь к Кропивницкому в Долгопрудную.

В четверг у Евы день рождения. Оскар Рабин, Генрих Сапгир с Кирой. <...> Рита Камышова, Володя Ковшин, два Сирийца, оба маленькие, черненькие. <...> Хорошо, что я приехал не к 8 часам, как полагалось, а чуть ли не к 11. Приехал. Поел. И уехал. Неужели с Генрихом всё? Неужели он не видит, что он ведет совершенно плебейский образ жизни.

С Евой больше не общаюсь. Арабы кричали и прыгали, как обезьяны. Водки оказалось мало. Бежали в ресторан. Араб бегал и Ковшин. Купили бутылку через милиционера. Водка в ресторанах имеет теперь 100% надбавку, 6 руб. 24 коп. бутылка. <...>

Я рад, что рано попал домой, съев полтора табака. Рита Камышова сказала мне, что они с Вовой (как она называет мужа) хотят, чтобы я у них в доме был своим человеком. Она забыла малость спросить у меня, как я посмотрю на это. <...>

3 МАРТА. Вот какой перерыв. Почему не записывал? Мельтешил. Суетился. Что сделал за это время? Ничего. Роман только («Кошки Мышки») переписывал. Кое-что выбросил. Немного, однако. Сделал из двух частей одну. Уже пять лет над ним работаю. С ума можно сойти. Хотел уже было уничтожить совсем. Пожалел. Главная неудача – стиль, небрежность во всем. Теперь бы я так вероятно, не написал. Вообще роман хороший. В достаточной мере отражает нашу эпоху. Вот бы только весь его переписать заново.

Хоружий. Философ. Взгляды его мне не известны. Дарик Джемаль говорит, что Хоружий философ классического плана. Видимо, его сейчас интересует вопрос (теоретический) организации духовной элиты. Каким образом? Невысок. Добродушное довольно лицо. Толстенький. Оказывается, я его знал раньше, когда он ходил с бородой. Эта борода ужасно его портит. Работает где-то в техническом издательстве редактором. Хотелось бы узнать его взгляды.

Дарик Джемаль тоже не высок, тоже толст, но пока еще не заплыл жиром совершенно. Густая борода. Длинные черные волосы. Не очень чистоплотен, хотя и мыслит себя не только аристократом духа, но и вообще.

Читал свою новую статью. Интересно. Называлась, кажется, «Закон и свобода». Идея – стремление к абсолюту. Абсолют смотрит в себя, он свободен. Я – взаимодействую между собой. Жизнь – зло. Пересказать невозможно. Может, опубликуют когда-нибудь.

Фельетон о Глезере вышел. Опубликован в «Вечерней Москве». Безобразный фельетон. Грубый. Лживый. Правды в нем ни на грош. Хорошо, что газетка хреновая. Глезер в больнице, в психиатричке, в Матросской тишине. У него бессонница. Оскар Рабин написал ответ на фельетон. Зря. Да и написал плохо, бестолково. Чуть не поссорился с Оскаром. Советовал ему не вмешиваться. Но он уж (Бог с ним) не может остановиться. Лавры славы не дают покоя. Чудак Оскар. Дело художника – писать картины. Если уж он хотел ответить, написал бы картину, да с куском газеты от фельетона. Куда действенной.

Первое сражение с немцами окончилось для меня благополучно. Ранение в локоть левой руки. И напрочь отморо-

женные ноги. В атаку (я теперь вспомнил) ходил я не два, как прежде думал, а три раза. Под Москвой, в районе города Дмитров, село Михайловское, на Дону в 1942 году. И на Днепре, кажется, в 1943 году, а может, в 1944. Нет, в 1943 осенью все же. Ладно, дату исправить не трудно. Когда форсировали Днепр, известно. Достаточно заглянуть в справочник. Три атаки. Последняя, надо сказать, самая комичная. Опишу потом. А пока фельдшер мне валенки приволок. «Зачем они мне? – спрашиваю, – да ведь у меня ботинки, вот они, а валенки не нужны. Обувь не нужна, ноги ведь как кольчужки». – «Бери, положи рядом с собой на носилки, когда выздоравливать будешь, пригодятся». Это он чтобы задобрить, чувствует, что виноват. А мне что. Даже хорошо, что ноги отморозил. Увезли в глубокий тыл. В город Глазов Удмуртской АССР.

«Сейчас машина придет, я тебя в нее втисну».

Ба, подошел человек к моим носилкам. Знакомая рожа. Виноват. Это же командир роты. Ранен в руку. В атаку тоже ходил. Все ходили. Командиры впереди. Я тоже бежал впереди. Даже впереди всех. Первым в немецкие окопы вскочил. Все бы хорошо, да танки ихние зашли во фланг и лупят. Это почтище зубной боли. Ощущение такое, что каждый снаряд в тебя попадает. Бьет по мозгам. Люди пачками валяются на землю. В автобусе. Да, за нами пришел санитарный автобус. Маленький. Человек шесть в него уместилось, не помню, не больше. Легких пешком до передвижного госпиталя отправляют.

Когда с Урала прибыли, нас в Александрове высаживали из эшелона, а теперь в госпитале в Загорске оказался. Ночь. Дорога из одних ухабов. Я креплюсь. А вот те, которые в грудь и в живот, им ведь как на дыбе. Стон и вой. Проклятия. Надо сказать, уж давно известно, что как ранят, нервы сразу садают.

Как груз оборвавшийся вниз катится, так и нервы. Самые бесшабашные, самые храбрые сдают. Стоны, стоны, стоны. Запах живой крови и кала. Почему? Дух такой исходит от тех, разумеется, которые в живот. Утробный вой, утробный запах.

Вот Жилин у меня застрелился, тоже пулю всадил в живот. И от него утробно пахло. В смерти сержанта Жилина я повинен отчасти. Это было потом в 1942 году в Кубинке под Москвой, на формировке. До того времени далеко еще. Я его на гауптвахту засадил за пьянку, а он сбежал. Пришел в роту. Не надо было его второй раз отправлять, не надо. Откуда знать. Молодой, отличный парень. Застрелился. Может, и к лучшему. Сразу отмучился.

Народу в Загорске в госпитале. Что делается. Даже в коридорах на соломе лежали. Врачи мечутся, как бешеные. Режут, колют, кромсают. Выносят мертвых. Увозят в эшелонах живых в тыл. Меня на перевязку. Резать ноги собираются. Резать. Значит, без ног. Без ступней. Ноги у меня остались однако целы. Целы ноги. Пришел профессор. Посмотрел. Сказал, что не нужно резать. Пусть определится граница обморожения. Диагноз – II степень обморожения.

Сегодня ездил в Московское отделение СП. Вторично подал заявление о приеме в члены. Посмотрим. Едва ли, конечно, примут. Слишком одиозная фигура. Инесса – секретарь, заявление и книжки мои взяла.

Один в эшелоне со мной рядом на полке тоже обморожен. Отвалились все пальцы на руках. Молоденький. Пулеметчик. Случай, нужно сказать, трагичный. Лежал за пулеметом, стрелял. Пуля угодила чуть ниже виска в скуду. Потерял сознание. Пока лежал, обморозил руки. Санитары подобрали.

Вот теперь эта страшная рана зажила, голова прострелена насквозь, а рук нет, пальцев нет. Стрелял еще он, чудик, без рукавичек. А в рукавичках стрелять невозможно.

Из Гомельского училища так потом я никого не встретил.

Жаль, что все так стерто. Вот хотя бы город Глазов. Ведь есть он где-то и теперь еще, а я его совсем, совсемушки не помню. Только и осталось в памяти, что валенки, которые фельдшер дал, остались целы. Когда выписывали, отдали, и было это, надо сказать, в конце февраля уже или в начале марта. Еще морозы на дворе. Да еще помню, как на перевязке мои ноги разбинтовывали, а мясо уже до костей слезло, кусками отваливалось. Все заросло, заросло окончательно. Я ведь кость на пальце правой ноги видел, белая, как сахар. Да еще один раз лишнее мясо на ране срезали. Голова закружилась. Едва в обморок не упал. Да помню, ехал в запасной полк из госпиталя в тесноте и вони в вагоне.

г. Слободской недалеко от Кирова. Запасной полк. Номера теперь не помню, хотя был ведь у него номер. Назначили старшиной роты. Хожу с палочкой, прихрамываю. Кобылы из госпиталя выписали еще с незажившей раной на ноге. На перевязку в полку ходил в санчасть.

Наконец вызвали в штаб и приказали сдавать экстерном на звание младшего лейтенанта. Сдал. Присвоили звание. Дали взвод. Все это молниеносно. Уже занимаюсь с солдатами строевой и тактической подготовкой. Наверное, это было все же в начале февраля, а не в конце. Морозы жуткие. Даже уши отморозил. Так что вместо занятий в поле заворачивали в крайнюю избу и отогревались.

11 МАРТА. Олег Целков – художник. Живет в Тушине на улице Героев Панфиловцев <...> Невысокий. Русые

(когда-то густые) волосы, несколько облысел. Черты лица мягкие. Человек хороший. Пьяница. Теперь говорит, что бросил пить. Однако мне кто-то рассказал, что видел недавно пьяным его в дугу. В этот вечер пил он мало. Всего две рюмки, которые разбавлял водой. Говорил, что охота пить пропала сама. Он окончил Ленинградскую академию художеств. Человек, безусловно, необыкновенного дарования. Я его знаю давно, лет 12 или больше. Квартира у него кооперативная, на четвертом, кажется, этаже. Край Москвы. От метро «Сокол» 30 минут на трамвае. Даль.

Со мной была Римма Сапгир-Заневская, Наталья Кондрашина и Лариса Кучерова, у которой скоро свадьба. Выходит замуж за молоденького мальчика Петю, который торгует иконами. Хороший мальчик, приятель Лени Губанова.

О Целкове. Показывал он картины. Работает медленно. Две новые. Одна из них огромная «Тайная вечеря» по Евангельскому сюжету. Надо ли так профанировать древние сюжеты? Картина еще не окончена. Римме Сапгир-Заневской Целков понравился невероятно. Она тотчас нашла у него какие-то особенные идеи, которых (на мой взгляд) в миру нет. Я люблю Целкова и других русских художников, но не за их идеи, которые, можно сказать, почти отсутствуют, а за их весьма четкое мироощущение. Конечно, Целков художник выдающийся, в этом я с Риммой согласен. Да я же и раньше знал и любил Олега всей душой. <...>

Теперь о другом. Ольге Ананьевне Потаповой недавно исполнилось 78 лет. Она нарисовала для меня портрет Евгения Леонидовича цветными карандашами.

Был еще раз у Дарика Джемала. Читал он вторую статью. Трудно понять, говорю об этом не стесняясь, о чем речь. Может, это все гениально, а может, бездарно. Мне, во всяком

случае, чуждо. Думаю, что человек, в основном, должен совершенствоваться здесь, на земле. Когда же достигнет высшей точки совершенства, тогда нужно будет постигать оккультные истины. Я предполагаю, что тогда это сделать будет намного легче. Теперешние же потуги философов ни к чему не приводят. Несовершенство человеческих душ (я тоже) не приемлет истины, открытые ими.

Звонил на телевидение в редакцию «Спокойной ночи, малыши» Коноваловой. Она не возражает вновь наладить отношения. Сказала, что в этом году возобновляются наши с Генрихом Сапгиром передачи «о пингвиненке Пине». Деньги за них платить не будут. Но там еще 5 передач, за которые заплатят.

Собираемся работать вместе с Володей Приходько. Взял работу на цветном телевидении. Нужно написать передачу о 3 номере журнала «Колобок».

Был у Оскара Рабина. 8 марта. Жену его Валю отпустили на этот день из больницы. Выглядит она хорошо. Стала вполне спокойна, поправилась на 8 кг. Встретил у Рабина Сапгира с Кирой. Поехали к нему. Смотрели показательные по фигурному катанию. Здорово. Какое совершенство и изящество.

Сапгир написал очень хорошее стихотворение «Карасев».

<...> Вот берет он книжку поэта, хочет почитать вслух, листает, листает, надоест смотреть на него, выбирает коротенькие стихи. Не любит длинных стихов. Почитает 10 минут и всё. Уже надоело, включает телевизор. <...>

Кончилась вот уже и масленица. Идет пост. Я решил в этом году поститься. Пока соблюдаю. Не ем мяса, масла, яиц, молока. Думаю, что пост заключается не только в том, чтобы не есть те или иные продукты, а в том, чтобы есть простую пищу и мало.

16 МАРТА. Слушал повесть Игоря Дудинского (ученик Юры Мамлеева), очень, на мой взгляд, хорошая вещь. Называется она «Вернисаж». Главное действующее лицо Талочкин. Я его знаю. Подан он, разумеется, условно.

1 АПРЕЛЯ. Почти месяц не делал записей. Ужасно. Все суетился, суетился. Теперь вот что: кажется мне, что люди, которые не верят в существование души, мало сказать ошибаются, они не хотят думать, они боятся правды. Теперь есть довольно точное доказательство. Право, возьмите приемник или телевизор, ведь они без сигналов, которые они принимают, мертвы. Только сигналы, принимаемые ими, оживляют их, заставляют нести положенную функцию. Но ведь сам приемник не изменяется при отсутствии сигналов, он остается прежним, все детали находятся на своих местах. Не так ли обстоит с нами? Мы, когда мертвы, имеем все, что имели при жизни. Имеем все и одновременно не имеем ничего. Мне возразят, что человек умирает, когда кровь перестает циркулировать, когда организм дряхлеет. Я говорю – да. Но дряхлеет ведь и радиоприемник. Дряхлеет и перестает принимать сигналы. Но он мертвый просто без сигналов, труп. Мы тоже мертвы, наша суть мертва, без сигналов. Приемнику шлет сигналы Останкинская башня. А кто шлет сигналы нам?

10 АПРЕЛЯ. Звонил Приходько. Собирается приехать с бабой. Глезера, кажется, из группкома исключили. Во всяком случае, нажим большой. Печатать (вот проблема) больше не собираются. У Рабина был вчера вечером. Видел Лиду Мастеркову. <...> Григоренко, бывшего генерала, который встал в оппозицию государству, засудили. Говорят, что лихо ему, бедняге, приходится. А присудили его к при-

нудительному лечению. Короче, объявили сумасшедшим. В какой-то степени, видимо, он не совсем здоров. Но какое варварство. Говорят, что Григоренко уже заявил во время свидания с женой, что ему уже теперь ничего не нужно. Всё, перетерли человека. Какой непоправимый моральный ущерб наносят России неразумные правители и все, кто с ними.

Думаю, что наступит время, когда им придется ответить за свои злодеяния.

А позавчера был у художника Челомбиева или что-то в этом роде. Мастерская у него рядом с церковью, что находится у метро «Новокузнецкая» в переулке. Чудак. Читал свои рассказы ленинградец Буковский. Выступал со стихами Вячеслав Леон. Рассказы и стихи средние. Не плохие, но и не хорошие. Затащила меня туда Ира Пивоварова.

За 10 дней, прошедшие с 1 апреля, на удивление много было всякой всячины. Даже у Виктора Щапова побывал. У него дома модный журнал. Все как надо. Как в «хороших» домах, у «хороших» людей. Жена его Лена – удивительное существо. На вид это существо весьма глупо, а стихи пишет хорошие и, я бы сказал, умненькие. Брусиловский, который тут же оказался, возбужден и суетен. Говорил, что дважды у него обворовали мастерскую. Один раз утащили пластинки, а другой раз иконы. <...>

Ходят слухи, что готовится изменение состава правительства. Слухи эти и прежде были, но теперь они более настоятельны. Похоже, что и правда. Уже произведены некоторые перемещения, но еще не китов, а пескарей.

Хороший анекдот. Совещание в верхах. Совершенно секретное о каком-то секретном оружии. Кругом охрана. Один академик говорит другому шепотом: «как бы, друг, в уборную сходить?» Другой отвечает: «не выпустят!» Через минуту от-

крываются двери и два швейцара несут бережно горшок для академика. Восхищенные академики спрашивают: «Как вы узнали, господа?» – «А вот сейчас по Би-би-си сообщили».

13 АПРЕЛЯ. Валентин Воробьев. Художник. Живет, вернее, у него мастерская на улице Щепкина дом 4 в подвале. Две комнаты. Подвал глубокий. В наше время художники ютятся или в подвалах или на чердаках. Последние находятся в более выгодном положении в сравнении с первыми. Некоторые (Кабаков, Соостер) отгрохали себе замечательные мастерские. Теперь о Воробьеве. Среднего роста человек, полный, даже очень полный с несколько татарским, но красивым лицом. Сейчас ведет себя нормально, а вообще шизофреник. Картины пишет почти абстрактные, но слегка сюжет проглядывается. Продает иностранцам. <...> Когда-то я у Воробьева жил в мастерской полгода. Человек он странный. Однажды сварил мясо вместе с газетой, в которую оно было завернуто. В другой <раз> рыбу, не выпотрошив и не помыв. <...> Разговоры о смене правительства продолжают. Теперь уже говорят, что кроме группировки Суслов-Шелепин-Мазуров появилась группировка во главе с Катушевым. Говорят, что он кончил Строгановское художественное училище, и что либерального толка.

Посмотрим. Я считаю, чем больше у них всяких перемен, тем лучше для свободы и демократии, которой так нам не хватает.

Днем вчера заходил еще кроме Воробьева к Сапгиру. <...>

Сегодня проснулся около десяти утра. Вот как поздно. Понимаю, что уже пора как-то наладиться. Сидеть дома, работать. Сколько времени убиваешь напрасно, разъезжая по гостям.

Евгений Леонидыч и Ольга Ананьевна чувствуют себя хорошо. На прошлой неделе они болели. У Ольги Ананьевны болело сердце. Старенькие они уже стали, немощные. И жаль их, и помочь абсолютно нечем.

Вот и меня почти перестали уже печатать. Да и нет желания ходить в редакции. Недавно с Володей Приходько написали сценарий по журналу «Колобок» для цветного телевидения, не пошел, отменили передачу.

Хорошо бы однажды собраться с силами и описать подробно один день своего существования. Сколько это займет страниц?

Завтра пойду к зубному врачу.

Телевизор мне отремонтировал парень по имени Толя. Он живет тут недалеко на 15 Парковой. Хороший анекдот: «Что такое алкоголизм – это переходный период от социализма к коммунизму».

Роман мне, конечно же, Римма Сапгир-Заневская не перепечатала. Понимаю, что очень трудно. Много работы. Хочется написать сборник «светлых» стихов в старой манере, как писали, скажем, в конце 19 века.

14 АПРЕЛЯ. Вчерашний день. Вечер. Зашел к Оскару Рабину. Был на Преображенском рынке, а это рядом. Валя спала. Оскар пригласил поехать к некоей женщине по имени Аврора, у которой много серебряных изделий из Дагестана. Приехали. Трипольский, Кук, психиатр Ярмуш, жена художника Б. Свешникова Оля, Лида Мастеркова с очаровательной племянницей Маргаритой, которой только еще 15 лет, сын Лиды Игорь Холин, мой однофамилец. Серебро хорошее, хозяйка симпатичная, хотя уже не молодая. Она искусствовед, преподает в институте. У нее уже два взрослых

сына. Все мое внимание поглотила, разумеется, Маргарита. Жаль, что ухаживать за такими вот девочками считается в цивилизованном мире предосудительным. Потом пришла Варя Пирогова. <...> Это о вчера. Сегодня занимался уборкой весь день. Почистил мебель, подмел пол, постирал рубашки, майки и трусы. К вечеру были гости, Ира Пивоварова – поэтесса и Юля (фамилии не знаю), переводчица. Мило беседовали, пили чай с повидлом. Проводил их потом до метро. Погода сырая с мелким дождичком. Но уже, слава Богу, весна. И это чувствуется. Даже почки на деревьях имеют намерение выпустить листочки. Юля – еврейка. И очень остро реагирует на эту проблему.

Всё, ложусь спать. Всего не перескажешь.

16 АПРЕЛЯ. Ира Пивоварова была вечером вчера со своей подругой Юлей. Ира высокая, еще молодая женщина, у нее муж художник (которого я хорошо знаю) Пивоваров, сюрреалист-график, еще оформляет (как теперь принято) детские книжки в «Детской литературе» (издательство) и в других местах. Ире лет 28, не больше. Своим высоким ростом она несколько кичится даже, иногда намекает на то, что у нее длинные ноги. Вообще-то она, конечно, недурна собой, скорее, даже красива. В молодости, лет так в 18 была прелестна. Пишет стихи и рисует. Стихи хорошие, рисовать, увы, умеет, но как-то очень холодно у нее. А потом ничего нет. Она относится к тем, как раз, художникам, которых я осуждаю за ничегонеделанье. Пили чай. Говорили с Юлей о еврейском вопросе. Вот уж вопрос. Кто-то в нем очень и очень заинтересован. Но я не могу понять кто. Может, это и хорошо. Хочу себя приучить, чтобы не думать совершенно о человеке, с которым разговариваешь, о людях, с которыми

встречаешься, какой они, собственно, национальности. Вот ведь всегда люди напоминают.

Сегодня. (Вчера ездил в Электросталь выступать в клуб перед детишками от Бюро пропаганды. Цена 8 руб.)

Сегодня ездил в г. Дзержинск (или поселок). Он находится возле Люберец. Прислали за мной машину. Старая машина «Козлик», вся она бензином провоняла, вся дребезжит – Так и кажется, что вот-вот развалится. Вокруг г. Дзержинска вонючие заводы. Как можно не видеть, что люди работают в рабских условиях, в грязи и пыли. Да, они сами не чувствуют своего рабского положения. Приучили. Так всегда было. Но передовые люди: инженеры, интеллигенты должны видеть. Нельзя же так угнетать свой народ.

Что я хочу сказать. Обратно в Москву ехать на той же машине я отказался. Сел на автобус до Кузьминок. Возле метро сошел. Позвонил Мише Гробману. Но, увы, дома его не застал. Тут <...> живет <...> Аннушка Данцигер, которая теперь за непальцем. Я о ней подумал, когда еще звонил. Подумал о ней и встретил. Только не в Кузьминках, а на станции метро «Таганская» на переходе. Она была с холеным молодым человеком. Я подходить не стал. Не потому, что она не одна. А так. Зачем все это нужно. Даже в душе ничего не шевельнулось. <...>

Приехав домой, лег спать. Проспав до семи, встал, попил чай, посмотрел фильм по телевизору. Бодяга. Многосерийный (мода) фильм «Адъютант его высочества».

Нахожусь в состоянии полной апатии. Ехать никуда не хочется. Писать ничего не хочется. С трудом делаю эти записки. Принуждаю себя. Американские космонавты на луну не сели. Произошла авария. Корабль движется к земле. Они находятся в опасности. Будем надеяться, что все обойдется благополучно. Всё от Бога. Ребят жаль.

Сожалею, что забросил свои воспоминания. Не могу. Лень. Но надеюсь, что допишу, хотя бы вкратце. Уже даже забыл, на чем остановился.

Весна-то на улице какая. Снег сошел, ручьи и капли отзвенели, скоро и зеленью повеет. Солнце сегодня весь день.

Случилось так, что по воле Господа я в 30 лет начал писать стихи. Первые двадцать лет я учился. Вторые двадцать лет буду совершенствоваться. В третье двадцатилетие, если Господь мне подарит его, я буду писать истинно.

17 АПРЕЛЯ. День серый, холодный. Хотя по радио вчерась говорили, что будет тепло 12 градусов. Ошиблись. Ветер пронизывающий. Сегодня одел уже плащ. Ходил без кепки с открытой головой.

Выступление прошло хорошо. Детей было мало. Человек 30. Хорошо. Спокойно. На обратном пути домой (тут рядом) зашел на Преображенский рынок. Купил маленький кактус, который назвал Космонавтом. Приехал домой, поспал часа два. Такая теперь напала сонливость. Встал. Сходил в магазин. Хотел купить луку и килек. Не оказалось ни того, ни другого. Купил повидло, которое стоит 85 коп. килограмм. Сейчас слушаю репортаж по радио о футболе. Первый матч в Москве на стадионе «Динамо». Федотов забил гол в ворота «Черноморца». Синявский (комментатор) объявил: «Какой красавец гол».

Сообщили, что корабль Аполлон-13 приземлился. Астронавты Ловелл, Хейз, Суиджерт чувствуют себя хорошо.

19 АПРЕЛЯ. За вчерашний день ничего особенного. Учитель мой Евгений Леонидович чувствует себя хорошо. Ольга Ананьевна тоже. Вчера был очень хороший теплый

день. Сегодня похолодало и пасмурно. У Риммы Сапгир-Заневской, к которой я заехал на обратном пути, встретил Генриха Сапгира с Кирой и еще с ними был их родственник Гуревич из Красноярска. Где-то в Сибири есть такой город, но я не знаю где, да и знать, собственно, не хочу. Генрих скучен ужасно. Может, Евгений Леонидович прав, когда говорит, что Сапгир состарился душой окончательно. Может, и так. Во всяком случае, не интересно с ним теперь окончательно. Я уж теперь вижу. Погряз он в этой никчемной халтуре, которую стряпает вместе с Цыферовым. Слишком они серьезно относятся к своей работе. <...>

Еду в Царицыно выступать в ознаменование 100-летия рождения Ленина.

20 АПРЕЛЯ. Цыферов Геннадий Михалыч. Лет ему 41 или 42. Высокий белобрысый светлоглазый человек с бородой. Несколько в лице проскальзывает шизофреническое. Живет на Петровке в доме № 2, там, где магазин «Часы» и магазин «Шляпы». Умный ли он или глупый, я ответить не могу. Скорее, что с придурью. Сейчас покупает книги, надо сказать, дорогие. Одна книга, сам видел, стоит 60 руб.

Собираюсь составить и отпечатать полный сборник своих стихов за прошедшие 20 лет. Роман у Риммы заберу. Буду печатать сам, хотя времен это отнимает уйму. Вот и Аннушка Данцигер впорхнула в мою квартиру, как птичка. Дитя природы. Я о ней писал, кажется, 19 числа. Видал ее в метро. А вот она и приехала. <...> Где-то она телефон узнала. Где? Ладно. Пусть приходит. <...>

23 АПРЕЛЯ. Когда зайдешь в Дом литераторов, всегда встретишь кучу знакомого народа. Вот и вчера, поехал получать деньги за выступление в Бюро пропаганды, увидел

Володю Приходько, а он уж затащил меня (почти насильно) в клуб. Увидел Овсея Дриза. Он уже старенький. Похудел. Но выглядит хорошо. Я спросил о здоровье, он ответил, что плоховато. Пить, говорит, бросил.

Евтушенко меня не узнал. Видел Петю Вегина, говорили с ним, сидя за одним столиком. Потом с Володей зашли на новом Арбате в магазин «Мелодия», просто так. Зашли, а купили по Рижскому проигрывателю Аккордес. Мой уже сгорел, даже вчера, как только привез. А на вид хороший проигрыватель. Я его не хотел покупать, потому что он уже был распакован. Кто-то брал, да сдал обратно. Теперь полно будет с ним хлопот.

Неожиданно ко мне пожаловал Цезарь Голодный. Он действительно болел. Однако, теперь даже хвастается этим. Хотя, в сущности, хвастаться абсолютно нечем. <...> Болезнь, конечно, серьезная – инсульт. Мог быть паралич. <...> Обещал сегодня заехать к нему.

28 АПРЕЛЯ. Пасха 26 числа. Преображенка. Старообрядческая церковь какого-то северного согласия. Замечательные иконы. Служба однообразная, все молящиеся поют различные псалмы. Народу много. Не крестятся, не кладут поклоны. Священника нет. Крестный ход не полагается. Всё просто и искренне. Верят люди в Бога, верят. Вдохновенные лица (не преувеличиваю), люди не злые. Двум нашим женщинам, у которых не было чем покрыть голову, дали платки. Фарида, бывшая жена Хоружего <...> Ходили потом в новую церковь. Там народу тьма. В сам храм попасть невозможно. Да и хулиганья пьяного много. Кладбище. Там тоже небольшая церквушка, верее, часовенка. Потом я у Рабина узнал, что там секта вдов. Тоже старообрядцы.

27 у Фариды день рождения. Был. Подарил ей пластинку

«Прелюдии и маленькие фуги Баха». Довольна. Компания пошлая. Кроме Сапгира, Цыферова. Выпил рюмок пять. Утром болела голова. Сегодня занимался уборкой. Еще на этих днях небольшое событие в моей жизни. Купил себе проигрыватель Рижского производства «Рекордс». Привез домой, а он чрез 10 минут сгорел. Пришлось на другой день менять. Чудик я. Денег нет, а за проигрыватель заплатил 55 рублей. Слушаю Баха. Мне ужасно нравится. Но разобраться не могу. Всё мне кажется однообразным. Но какой покой навеивает Бах. Бог с ними с деньгами. Теперь я с хорошей музыкой.

Как-то вот не могу вернуться теперь к воспоминаниям, которые прежде так резво начал. Но ничего. Теперь вот составляю сборник стихов за 20 лет. Много стихов получается, очень много. Сам все переписываю. Стихи ужасно нравятся. Переписываю с упоением, как бы не я написал, а кто-то другой. Дело все в том, что половина всего уже забыта. После, когда все перепишу, начну (от руки) переписывать роман.

11 июля. Вот сколько времени прошло. За дневник не принимался, не приступал к нему по многим причинам. Какая-то это странная вещь, записывать происходящие события. Приходится писать, в особенности о людях, все, что думаешь о них, а ведь это ужасно. Каждый старается скрыть неприятное в себе от других, и ведь это естественно вполне. Вот и получается, что роль пишущего дневник незавидна. Можно кое-чего избежать, не оценивать ни людей, ни события. А как же? Скучно ведь. Хотя дневник – вещь интимная, но ведь не для себя, в самом деле, они пишутся.

<...> Так вот. А про себя я ведь не скажу всю правду. Дудки! Конечно, не скажу. Обязательно приукрашу. Выставляю себя

в розовом свете. А если и говорю иногда, скажем, женщинам, что нет такой подлости, которую бы я не совершал, и нет такого благородного поступка, который бы я не сделал, так ведь это рисовка, явная рисовка. Не может человек про себя сказать такое. <...>

Сапгир уехал в Крым, в Коктебель. Кира тоже уехала. Кот их Кузя (о ужас) оказался кошкой. Скоро будут котятка. Цыферов в Москве. Цезарь Голодный – говнюк, каких свет не видывал. И ноет, и ноет: «Денег нет, старик, жрать нечего». А у самого в холодильнике <...> и пиво, и вино, и другие вещи. Какой он писатель, чепуха. У Цыферова большое самолюбие. <...>

Стульчикова – моя соседка – рассказала замечательную историю еще, как они хоронили мать одного из ее знакомых. В морге перепутали трупы. Похоронили они не нужную мать, а другую, чужую. Хохма, смех. Отрывали труп, везли снова в морг. А уже поминки устроили. Вот как.

Ладно, на сегодня хватит.

PS. Так размеренно и слаженно течь, как течет наша жизнь и весь мир, может течь только то, что давно прошло уже.

11 июля. Так вчера и просидел (рад ужасно) дома. Загорал на озере, которое тут вот рядом в лесу. <...>

Сегодня у Евг. Леонид. Чувствуют они себя хорошо, и он и супруга. Таня Киселева приехала. <...>

Сборник стихов за 20 лет творчества уже составил. Сейчас перепечатаваю в пяти экземплярах. Один – Сапгиру, один – Льву, один – Римме, один для Евг. Леонидыча и последний для себя. Включил не всё. Многое (сколько, не знаю) пришлось выбросить, слабые (с моей точки зрения) попадают часто. Некоторые так и остались в сборнике.

12 июля. Событий целый вагон. Какое счастье, подарил Юле Винер 1 концерт Баха в исполнении Филадельфийского орк. с Глен Гульдом. Этот пианист и этот оркестр уж очень смущал меня своей отличной игрой. После я уже не мог ничего слушать. Теперь остался Рихтер, умеренно, ничего. Оркестр неважный, насколько я понимаю.

О событиях: собирались с Юлей Винер опять же ехать к Гале Андреевой. Но, увы! Все насмарку. Позвонила неожиданно девица, о которой я уже и забыл совсем. Думать не думал, что она может позвонить. А она вот взяла и позвонила. Нужно было послать ее ... Но что поделаешь, слаб человек. Познакомился с ней у Голодного Цезаря. Она <...> глупа, как барабан, и трещит еще громче. <...> Боже, какой кошмар. Я чуть с ума не сошел, хотя посидела она с приятельницей Аллой не больше часа. Я уж старался, чтобы выпроводить, уж так старался, а все же пришлось с ними ехать к Голодному. Ужас! Всю дорогу пилила она меня: почему едем на метро, а не на такси. Вот. <...> Юле Винер звонил, извинялся, что не могу поехать куда договаривались. <...> Ах, вот что, забыл ведь. Вечером-то я попал к Римме Сапгир-Заневской, а там Юрочка Мамлеев, толстячок пампушка, <...> читал свои замечательные рассказы: «Ваня Кирпичиков», «Сельская жизнь» и еще всякие. Помню какие, но теперь не очень хочется напрягаться, чтобы уж совсем вспомнить. Не буду вспоминать. Еще раз сказал Юре, что рассказы его даже на Западе не напечатают, такие они античеловечные. Здорово, однако, замечательно, однако. Как я отдыхал, слушая Юру. Плохого (за день накопившегося) настроения как не бывало. Чудодейственная сила – литература, когда она такая вот, как у Юры, у этого трусишки, который всего боится. Олег

Трипольский по-прежнему – балабошка. А еще был Игорь Дудинский и Олег Целков – художник.

Вот история, которую рассказал Дудочка – так ласкательно называют Игоря Дудинского, а ему в свою очередь рассказал Мамлеич, а тому рассказал Дарюша (Дарий Джемаль) и Леночка, конечно же. «После того, как при Хрущеве поднялась цена на мясо, в одном доме, в Москве, разумеется, – о ней, о матушке, речь – рабочие убили и (с целью протеста) съели одну женщину, которая была проститутка. <...>» Ну и история! Только у них, у Дарюши и у Леночки могли такую историю сочинить. Сочинители, одним словом, фантазеры. <...>

Позвонил сегодня прекрасной Авроре. Пригласила в ЦДРИ в кино. Итальянский фильм. Завтра в 4 часа дня.

Будет на сегодня.

14 июля. У Авроры был. Смотрели итальянскую картину. Чепуха. Называется (если не забыл) Плата за услугу. <...>

24 июля. Очень странный звонок был мне по телефону 21 июля. Снимаю трубку:

Я. Алло!

Тот. Говорят из КГБ. Майор имя рек. Можно Холина Игоря Сергеевича?

Я. Это я.

Тот. Простите, не могли бы вы выступить у нас в пионерлагере?

Я. Пожалуйста.

Тот. А когда бы вы могли?

Я. В любой день кроме завтра и 23 и 27 числа. В эти дни я выступаю в других местах.

Тот. Давайте предварительно на 24 договоримся?

Я. Давайте.

Тот. Согласую с начальством и позвоню вам завтра в 9 ч.

Я. Пожалуйста. Скажите, а где вы взяли мой телефон?

Тот. В городском дворце пионеров.

Вот и весь разговор. Разумеется, я сразу же почувствовал всю фальшивость ситуации. И Тот тоже насторожился, почувствовал в свою очередь мою недоверчивость. Он начал подробно объяснять, где находится пионерлагерь, что он у Круглых озер в Мытищах, что за мной пришлют машину. Всё.

Посадили Юлю Вишневскую. Сказал мне об этом один художник по имени Слава (вспомнил и фамилию) Савельев. За что же ее посадили, такую глупенькую. Все чаще возникает мысль уехать из Москвы навсегда на юг, в Ялту или в Сочи, поменяться квартирами.

Сейчас еду к зубному врачу в поликлинику на Рязанский проспект. Там в регистратуре работает славная девушка по имени Наташа. Не знаю, каким образом приступить к ней, чтобы встретиться вне поликлиники. Прошлый раз предложил ей театр. Выбрала Вахтанговский, а он закрыт. Уехал на гастроли. Сапгир на юге с женой. Теща его Нина Михайловна тоже уехала. Я стерегу квартиру и кошку с котятками, ту, которую считали котом.

9 августа. Люда в Михневе, или где-то рядом с детским садом. Скоро, видимо, приедет уже. В Москве ходят упорные слухи, что в Астрахани холера и чума. Звонила Римма Заневская-Сапгир, хотела ехать на юг в Крым или на Кавказ, но испугалась, и хочет отдыхать поблизости от города Александров. Вчера в субботу был у Е.Л. Кропивницкого с Ирой и с Витей Пивоваровыми. Прошлись лесом от ст.

Новодачное до райцентра. Хорошо. Солнечно и тепло. Лето исключительно удачное. Давно уже такого лета не случилось. Но промелькнуло оно мгновенно. Ира и Витя, кажется, ничего в искусстве не понимают, т.е. понимают, но понятия эти сугубо поверхностны. Им показалось, что Е.Л. – художник-дилетант. Вот и всё. Стихи понравились больше.

Бог с ними. Я давно уже подозревал в них это. <...>

Звонила Лера – редактор в студии «Мультфильм» при телевидении. Заказала мне фильм на тему о том, что не нужно разбазаривать хлеб.

Попробую написать.

Сборник «Стихи за 20 лет» перепечатаваю. Работа подходит к концу. И еще: ходил в гости к Алеше Хвостенко. Читал он свои стихи. Хорошие стихи. Алиса мила (жена Хвоста). Стихи, однако, ленинградские, немного пустоватые.

Завтра еду выступать в пионерлагерь в Загорянку <...>

МОЖЕТ БЫТЬ 24 АВГ. Какую смуту я внес своими стихами в благое и доброе дело – поэзия.

8 СЕНТЯБРЯ. Несколько дней назад был у Михаила Гробмана. Застал у него художника Бисти (график) и художника Селиверстова с женой. У Бисти (приятель Збарского) своя машина «Волга». Селиверстов невысок ростом, рисует и subtilen. В модном полосатом (серое с черным) костюме. <...> Бисти тоже невысок ростом, но склонен к горбатости. Как художников, я их совсем не знаю. Кроме была еще девушка Лена Острова (искусствовед). Она уж совсем незаметна. Только одни глаза большие на лице. Мне, во всяком случае, она симпатична. <...> Воскресенье ездили к Евгению Леонидовичу, который Лене очень понравился. На

обратном пути заехали к Цезарю Голодному, хотели у него поесть немного, но увы, не тут-то было. Еды он нам не дал. Сказал, что у него ничего нет. Я не в претензии. Не обязан он ведь кормить меня. Тем более еще и моих знакомых. Сегодня он звонил. Хочет уехать в командировку на Кавказ.

И у Миши я был еще раз. А именно вчера. Со мной ездили французские девушки: Марти Масон-Деблез со своей сестрой Изабель (хохотушка), Доминик и Пьер – летчик французской гражданской авиации, и Ани Ноде-Ланглау, которая уже успела приехать из Парижа. Вот человек эта Ани: попросил ее привезти мохеровой шерсти на кофту для Люды, так она привезла 12 мотков, из которых можно связать 3 кофты. Деньги не берет. Что с ней делать, не знаю.

23 СЕНТЯБРЯ. <...> Разошлась с мужем. Прощупывала почву, могу ли я на ней жениться. Заявил категорично: не бывать этому никогда. Сразу и обиделась. Вот сегодня и не звонит. Но самое смешное то, что она меня уже и не возбуждает. <...> я чувствую, что моя мужская сила на исходе. Да и шут с ней, с этой силой, спокойней будет жить на свете.

Генрих Сапир с Цыферовым уезжают в Болшево в дом творчества.

Ленюсь. Ничего не пишу. Занимаюсь обменом своей квартиры. Евг. Леон. Кропивницкий написал ужасно юмористическое письмо про холеру, эпидемия которой преспокойно разгуливает по необъятным просторам России, и про мух. Ужасно смеялся, читая это письмо.

В Иордании гражданская война между собственно иорданцами и палестинскими партизанами. Наши политики, кажется, опять прошляпили. <...>

27 СЕНТЯБРЯ. Вот и лето отзвучало совершенно. Последние дни 10 были божественны: солнце, тепленький ветерок, природа дышала глубоко и ровно, как только летом бывает.

Вот и знакомые уже отовсюду съехались в Москву.

Оскар Рабин, например, из Прилук приехал. Вчера у него был.

У Глезера свадьба, которую устраивает ежегодно. Меня не приглашал. Даже Оскар не предложил, как обычно делает, пойти с ним. Неважно. Сестра у Марти очаровательна, пианистка. В понедельник пригласили, будет играть. <...>

Всё подыскиваю себе подходящий вариант (так теперь выражаются) для обмена. Есть однокомнатная квартира с комнатой в придачу на Преображенке рядом с Оскаром. <...>

Надо работать над романом.

6 ОКТЯБРЯ. Был вчера в ЦДЛ, не специально. Ходить туда, смотреть на эти бездарные, жующие и рыгающие рожи не очень приятное занятие. Встретил там Андрея Вознесенского. Он относится ко мне благосклонно. Подарил последнюю свою книжку «Тень Звука». Молодец он все же. Один формалист, футурист <-> воюет со всеми.

Взамен сегодня отвез ему поэму «Земной Шар» и прочие стихи, которые оказались. Вообще-то он мне не очень нравится, что-то в нем от лукавого: и в самом, и в его стихах.

Аннушка Данцигер разлюбила своего мужа непальца, кажетя, хочет разводиться.

Генрих Сапгир в Москве. Не звонит.

Переписываю, перерабатываю роман «Кошки Мышки». Теперь одна забота.

27 октября. Звонок. Открываю дверь. Лева Рыжов и Володя Батшев. Первый – художник, второй – смогист. Вернее, бывший смогист. Читал мне свои рассказы. Говорю «мне», потому что Лева не слушал.

Посидели часа два и ушли. Поздно позвонил Миша Гробман. Просит, чтобы я пригласил двух киевлян, которые ненадолго приехали в Москву. Мише кажется, что это мне доставит удовольствие. А я таких вещей терпеть не могу. Сабгир пьет. Был на днях у Рабина. Валя чувствует себя плохо. Два прибалтийца угнали советский самолет. Посадили его в Турции. Убили стюардессу и ранили двух летчиков. Наше правительство требует их выдачу. Солженицын Нобелевский лауреат. Пустят ли его в Швецию получать премию?

15 ноября. Выступал в кинотеатре «Полет» в Тушине с детскими стихами. Вечером встречались с Приходько. Как идиоты, охотились за девицами в Первомайском торговом центре. Вернее, не охотились. Охотились за день перед этим. А тут было свидание. Ее зовут Валентина Викторовна. Торгует мылом. Ходили в ресторан «Измайлово». Просидели в общей сложности 18 р. Кретинство. За эти деньги можно было купить 3 бутылки виски 99. Эта Валя бросила свое мыло на произвол судьбы. И увязалась с нами. Смех. Главное, что понравилась-то она Володе, а ей понравился я.

Романа первую книгу переработал и переписал от руки почти всю.

Современное искусство – как человек, заболевший шизофренией. По телевизору передают конкурс Шопена из Польши. Сегодня выступала скрипачка. Исполняла современную вещь.

Больные мы все люди. Однако все современное принимаю

на веру, хотя и могу при желании разобраться, что хорошо, что плохо.

Старое люблю. Не отвергаю. Но новое для меня органично.

Последняя запись сделана была 15 ноября 1970 года. И вот после такого значительного перерыва попытаюсь продолжить запись.

22 мая 1971 года. На улице дождь. А живу я теперь уже в Кузьминках на Волжском бульваре <...> Переехал в прошлом году. Тут тихо. Дом во дворе. Много зелени. Дождь идет с утра. Последнюю неделю болел. Простыл, видимо. И сильно простыл. Хотя температура не поднималась выше 37,5.

Вот прошло немногим больше, чем полгода. А сколько народу промелькнуло за это время. Сколько событий произошло. Умерла Ольга Ананьевна Потапова. Художница. Жена Евгения Леонидовича Кропивницкого. Женщина во всех отношениях замечательная. Затрудняюсь, что сказать о ее живописи. Мне нравится. Думаю, что потомки заинтересуются этой своеобразной художницей.

Уехала в Израиль Юля Винер. Что-то она теперь там поделяется. <...> Собирается уезжать Михаил Гробман с женой и сыном. Он теперь мой сосед. <...>

Остальные все друзья живы и здоровы. В Союз писателей меня не приняли. Подал в Литфонд. Может, примут, а может, и не примут. Это все равно теперь уж, когда 51 год.

Одну комнату в квартире сдаю негру Джо, который учится в университете.

Постараюсь с сегодняшнего дня не делать больших перерывов в записях.

23 мая. В субботу. Где же я был? А, вспомнил: у Льва Кропивницкого. Не зря я вчера вспоминал Ольгу Аняньевну. Оказывается, именно 22 мая было 9 дней со дня ее кончины. Ее кремировали (сожгли в крематории) и правильно поступили. Бесхлопотно. Там на похоронах было не очень много народу. Родственники: Оскар Рабин (зять), дочь Валя, внучка Катя и внук Саша, Лев с женой и дочерью Наташей. Сам старик Кропивницкий. Был, разумеется, Глезер с женой Майей, Генрих Сапгир с Кирой, Русанов с женой Верой. Лена Оскордова (девичья фамилия) с мужем Мишей, Римма Сапгир-Заневская с мужем Олегом Трипольским, Наташа Орлова (машинистка из иностранного отдела ССП), Люда (приятельница Кати и Саши Рабина), фамилию не знаю, Лида Мастеркова с сыном (ирония судьбы) Игорем Холиным, Борис Свешников с женой Олей – вот, кажется, и все. После похорон поехали на том же похоронном автобусе к Рабиным на Преображенку. (Пропустил упомянуть Михаила Гробмана (память стала не очень). Жены его Иры не было. Она беременна. Осталась дома себе.) У Рабиных помянули (как и полагается), выпили за нее, чтобы ей там ничего жилось, на том, то есть, свете.

Вот, значит, был я у Льва. Дождь лил проливной, но теплый.

Приехал, а они выпивают. Бутылка водки на столе «Экстра» или «Особая». Какая-то за 4 р. 12 к., кажется. Рыба, редиска. Налили и мне рюмочку. Всего выпил 3 рюмки. Тут и Генрих Сапгир приехал с Кирой. И еще была Люда из Галиного музея. <...> Сапгир, собственно, приехал, чтобы отдать переплести 5 экземпляров своих избранных стихов, как и я в свое время сделал. Разговор общий. Даже и не вспомнить о чем говорили. Просто треп.

Это все в субботу. Сегодня встал в девять с небольшим.

Позвонил Николь из французского посольства, с которой (не очень точно) договаривались встретиться сегодня. Не оказалось дома. Зашел к Гробману. Он тут рядом живет в Текстильщиках. Потом поехал в Банный переулок, где городское обменное бюро. Меняю свою квартиру Кузьминскую. Потолкался около часа. К Кире зашел. Генриха не застал. А Кира дома. Был и <у> Валентина Воробьева. Хотел к Аленке Басиловой зайти. Позвонил, а у них грандиозный скандал <...> Поехал домой. Сделал эту сегодняшнюю запись. И посмотрю сейчас футбол: наша сборная с алжирцами. А потом спать, спать, спать. Генрих вроде бы опять пьет. Вот человек. Не может без этого.

Завтра будет у меня В. Воробьев с женой Олей. <...>

24 мая. Понедельник. <...>

24 мая. Вечер. Воробьев с Олей Чудаковой были. Приехали в час дня. Ходили в лес к Ветеринарной академии. Выпили бутылку водки и бутылку спотыкача.

Квартирант мой исчез. Не появляется уже три дня.

25 мая. Вечером был у Риммы Сапгир-Заневской. Встретил Кука и еще одного Володю с женой Лидой, которая в своем роде очень симпатична. Похожа на дикую девчонку. <...> Олег Трипольский вернулся из командировки в Терскол.

29 СУББОТА. Римма, я и Фарида и Лена, дочь Риммы, ездили на Клязминское водохранилище. Потом прошли пешком до Долгопрудной. Но Евгения Леонидовича не оказалось дома. Ждали два часа...

1 июня. День рождения Льва Нусберга. Самое яркое пятно – два жареных гуся. Которые (по просьбе женщин, а в особенности Тани Быстровой) мне пришлось резать на части. Гробман Миша с сыном Яшкой, Ира, некий Павел и Борис – и еще человек пять народу. Стол низенький. Сидели на полу. Домой приехал около часу. У дверей оказалась <...> (бывшая любовница моего Джо). Все ходит и страдает, чтобы он пустил ее обратно. Сегодня его не оказалось дома. Сдает экзамены. <...> Хожу загорать на Кузьминский пруд. Сегодня же нужно отвезти в ремонт соковыжималку. Хорошо, что не кончилась еще гарантия. Срок которой – год.

4 июня. Римма Сапгир-Заневская заболела ларингитом. Простыла, когда мы ездили на Клязьминское водохранилище. Там она, я совсем было забыл, съела два мороженых. И вот результат. А Евгений Леонидович Кропивницкий, оказывается, с Сапгиром в тот день загулял, когда мы его не застали дома. Звонил Тане Колодзей. Узнал, что Элизабет доехала хорошо до своего Бирмингема. Приедет ли она вновь в Россию?

8 июня. В субботу с Гробманом и с его женой Ирой были в гостях у Пьера Людовика Тротье, министра канадского посольства. Была его супруга Варвара Филипповна и их дочь Анна Петровна, которой теперь 16 лет. Аня приготовила итальянское блюдо, которое называется, если не забыл, пичичи или пиццики. Ели овощи: огурцы, помидоры, редис. И фрукты: черешню и клубнику со сливками. Пили виски (канадское) и французское красное вино. Гробман напился в дугу <...> Говорил весь вечер. Ничего не ел, поэтому и напился. Пьер Людовик повез нас домой, так Гробман

едва не выскочил из машины на ходу. <...> Еще был сын Пьера Максим. Всем детям они дали русские имена. Вообще и Пьер, и Варвара Филипповна любят всё русское. Живут они на территории канадского посольства в прекрасном старинном флигеле.

В воскресенье день рождения Киры Сапгир. Были: Шапов с женой Леной, которая пишет и неплохие стихи, Брусилowski с Галей. Петров с женой, Цыферов, Анурова, Алена Басилова (поэтесса) с мужем <...> португальцем. Дима Савицкий (поэт), Эдик Лимонов (поэт). Ели свекольник, на второе индейка. Овощи разные: помидоры, огурцы, травы: черемша, мята, кинза. Пили водку (2 бутылки) и красное вино. Все было весьма и весьма прилично.

9 июня. Время идет. Работаю над повестью о войне. Но веселой. Где почти не стреляют. «Приключения старшины Гаврилова и рядового Цицина». Попробую предложить «Воениздату», может, напечатают. В «Детскую литературу» тоже попробую. 8 июня поехал к Нусбергу. Делают декорации к фильму «Клоп», который ставит Юткевич. Встретил там художника Франциско Инфанте. Он прежде входил в группу «Нусберг». Теперь женился и вышел из нее. Лев мне показывал громадный альбом с работами его группы, который вышел в Западной Германии. Хороший альбом. И еще показал план будущего города, над которым они работают. Восемь секторов по 8 миллионов жителей. Весь город в кинетической сложнопостроенной ауре. Угощали рыбой с жареной картошкой. Я старался есть поменьше. Они теперь сидят без денег. А ребята и девчата – все здоровые. Аппетит ужасный. Чувствуется, как сели они голодными за стол, так и встали. Лев Нусберг (глава группы) у них – маленький царек, в государстве, которое

состоит из десяти человек. О Брусиловском отозвался очень плохо. Я ему возражал. Конкретных примеров, почему Брусиловский плох, привести не смог. <...>

Сегодня заходил к Гробману. Но не застал его дома. Где-то шляется этот человек вместе со своей семьей.

14 июня. Пасмурная погода. Временами накрапывает мелкий дождь. Сапгир с Кирой уехали в Прилуки к Оскару Рабину. Неудачно. Там лучше в хорошую погоду. Это деревня на Оке.

В субботу был у Риммы Сапгир-Заневской. Она, кажется, уже здорова. Прочитал ей нотацию за Зайчика. Не понял. Считает, что права. Все люди, видимо, правы. Заканчиваю работу над повестью. Вернее, над обработкой повести. Первая половина больше удалась. Читаю Бенвенуто Челлини. Замечательная книжка.

В воскресенье у меня была дочь Люда с Линой. Ездили в Кусково, в парк. Много народу. Все больше выпивающие.

25 июня. Пятница. Погода пасмурная с редкими просветлениями. Ветер не теплый. Сижу весь день дома. На днях получил открытку от Володи Приходько, предупредил, что приедет сего дня от 6 до 7. Но уже без 20 минут восемь, а его все нет. Думается, что и не будет.

21 июня у меня были гости. Был понедельник. Люда приезжала тоже с Линой. Люда приготовила котлеты. Я купил на базаре огурцов 1,5 руб. кило, молодой картошки 1,5 руб. кило. Луку и редиски. Вот и весь стол. Купил 3 бутылки вина. И две (французского) привезли гости. Были Пьер Людовик Тротье (канадское посольство), его жена Варвара Филипповна и их дочь Аня. Николь (французское посольство), Миша

Гробман, я, Люда и Лина. Евг. Леонидыч прислал письмо, полное скорби о Ольге Ананьевне. Одиноко ему и скучно. Оскар, как пишет Евг. Леонидыч, уехал в Волгоград. Лев в Москве. Генрих с Кирой собираются на юг, в Судак, куда они выезжают каждое лето.

Гробмана жена Ира родила дочь, которую назвали – Злата.

Заканчиваю перепечатывать повесть. Осталось еще 50 страниц. Езжу выступать в пионерлагеря. Плата – 8 руб., иногда двенадцать. 29 июня буду выступать с Козловым с Сергеем. Вот уже 15 дней подряд Неля Дмитриева делает мне по три укола ежедневно. Не пропустил ни разу: аскофен, ношпа, витамин Б 12.

18 июля. Опять забыла вести запись. Леня что ли? Может, и леня. Скорей всего, леня. Пользы ведь от этого ни на грош. Да и события скудны. Вот 11 июля был день рождения дочери Люды. Генрих Сапгир ездил в Крым. Уже вернулся. Был в гостях у Пьера Тротье. Он теперь поверенный в делах. Посол уехал лечиться. Был там еще французский журналист, если не ошибаюсь, Каторе, корреспондент коммунистического журнала. Жена у него русская еврейка. Возобновил отношения с Брусиловским. Антон Драга <...> попросил меня сниматься в его фильме (он студент ВГИКа). Играю генерала. Всего 3 действующих лица. Один съемочный день уже состоялся.

Вчера в субботу у Льва Кропивницкого повстречал Римму Заневскую с Олегом и Генриха Сапгира с Лимоновым.

Закончил повесть «Приключения Гаврилова и Цицина». Видимо, придется перерабатывать еще раз. Всё.

22 июля. Вот и лето уже пошло на вторую половину. Еще одно лето. Сколько их осталось еще впереди?

Старость во всем сомневается: доживу ли до следующего года, осталась ли еще хоть крупница таланта. И комплексы по этому случаю. Фильм, в котором снимаюсь, называется «Плох тот солдат». Уже было два съемочных дня. Всё проходит на довольно низком уровне. Съемочная группа: Драга, гватемалец (режиссер, выступающий в роли актера) Серхио, Марк Соломоныч (актер), Закревский (директор картины), девушки: Нина и Люба (осветители), оператор Ярослав (болгарин), костюмерша Лида, которая завтра работает последний день. Вчера смотрел фильм Антониони «Забриски Пойнт». Хороший фильм. Народу, имею в виду литераторов, не нравится. Тем хуже для них.

1972 год

18 января. Живу на новом месте. Адрес: Нижегородская ул. <...> У самого Птичьего рынка. По субботам и по воскресеньям идет торговля всякой живностью. Рыбками для аквариумов всех сортов и раскрасок, птичками и лесными и домашними, голубьями, и кормом для птиц и голубей, и кормом для рыб, и другой всячиной: собаки, кошки, белки. Интересно ходить по рынку. Изучил птиц. Люди охотно отвечают на вопросы.

У меня однокомнатная квартира, но мой негр Джо по-прежнему снимает у меня комнату. Я устроился на кухне. Она 10 квадратных метров. Гробман Миша уже в Израиле. Пишет, что устроился хорошо, в декабре была выставка в Тель-Авиве. А он живет сам в Ерусалиме. Изучает еврейский язык. Тепло у них там целый год и летом и зимой. Много фруктов. Пока он доволен очень. Мои детские стихи пере-

стали печатать почти совсем. Трудно будет теперь. Роман закончил. Отдал переплетать. Что-то долго переплетают. Вот уже около трех месяцев. Получился хороший роман. Теперь нужно написать другой. Если прежде мало было опыта. То теперь он пришел. На днях Виталий Стесин (художник, друг Гробмана, доставшийся мне от Гробмана по наследству) устроил в мастерской художника Лени Ламма литературный вечер. Читал Игорь Дудинский две вещи: «Вернисаж», которую я перед этим слушал уже дважды, и «На грани банальности». Обе вещи хороши, но первая, пожалуй, будет лучше, посылней. Во второй много надуманного, преувеличенного. Пока еще он не владеет формой в совершенстве, хотя пишет уже давно. Говоря об этом, я не имею в виду традиционную форму, а нечто новое, может быть, совершенно еще неуловимое. Читал недавно в «Иностранной литературе» статью некоего Ю. Каграманова. Не скажу, что он дурак, но за какие же такие грехи он по-скотски обругивает канадского ученого Маршалла Маклюэна. Взгляды этот Маклюэн высказывает довольно любопытные.

На новом месте мне живется хорошо. Дом с лифтом, с горячей водой, с мусоропроводом, а в квартире телефон. С моего 12 этажа открывается «прекрасный» вид на город. Мясокомбинат дымит, МЗМ дымит, Клейтук дымит, «Серп и Молот» тоже дымит всюю: но все равно хорошо. Приобрел массу книг на церковно-славянском. Читаю религиозную, в основном, теперь литературу. Еще появился у меня приятель Володя Акулинин, с которым встречаемся часто на почве тренировок по боксу. Боксируем у него на квартире, которую он снимает за 70 руб. Вчера написал небольшую поэмку «Пир зверей».

5 МАРТА 1972. Есть люди, которым нужно верить на слово, и истины, которые необходимо принимать на веру.

25-XI-72. Формула существования людей: вести или противиться.

29-XI-72. Заходил какой-то тип, часов в 6 вечера. Ждал гостей: норвежца Ивана и Руни с женой Сесиль и дочкой. Открыл дверь. Тип сказал, что он с телефонного узла. Пришел проверить телефон. Выяснилось, что из МВД. А чего он хотел – не знаю.

7 ДЕКАБРЯ 1972. Умер Цыферов. Случилось это несколько дней тому назад. Похороны завтра. Скончался, спускаясь по лестнице, на руках у одной из своих многочисленных любовниц и почитательниц. Думаю, такая смерть ему была желанна.

27. XII. Равновесие зла!!!

17. 3. 73. Идея в конце концов побеждает самое себя.

ФАКТЫ БИОГРАФИИ

Самое сложное занятие – описывать свою жизнь. Написать мало и сухо, неизвестно для чего? Писать много, получатся мемуары, а кто их будет читать?

Я, вообще, не большой любитель выворачивать свою жизнь наизнанку. Поэтому ограничусь простым перечислением фактов. **ФАКТ ПЕРВЫЙ.** Родился 11 января 1920 года в Москве. Теперь мне уже 77 лет. Но еще жив. Работаю. В настоящее время пишу рассказы, многие из которых опубликованы в разных газетах и журналах. Кое-что какими-то неизвестными путями попало в зарубежную прессу. Скорей всего, перепечатали, не спросив разрешения.

ФАКТ ВТОРОЙ. Жил. Рос. Дышал. О временах юности нечего вспоминать. Не интересно.

ФАКТ ТРЕТИЙ. Война. Тяжелые времена не только для меня, но и для всей России. Это теперь те времена современными конъюктурными писателями представляются сплошным подвигом. Действительно, был всенародный подвиг. И заключался он в том, что выстояли.

ФАКТ ЧЕТВЕРТЫЙ. Несколько раз ходил в атаку со своей ротой. Участвовал в форсировании Дона и Днепра. Преодолевал Бескидский перевал в Карпатах с выходом к польскому городу Бельско-Бяла.

Награжден двумя орденами и несколькими медалями. Из которых особенно дороги «За оборону Москвы» и «За освобождение Праги», что указывает на путь, который я прошел за военные годы.

ФАКТ ПЯТЫЙ. Два раза ранен: под Москвой в 1941 и на

Дону в 1942.

ФАКТ ШЕСТОЙ. Инвалид войны второй группы.

ФАКТ СЕДЬМОЙ. С 1948 года пишу. Во времена господства соцреализма писал стихи для детей.

Вот список некоторых книжек:

«Голубые корабли» – «Детгиз».

«Машины такие есть!» – «Сов. Россия».

«По Москве идет моряк» – «Малыш».

«Я тоже к звездам полечу».

«Встало солнце на рассвете».

«В городе зеленом».

«Месяц за месяцем».

«Нужные вещи».

«Аукает лето».

«Мастера».

«Это все автомобили»...

И другие.

Периодика:

«Пионер», «Пионерка», «Вожатый», «Семья и школа», «Дошкольное воспитание», «Литературная газета», «Сельская жизнь», «Вечерка», «Куранты», «Независимая», «Огонек» (старый).

1989 году вышло сразу два сборника стихов:

«Стихи с посвящениями», «Жители барака».

В 1993 еще один, в 1996 еще.

В 1995 году вышло десять рассказов из книги «Заброшенный угол» в журнале «Знамя».

Член СП. Член Пэн-клуба, чем особенно горжусь. В этой организации собраны лучшие писатели России...

Пока все. С дружеским приветом:

Игорь ХОЛИН

Комментарии

В основе текста повести – авторский текстовый файл. Исправлены ошибки набора, при этом сохранены особенности авторского стиля.

Повесть и записки публикуются впервые. Дневник 1966 года публиковался в «Зеркале» (с ошибками), для данной публикации заново вычитан и исправлен. Фамилии Холин иногда писал неточно, исправлялись, если было понятно, о ком идет речь. В дневнике и записках сделаны некоторые купюры.

Редактор благодарит А.И. Холину, Л.А. Холину, а также О.А. Буркова, А.А. Житенева, М. Классен, М. Маурицио, Т.Ф. Нешумову и Г.Г. Суперфина.

- С. 28 *комашка* – мурашка, букашка.
- С. 39 *верзуха* (верзоха) – анальное отверстие.
- С. 72 *Прыжок с балкона* – «Счастье» в книге Сапгира «Элегии».
- С. 117 Холина Екатерина Сергеевна (1908–1992). Поэтесса, бывшая беспризорница. Окончила ФЗУ и работала в ресторане «Прага» помощником повара и официанткой. Там состоялось ее знакомство с Есениным. Позже жила домработницей в семье поэта С. Городецкого. В конце 1920-х ее арестовали, но скоро отпустили. М. Горький поместил ее стихи в альманахе «Вчера и сегодня» (1930). В 1936 поступила в Литературный институт, но не закончила его. В конце 30-х работала в редакциях разных газет. Участвовала в ВОВ. После войны жила в Истре, где работала в районной газете.
- С. 131 *В 1940 году* – «в Красной Армии с октября 1940 года» (наградной лист от 30.10. 1944, орден Красной Звезды).
в Западную Украину – правильно Белоруссию, ср. с.142.
- С. 136 *Полк Рогожско-Симоновский, дивизию не помню, армия 4* – 213 полк 56 Московской стрелковой дивизии 4 корпуса

(штаб в Гродно) 3 армии. В июне 1941 213 СП окружен и уничтожен в районе местечка Сопоцкино. По донесению командарма Кузнецова, «...от 56 дивизии остался только номер...»

- С. 136–7 *Местечко называлось Сапоцкино* – Сопоцкин (белор. Сапоцкін) – поселок в Гродненской области Белоруссии.
- С. 144 *Ракитянский Сергей Степанович* – музыкант, рядовой 213 стрелкового полка.
- С. 145 *Никак не могу дотянуть до сотой страницы* – это с. 96 первой тетради.
- С. 165 *Тут и объявился Генрих Сапгир. Было ему в то время лет 11-12, и Оскару не больше* – в 1942 Генриху и Оскару было по 14 лет.
Юго-западный военный округ – правильно Западный особый.
- С. 174 *лытки* – икры ног.
- С. 196 *20 февраля (1970)* – ср. в «Левиафане» Гробмана, запись от 15.02. С. 411-412.
- С. 221 *Евг. Леон. Кропивницкий написал...* письмо про холеру – приводим это письмо целиком:

22–9–70

Игорь Сергеевич здравствуйте.

Погода стоит чудесная – сухо, тепло и красиво. В вашем районе, кажется, холеры нет. Юра Васильев говорит, что от холеры первое средство на себе носить медь: медное кольцо или медный крест. Носящих медь холера боится. Он мне подарил медное кольцо, чтобы я его носил. Он сам и все его семейство носят медные кресты и медные кольца. Но только (он говорит) нужна красная медь, а латунь не годится.

А то Бегичевой делали пять впрыскиваний, и за пять дней она, можете себе представить, пятьдесят таблеток тетрациклина съела.

Ей, как вам известно, шестьдесят восемь лет и, представьте, она вынесла эту «профилактику». Я бы, да я думаю и вы бы, не вынесли

бы этого. Но там в Малаховке, откуда она приехала, умер один человек от холеры. Этот человек съел фрукты, которые привезли грузины, – и умер. А грузины, увидав, что он заболел, бросили эти свои фрукты и скрылись. Тогда всему населению Малаховки и Бегичевой сделали «профилактику».

Вот сейчас в комнате нет мух. Но стоит начать что-то делать, и они ударяются об голову и пускают яд. Прокусывают даже шапку, в которой приходится сидеть, чтобы защитить себя от них. Я не выдерживаю, встаю и хочу их бить, но их нет. Теперь, мне рассказывали специалисты, новая борьба с «религиозным дурманом». Это делается так: посылаются две-три личности в церкви, где богослужение. Попам говорят: «ваша церковь ценная для культуры, мы в ней делаем ремонт».

Попы, конечно, не хотят этого и этим личностям предлагают взятку. Личности боятся, иногда, брать. И тогда они делают ремонт – иконы берут, всё замазывают и церковь ликвидируется – в ней уже «культура»: кино, клуб, ресторан, библиотека. Но, конечно, это делают личности в захолустье, а в центре это не делается. Вообще, клопы, мухи и прочие насекомые, которые лезут к человекам, – ужасны. Они очень действуют на нервы. И теперь чудесная теплая, сухая и красивая осень, а насекомые, особенно мухи, покою не дают – лезут на бритую голову. Хочешь их бить, а они, словно понимают – прячутся. Их мало, но как они умны и осторожны.

ЕК

- С. 223 *Два прибалтийца угнали советский самолет – 15 октября 1970.*
- С. 235 *Два раза ранен – согласно тому же наградному листу, 4 декабря 1941 и 14 декабря 1942 (тяжелое ранение).*

И. Ахметьев

Именной указатель*

Айги Геннадий 99
Акулинин В. 232
Алешковский Юз 162
Альвинг Арсений 85, 165
Андреев Вадим 163
Андреев Л.Г. 175, 176
Андреева Галина 131, 217
Андреева (Карлайль) Ольга 161-163
Анненский И. 99
Антониони 231
Анурова Ю. 78, 79, 102, 132, 133, 191-192, 228
Аполлинер 99
Аронов Александр 162, 170
Ахмадулина Белла 181, 193
Ахматова А. 153
Бабошкин 186
Балл Г. 99
Бальзак 103
Бальмонт К. 88
Баратынский 153
Барри Роберт 197, 198
Басилова Алена 94, 127, 226, 228
Батшев Владимир 223
Батюшков К. 153, 158
Бах 215
Безродная Татьяна 192
Бисти Д. 220
Блок А. 73, 88, 150, 153
Бокштейн Илья 193

---

* Только к дневнику и запискам.

Боронецкий И.Н. 171
Бродский И. 92
Брусиловский Анатолий 97, 98, 101, 102, 106, 127, 173, 207, 229, 230
Брюсов В. 88
Буковский Владимир 196
Буковский 207
Бунин И.А. 153
Бухалова В. 130, 135, 144
Быстрова Татьяна 227
Васильев А. 132
Васильев Ю. 87, 160, 237
Вегин Петр 214
Вейсберг Владимир 128, 160, 172
Верховский Ю. 85
Винер Юлия 210, 217, 224
Виноградов Леонид 78
Вишневская Юлия 219
Вознесенский Андрей 161, 181, 193, 222
Воробьев Валентин 100, 107, 208, 226
Ворошилов К.Е. 149, 180, 185
Врубель-Голубкина Ирина 132, 153, 225, 227, 230
Гаврилова Татьяна 192
Галич Александр 161
Гете 173
Гинзбург Александр 143, 196
Глазунов Илья 91, 104-105
Глезер Александр 182, 197, 200, 206, 222, 225
Голицын С.М. 98
Голодный Цезарь 214, 216, 217, 221
Горбовский Глеб 92
Григоренко П.Г. 206-207
Гробман Михаил 132, 175, 196-197, 211, 220, 223-224, 225-227, 229-232
Громова Тамара 89, 143
Губанов Леонид 97, 204

Гуревич Александр Давыдович 72, 80, 92, 97
Гуревич Нина Михайловна 72, 92, 219
Даниэль Ю. 196
Данцигер Анна 93, 95, 211, 213, 222
Демькина Галина 99
Джемаль Гейдар 172, 193-195, 200, 204, 218
Джойс 128
Дики Джеймс 192
Дорош 138, 144-145, 168-169, 180, 184-185
Достоевский Ф.М. 76-77, 128, 134
Драга Антон 228, 230-231
Дриз Овсей 78, 100, 214
Дудинский Игорь 206, 218, 232
Евгушенко Евгений 161, 181, 193, 214
Есенин 153
Железнов П.И. 117
Жид Андре 128
Жилин сержант 202
Жуков Г.К. 166
Заневская Римма 119-120, 132, 142, 159, 163-164, 172, 174, 193, 204, 209,
213, 216-217, 219, 225-227, 229-230
Заходер Б. 74, 94
Збарский 220
Зверев Анатолий 195
Зубрицкий Юрий Александрович 98
Инфанте Франциско 228
Иодковский Эдмунд 72, 74, 88-90, 94-97, 143, 181
Исаковский М. 151
Кабакон Илья 128, 173, 208
Каграманов Ю. 232
Камышова Маргарита 80, 199
Кантемир Антиох 153
Карамзин Н. 73
Карганова Е.Г. 171

Кафка 128
Кларк Джеральд 131
Ключевский В. 76, 91
Ковшик политрук 186, 191
Ковшин Владимир 199
Козлов Сергей 230
Колодзей Татьяна 132, 163-164, 170, 172-174, 227
Кордун Р.И. 171
Коржавин Наум 161
Краснопевцев Дмитрий 160, 172
Кришнамурти 77
Кропивницкая Валентина 85, 102, 151, 195, 205, 225
Кропивницкая Г.Д. 225
Кропивницкая Екатерина 90, 151, 176, 225
Кропивницкая Н.А. 225
Кропивницкий Евгений Леонидович 78, 85-88, 90, 127-128, 146-148, 150-152, 157-163, 165, 174, 176, 195, 199, 204, 209, 212-213, 216, 219-221, 224-227, 230, 237-238
Кропивницкий Лев Евгеньевич 85, 216, 225, 230
Кручных А. 100
Кузнецов П. 87
Кук Н. 209, 226
Кулаков М. 195
Кучерова Лариса 119, 132, 172, 204
Лабас А. 97
Лаврук 144
Лазаренко 124-125
Лайко Александр 100
Ламм Леонид 232
Ларионов М. 87
Лемпорт В. 160
Ленин 174, 213
Лён Слава 207
Либин М. 92-93

Либина Т. 79-80, 92-93
Лимонов Эдуард 228, 230
Львов 112, 135
Майсон де Блез Мартина 132-133, 137, 221-222
Макарова (Алигер) Татьяна 191, 193
Маклюэн Маршалл 232
Мамлеев Юрий 79, 107, 129, 172, 193-194, 206, 217-218
Маркиш Давид 155
Маркиш С. 155
Мастеркова Лидия 206, 209, 225
Маяковский 91, 95, 99, 153
Мешков Ким 73, 98
Миримский С.Е. (Полетаев) 175
Михалков С.В. 105
Набоков В.В. 128, 129, 137
Неизвестный Эрнст 160, 172
Некрасов Всеволод 91, 191
Немухин Владимир 128
Ноде-Ланглуа Анни 132, 221
Нусберг Лев 97, 227, 228
О. Генри 103
Окуджава Булат 161
Орлова Е.Н. 175
Орлова Н. 127, 225
Осмеркин А. 88
Оскордова Елена 225
Острова Елена 220
Охрименко А. 162
Павлов Д.Г. 165-166
Пастернак Б. 76, 78, 87, 153
Пивоваров Виктор 155, 210, 219-220
Пивоварова Ирина 155, 207, 210, 219-220
Пиджаренко М.П. 126
Пильняк 128

Пирогова Варвара 210
Плавинский Дмитрий 128, 132, 160
Полоцкий Симеон 93
Порет Алиса 94
Потапова Ольга Ананьевна 78, 85, 127, 147, 150-151, 165, 176, 204, 209, 212, 224-225, 230
Пресняков Юзеф 155
Приходько Владимир 79, 138, 205-206, 209, 214, 223, 229
Прокофьев Олег 160
Пруст Марсель 128, 134, 137, 142, 175-176
Прыгунов Лев 78
Пушкин 88, 153
Рабин Александр 225
Рабин Оскар Яковлевич 85, 87, 90, 102, 127, 132, 133, 142, 151, 159, 160, 165, 172, 176, 182, 196, 197, 199, 200, 205, 206, 209, 214, 222, 223, 225, 229, 230
Ракитянский Сергей Степанович 144, 184
Рейн Е. 92
Ремизов 128
Рильке 76, 93
Рогова Н.М. 170
Ромм Михаил 149
Румянцева Мария Сергеевна 114-117
Румянцева Юлия 116-117, 144
Русанов А. 225
Ръжов Лев 223
Савельев Вячеслав 219
Савицкий Дмитрий 228
Сапфир Генрих 72-76, 78-81, 87, 92, 97, 99, 101-103, 119, 127-128, 131-133, 151, 155, 159-161, 163, 165, 170, 173-174, 176-177, 181, 192-194, 199, 205, 208, 213, 215-216, 219, 221-223, 225-230
Сапфир (Гуревич) Кира 72, 73, 75-76, 92, 100, 102, 127, 132, 173, 176-177, 192, 194, 199, 205, 213, 216, 225-226, 228-230
Сатуновский Ян 103, 171

Свешников Борис 172, 209, 225
Селиверстов Ю. 220
Сидур Вадим 160
Силис Н. 160
Сильман Тамара Исааковна 76
Синявский А. 128, 196
Слуцкий Борис Абрамович 161
Солженицын Александр Исаевич 128, 224
Сологуб Ф. 88
Соостер Юло 208
Сталин 130, 142, 149, 160, 166-167, 181
Стесин Виталий 232
Стигнеев В. 91
Сумароков 158
Талочкин Леонид 206
Тарсис В. 95
Терещенко В.И. 76
Тимошенко С.К. 169
Тихвинский Владимир 132-133, 137
Тредьяковский 153, 158
Трипольский Олег 73, 119-120, 132-133, 142, 172, 174, 194-196, 209, 217, 225-226, 230
Тротье Пьер Людовик 227-230
Тышлер 87
Тютчев 88, 153
Уманская Ева 79, 95, 102, 199
Урин В. 72
Фальк Р. 97
Фет 153
Филимонов 130
Филонов П. 100
Фрединский (Архаров) Владимир 72, 74, 90, 104-105, 158
Фрейд 111-112
Хвостенко Алексей 102-103, 220

Хемфри Джордж 197
Хлебников В. 78, 87, 153
Хокусай 97
Холин Игорь В. 209, 225
Холина Александра Сергеевна 110-112, 114-115, 132
Холина Екатерина Сергеевна 117
Холина Лина Александровна 153, 156, 163, 170, 172, 199, 229-230, 236
Холина Людмила Игоревна 94, 153, 156, 173-174, 199, 229-230, 236
Хоружий С. 200, 214
Хрущев Н.С. 96, 166-167, 218
Худяков Генрих 100, 119
Хухашвили Г.М. 181
Царьков Валентин 129, 135-136, 144
Цветаева М. 78, 87
Целков Олег 128, 160, 203-204, 218
Цыферов Геннадий 90, 92, 94, 97, 102, 104-106, 131-132, 170-172, 177,
192, 213, 215-216, 221, 228, 233
Челомбиев В.Н. 207
Чернов Филарет 85-86, 159
Шагал 87
Шварцман Михаил 173
Шведов Я.З. 117
Шенберг А. 103
Шершеневич В. 93
Штейнберг Э. 107
Щапов Виктор 207, 228
Щапова Елена 207, 228
Щипачев Степан 161
Эдельман Ирина 107
Эразм Роттердамский 137, 155, 176
Юткевич С. 228
Яковлев Ю.Я. 171, 174-175
Ярмуш М. 209
Ясногородская Ирэна 98, 106
Ясногородский Рудольф 106

СОДЕРЖАНИЕ

С МИНУСОМ ЕДИНИЦА. ПОВЕСТЬ

5

ДНЕВНИК (АВГУСТ – ДЕКАБРЬ 1966)

72

ЗАПИСКИ (1969–1973)

108

ФАКТЫ БИОГРАФИИ

234

КОММЕНТАРИИ

236

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

239

